

ISSN 0131-2596

С/р

охота

и охотничье хозяйство

4

1999

КЕРАМИКА

художник В. СИМОНОВ

Яркие и точные рисунки животных Валерия Васильевича Симонова известны читателям по иллюстрациям на страницах нашего журнала. В произведениях этого художника, выполненных в керамике, появляется несколько иной подход к природе. Главное в них - образ, и художник лаконичными средствами доводит его иногда до гротеска. Способность Валерия Васильевича изображать животных в равной степени доходчиво в графике, живописи, стекле, керамике, металле, резьбе по дереву - желание как можно точнее, прибегая к разным материалам, передать самые характерные черты птицы или зверя.

Казалось бы, откуда у коренного горожанина такая любовь к природе, животным? Очевидно, все-таки наследственность определяет большинство черт характера и способностей каждого человека. Дедушка В. Симонова был лесником, отец в молодости любил рисовать. Один из первых учителей Валерия Васильевича - М. М. Ильин, заметив способности ученика, посоветовал ему учиться на художника. После Московского художественного училища 1905 года, получив образование живописца и педагога, Симонов окончил еще и полиграфический институт.

Наследственную любовь к природе Василий Васильевич еще в детстве закрепил на занятиях Центральной станции юннатов. Одновременно он посещал кружок юннатов Всероссийского Общества Охраны Природы, который вел блестящий педагог и известный природолюб Петр Петрович Смолин. П. П. Смолин познакомил В. Симонова с известными художниками-анималистами Трофимовым и Горловым.

Общительному и доброму Валерию Васильевичу везло с учителями и везет с друзьями. Судьба оказалась благосклонной к его творчеству.

ВОДОПЛАВАЮЩИЕ

ПТИЦЫ

ЕВРАЗИИ

В современных социально-экономических условиях государств бывшего СССР водоплавающие птицы, как особый мигрирующий биологический ресурс, оказались в крайне уязвимом положении на всей этой территории. В России прекратила существование единая система учета, разрушена координация работ по корректировке сроков и норм отстрела, отсутствует общая стратегия воспроизводственных мероприятий. Развивающийся в стране кризис подтолкнул ученых и практиков к решению этой проблемы через создание хозрасчетной организации Центра по изучению мигрирующих животных Евразии (ЦИМЖ Евразия). Главным направлением деятельности Центра является межведомственная и межрегиональная в России и межгосударственная координация работ по мониторингу и охране мигрирующих животных, главным образом водоплавающих и околоводных птиц. Так, с 1993 г. родилась программа «Создание системы мониторинга и охраны водоплавающих птиц России и сопредельных государств».

Главными целями программы определены: организация системы оперативного слежения за состоянием запасов водоплавающих птиц и их местобитаний; представление соответствующей информации государственным и неправительственным природоохранным организациям для принятия решений по совершенствованию системы охраны и рационального использования водоплавающих птиц на территории государств бывшего СССР.

В 1996 г. ЦИМЖ Евразия совместно с Союзом охраны птиц России, при поддержке Государственного Комитета Российской Федерации по охране окружающей среды, обратились к Главам администраций субъектов России с просьбой принять участие в программе. Программа получила одобрение

60 субъектов. В течение 1997—98 гг. целый ряд регионов оказывали содействие этой работе, среди которых особенно хотелось бы отметить активную роль республик — Башкортостан, Северная Осетия, Адыгея, Чувашия; областей — Ростовская, Астраханская, Магаданская, Тюменская, а также Ямало-Ненецкий автономный округ.

За 1994—1997 гг. ЦИМЖ Евразия был собран материал по экспликации водно-болотных угодий Российской Федерации и проведена интегральная оценка их продуктивности, обобщены литературные и ведомственные материалы по численности и путям миграции водоплавающих птиц. Все это в целом позволило произвести расчет запасов водоплавающих перед сезоном охоты по каждому субъекту России. Расчет численности и хранение данных выполнены в программе «Data Graf» и систематизированы для 131 административного и 40 природных районов. Программное обеспечение позволяет анализировать полученный материал в любой природно-территориальной модификации.

Как видно из кратких итогов, представленных в таблице, современные ресурсы водоплавающих птиц России составляют ориентировочно 90 млн особей, а их размещение представляет собой весьма мозаичную картину.

Для многих районов страны обобщения сведений о ресурсах водоплавающих птиц за большое число лет показывают, что их запасы изменяются в циклическом режиме с интервалами в 3—4, 7—11, 30—45 лет, что обусловлено аналогичными по времени развития гидроклиматическими циклами. Циклические изменения численности водоплавающих птиц в южных районах страны, а также в поймах крупных северных рек имеют достаточно прямую корреляцию с обводненностью территории. В зоне тундры и лесотундры причинами изменения численности являются межгодовые отличия метеорологических условий весенне-летнего периода — сроков схода снега, количества выпадающих осадков, особенно твердых.

Из-за экономического кризиса во многих районах заметно уменьшилось влияние на успешность размножения хозяйственной деятельности человека.

Оценивая первые итоги учета ресурсов водоплавающих птиц России на

В. СВИНТ,
Президент Союза охраны птиц России,
заведующий отделением ВНИИ
охраны природы Госкомэкологии РФ,
академик РАЕН
В. КРИВЕНКО,
Генеральный директор Центра
по изучению мигрирующих
животных Евразии,
заведующий отделом ВНИИ
охраны природы Госкомэкологии РФ,
профессор, лауреат международной
премии «За охрану Рамсарских водно-
болотных угодий»

уровне субъектов, мы отдаем себе отчет в том, что по многим регионам полученные цифры весьма приблизительны. В то же время эти данные в целом достаточно точно характеризуют общую ситуацию с изучаемым объектом в стране. Этот итог можно рассматривать как первую приближенную модель, которая по мере развертывания учетных работ, уточнения и пополнения данных станет информационной системой, отображающей ежегодную реальную ситуацию.

Создание системы мониторинга водоплавающих птиц на огромных пространствах России — дело весьма сложное, и мы отдаем себе отчет в том, что полномасштабное развертывание работ по программе в ближайшее время невозможно. Поэтому каждый регион вправе уточнять полученные первые оценки запасов водоплавающих птиц в том объеме, на который способен. Если на сегодняшний день не реальные дорогостоящие авиационные обследования, то проведение в ограниченном объеме наземных учетов, в равной мере как и составление оценочных характеристик природных особенностей конкретного сезона (обводненности, развития метеорологических условий весенне-летнего сезона и т. п.), может дать вполне надежную основу для оценки успешности размножения птиц и выявления многолетних тенденций.

В то же время, чтобы иметь общую картину по стране, необходим целый ряд усилий по организации и координации этих работ: унификация сбора учетных данных, финансовое обеспечение обработки данных и доведение их до соответствующих региональных и федеральных органов. В конечном счете все эти проблемы решаемы.

Подготовленное обобщение об особенностях миграций водоплавающих птиц и их численности по отдельным путям пролета масштабно иллюстрирует круг проблем, связанных с их охраной. Водоплавающие птицы, закончив сезон размножения, сначала мигрируют через 89 субъектов Российской Федерации. Затем они временно или на весь зимний период посещают более 60 государств Ближнего и Дальнего зарубежья. В это время ареной зимней жизни российских уток и гусей становится все большее, чем Россия, территориальное пространство, охватывающее страны Северо-Западной и

охота

и охотничье хозяйство

4

1999

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовая коллекция редакции журнала,
Союз общества охотников и рыболовов РФ.

● Основан в октябре 1955 г.

Южной Европы, Африки, Передней и Юго-Восточной Азии, а также Северной Америки. На всем этом гигантском пространстве наряду с проблемой мониторинга как основы всех последующих действий встает необходимость решения целого круга проблем. Среди них следует выделить следующие приоритеты:

1. Определение размеров добычи и степени опромышления водоплавающих, населяющих ту или иную территорию годового пребывания;

2. Корректировка сроков охоты и квот добычи на территории России, анализ аналогичных вопросов на территории Ближнего и Дальнего зарубежья;

3. Оценка существующей системы охраняемых территорий и других производственных мероприятий для водоплавающих птиц в России и за рубежом;

4. Создание постоянной Службы учета численности и добычи водоплавающих птиц России;

5. Организация работ по координации межрегионального и межгосударственного взаимодействия по мониторингу водоплавающих птиц, вопросам их охраны и устойчивого использования.

Ставя для решения вышеизложенные проблемы, необходимо сказать несколько слов о реальной ситуации.

Система мониторинга состояния водоплавающих птиц в Дальнем зарубежье неуклонно совершенствуется. Вся эта работа координируется международной организацией Wetlands international, а ее результаты постоянно публикуются. Поскольку эта информация издается на английском языке,

она доступна лишь узкому кругу специалистов. А ведь при развертывании Программы несложно решить проблему информирования по этому вопросу природоохранных органов и охотничьей общественности.

В то же время следует отметить, что систему регулирования охоты на водоплавающих за рубежом нельзя назвать благополучной. Если охота на водоплавающих птиц в России продолжается в общей сложности 2,5–3 месяца, то в местах зарубежных зимовок и на трассах пролета она осуществляется гораздо дольше: в Германии — 4,5 мес., в Великобритании и Болгарии — 5,5, в Индии — 6, в Румынии, Дании, Нидерландах, Бельгии, Италии — 6,5, во Франции и Греции — 7,5 месяца. На многих азиатских и африканских зимовках охота вообще не регламентируется. В большинстве стран, где зимуют наши птицы, не установлены нормы отстрела. По статистическим данным конца 80-х гг., 950 тыс. охотников европейской части СССР отстреливали в год 8 млн водоплавающих птиц, а в Дании — несоизмеримо меньшей по площади — 75 тыс. охотников, годовая добыча охотников составляла 1 млн особей. На сегодняшний день ситуация в затронутом аспекте принципиально не изменилась. В настоящее время, например, охотничья общественность Франции ведет активную политику за расширение масштабов охоты на водоплавающих птиц в этой стране (см. публикацию г-на Пуже в ж. «Охота и охотничье хозяйство», № 12, 1998).

Нельзя сказать, что проблема охраны мигрирующих животных лишена внимания государственных природоохранных органов и Правительства России и мирового сообщества.

Еще в 1994 г. в рамках СНГ было заключено межправительственное Соглашение «Об охране и использовании мигрирующих видов птиц и млекопитающих и мест их обитания», которое в настоящее время ратифицировано большинством государств. Весь вышеизложенный круг проблем в той или иной мере отражен в названном Соглашении. По объективным экономическим причинам сделано в этом направлении крайне мало. Международное сообщество уже на протяжении ряда лет предпринимает определенные меры по организации охраны и упорядочению охоты на водоплавающих птиц. В настоящее время набирает силу Международное соглашение об охране афро-азиатских мигрирующих водных птиц (AEWA), разработанное в рамках Боннской Конвенции об охране мигрирующих животных. Российская Федерация — не участник этой Конвенции, но может быть партнером AEWA. Соглашение предусматривает учет, мониторинг и регулирование использования гусей, уток, куликов и других птиц, биологически связанных с водоемами на гигантской территории от Таймыра до Южной Африки, причем под юрисдикцию Соглашения попадают территории гнездования, миграций и зимовок. В целом Соглашение представляется очень важным для России, и по сути дела оно без угодий России теряет биологический смысл. Однако ряд обстоятельств (организационных, финансовых и других) не позволяет пока России присоединиться к Соглашению. Хочется надеяться, что все спорные вопросы в ближайшее время все же будут решены положительно.

В заключение хочется остановиться еще на одном аспекте проблемы. Выйдя с инициативой по созданию системы мониторинга и охраны водоплавающих птиц, наряду с поддержкой Госкомэкологии России и большинства администрации Субъектов России, мы столкнулись с негативной реакцией на эту тему со стороны Департамента по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов Минсельхозпрода РФ. Сотрудничая многие десятилетия с вышеназванным Департаментом и отдавая должное уважение этой организации, мы вынуждены занять жесткую позицию: в планируемой огромной по масштабу Программе, конечно же, ведущая роль отводится соответствующим государственным службам. С другой стороны, имеется большой круг вопросов, которые или не входят в обязанности того или иного государственного ведомства или имеются вопросы, до которых у них еще долгое время не дойдут руки. Мировой опыт совместных усилий общественных и государственных организаций в деле охраны природы общеизвестен. Так, если есть инициатива по развитию сложной и огромной работы, давайте же решать ее сообща. На этом многотрудном пути всех нас ждут не «новые звезды на погонах», а «большая головная боль».

Таблица
СОВРЕМЕННАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ ВОДОПЛАВАЮЩИХ ПТИЦ В РОССИИ
(в тысячах экземпляров)

Территориальные группировки	Группы видов							Итого
	Лебеди	Гуси	Речные утки	Нырко-вые утки	Земляные утки	Крохали	Лысуха	
Северо-европейская	70	600	8500	7000	0,1	30	160	16 360,1
Центральная и южно-европейская	9	14	6500	3000	5,5	1,5	800	10 330
Западно-сибирская	60	2000	24 000	10 000	12	300	4000	40 372
Азово-каспийская	70	65	2000	500	100	—	300	3035
Итого	209	2679	41 000	20 500	117,6	331,5	5260	70 097,1
Восточно-сибирская	15	100	5500	4800	10	460	25	10 910
Дальневосточная	6	120	2800	2600	—	30	—	5556
Северо-восточно-сибирская	35	400	900	3300	—	30	—	4665
Всего	265	3300	47 400	28 600	127,6	851,5	5285	91 228,1

С РАСТРЕВОЖЕННОГО ТОКА

Р. ДОРМИДОНТОВ

Было это в осушенной пойме на северо-западном берегу Московского моря. Окружающий пейзаж и его растительность мы разглядели только потом, когда рассвело. Это была унылая, перекопанная канавами и какими-то буграми равнина, кое-где поросшая молодыми ивами и березками. К югу за нею угадывалась близость большого водохранилища. Но все это увидели и прочувствовали мы только потом, когда услышали трубные звуки журавлиной зари и гомон многочисленных гусей.

По ухабистой и тряской дороге еще совсем темной ночью меня с сыном подвезли на «уазике» к едва различимому черному конусу шалаша. Мы вползли в него на четвереньках и кое-как разместились на разостланном сене. Шалаш был сооружен из еловых лап, слегка прикрытых прошлогодней травяной ветошью, и даже в темноте было заметно, что стенки его рыхловаты. Но заниматься ремонтом было поздно. Тетерева могли прилететь с минуты на минуту, и мы замерли в темной тесноте.

Наступило время, про которое писатель Георгий Семенов писал: «Ни света, ни тьмы. Одно лишь предчувствие близкого рассвета». И в этом предчувствии, в этом ожидании послышалось вдруг хлопанье невидимых крыльев, и справа, и слева от шалаша какие-то неясные шорохи, потом тихое, почти змеиное шипение, и вот оно, наконец: «Чу-у-у-фыш! Чу-фыш!» И снова шорохи, снова шипение, и после некоторой перемолчки перекличка чужьяньем. Подлетел еще один тетерев напротив шалаша. Но пока еще ничего не видно, да и косачи токут вяло... Вот послышался взлет, и тетерев, который был слева, перелетел вправо от шалаша, видимо, сблизился с соперником, и токование стало несколько активнее.

Едва-едва забрезжил рассвет, над головой в стремительном выраже гулко провибрировал бекас. Метрах в сорока-пятидесяти от шалаша, сидя на березках, запели два, наверное, еще молодых тетерева. Но тетеревов, токующих на земле, все еще не было вид-

но, а когда развиднелось больше, оказалось, что они токут на изрядном расстоянии от шалаша среди кочек, покрытых пожелтой травой. Ток был уже сильно потрепан. Об этом свидетельствовали и три найденных нами ружейных гильзы... Мы продолжали упорно сидеть.

Близился восход солнца. Уже не первый раз трубили зорю журавли, и начался тот неповторимый весенний концерт птичьих голосов, который услышать можно только поблизости от больших мелководий. Гомонили гуси, то в одной, то в другой стороне крякали перелетающие утки, рыдали над лугами чибисы, скрипели каждый по-своему веретенники и коростели, громко и где-то совсем недалеко несколько раз ударил перепел. Безоблачное небо озарилось выплывающим из-за горизонта солнцем, и запели жаворонки. Чужьяющие тетерева казались какими-то мрачными и дремучими. По их дальним голосам мы поняли, что в окрестностях было несколько довольно близких друг к другу токов. Иногда то один, то другой тетерев перелетал с тока на ток. На земле косачи топтались, кружили, опускали низко головы, вытягивая шеи, делали короткие перебежки, шумные взлеты, вспархивания. На земле они только чужьякали то по многу раз подряд, то замолкали, настораживались и только топтались. С ближних и дальних березок неслись неумолкающие, бурлящие трели тетеревиного бормотания. Один тетерев метрах в шестидесяти от нас, сидя на березке, как-то странно, гортанно и протяжно каркал, его песня была совсем не похожа на обычное бормотание, и я подумал, может быть, это межняк? Но выяснить это не было возможности. Не было возможности ни стрелять, ни фотографировать, — шалаш просвечивал на солнце, и тетерева отошли от него еще дальше.

Загремел на дороге за шалашом автомобиль. Из него вышли двое мужиков и стали что-то кричать в нашу сторону. Тетерева, конечно, сразу улетели. Я выглянул из шалаша и замахал рукой: «Уезжайте! Уезжайте!» — И они уехали, а мы остались сидеть, хотя ждать как будто было больше нечего. Но продолжали кричать чибисы и вер-

тенники, и пели жаворонки. Уходить не хотелось... И вдруг почти одновременно на прежние места вернулись тетерева и сразу затоквали, а еще минут через десять под березки напротив шалаша прилетели тетерки, и токование стало яростным... Мы же лишь любовались происходящим и слушали весну.

Солнце поднялось над березками. Стороной пролетела большая говорливая стая гусей. Три селезня чирка гоняли в ярком голубом небе маленькую утку. Далеко справа, вяло взмахивая крыльями, над лугом пролетел орлан-белохвост, промчалась рядом с шалашом стайка турухтанов, громко и назойливо застрекотала в березках сорока. Тетерева стали по одному улетать...

Мы вылезли из шалаша и, греясь на весеннем солнышке, стали наблюдать, как высоко в небе с песнями трепетали почти полупрозрачными крылышками жаворонки. И вспомнились мне слова Персидской песни А. Рубинштейна: «О, если б навеки так было».

НА ГАУХАРЕЙ

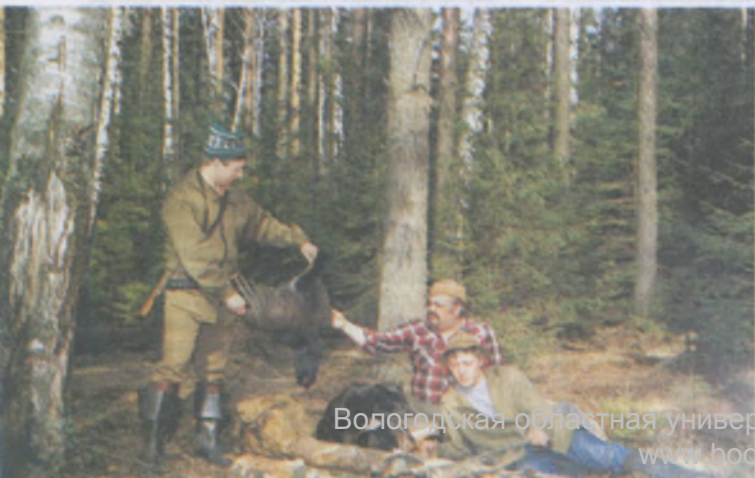

«...У меня так сильно колотилось сердце и так дрожали ноги, что я решил пропустить несколько песен... С каждой перебежкой песня становилась все яснее и яснее. Теперь я не только слышал хорошо оба колена, но даже различал между ними какой-то новый странный звук, какое-то глухое и быстрое фырканье. Наконец я остановился. Я слышал, что глухарь играет где-то совсем близко, над самой моей головой, на одной из шести или семи сосен, обступивших почти правильным кругом кочку, на которой я стоял. Под песню я поднял голову вверх и стал жадно всматриваться в густые шапки сосен. Но или ночь была еще слишком темна, или мой глаз недостаточно зорок, — я ничего не различал в этих черных массах перепутавшихся ветвей.

А глухарь все играл и играл не переставая одну песню за другой. Он так разгорячился, что окончательно забыл об осторожности: он уже не чокал, а начинал прямо с дробы и, едва окончив одну песню, тотчас же принимался за другую. Никогда в жизни, ни раньше, ни впоследствии, не слышал я ничего более странного, загадочного и волнующего, чем эти металлические, жесткие звуки. В них чувствуется что-то допотопное, что-то принадлежащее давно исчезнувшим формациям, когда птицы и звери чудовищного вида перекликались страшными голосами в таинственных первобытных лесах».

А. И. КУПРИН

ФОТО А. ДИГИЛЕВИЧА

самым лучшим, то одним из лучших в России.

В 1986 г. после применения Главохотой РСФСР коэффициента успешности охоты, численность копытных животных резко сократилась. Благодаря амурскому тигру удалось запретить охоту на его жертв — копытных. Нам запрет охоты был нужен как стимул для охотничьих хозяйств по увеличению численности животных в охотничьих угодьях. Где численность достигала необходимой нормативной, там дифференцированно открывалась охота. Так на сезон охоты 1988/89 г. была открыта охота на косялю в пяти приписных хозяйствах краевого общества

ганизовано в Управление охотничьего хозяйства по Приморскому краю (структурное подразделение федерального органа — Департамента по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов Минсельхозпрода Российской Федерации) во главе тех же руководителей, которые по непонятным причинам сдерживали закрепление охотничьих угодий еще более года. Лишь в 1995 г. началась работа по закреплению угодий, включающая аттестацию претендентов, выдачу долгосрочных лицензий и заключение договоров. В настоящее время (на конец 1998 г.) с охотпользователями заключено 92 договора, которыми зак-

КАК ВЫБИРАТЬСЯ ИЗ-ПОД ОБВАЛА?

Статья председателя Центрального правления Росохотрыболовсоюза А. Улитина в журнале «Охота и охотничье хозяйство» «Россия охотничья тоже в обвале» (№ 9, 1998 г.), касающаяся проблем охотничьего хозяйства, действительно затрагивает наиболее важные вопросы охотничьего хозяйства всей России. Но Россия велика и условия в отдельных регионах как природные, так и социальные очень различны. Мне бы хотелось на примере Приморского края детализировать и, возможно, развить отдельные вопросы охотничьего хозяйства, затронутые упомянутым автором.

Дикие животные Уссурийской тайги — это не только национальное, но и мировое достояние. Именно они для многих определяют ценность этой земли. От ведения охотничьего хозяйства во многом зависит судьба диких животных, и важнейшим здесь является то, как государственные органы, отвечающие за охотничье хозяйство, учтут социальный фактор территории, будут способствовать превращению огромной армии местных охотников в заботливых хозяев или превращать их в воров (напомним, что браконьер по словарию В. Даля — это человек, ворующий у государства) на собственной земле.

Охотничье хозяйство Приморья имеет давние прекрасные традиции. В 80-е годы уровень ведения охотничьего хозяйства края был одним из самых высоких в России. Ежегодные (а нередко и по два раза в год) семинары специалистов охотничьего хозяйства, слеты охотников были обычным явлением. В 1984 и 1987 гг. были проведены краевые конкурсы охотников и службы охотнадзора, которые превратились в незабываемый праздник для охотников и всех специалистов охотничьего хозяйства края. Эти праздники до сих пор вспоминаются, вызывая двойные чувства у участников: светлую грусть по ушедшему и раздражение современным уровнем ведения охотничьего хозяйства. По данным Дальневосточного отделения ВНИИОЗ, в 1988 г. качество проведения учетных работ в охотничьих хозяйствах края было если не

охотников, где плотность заселения этого вида достигла 10 и более особей на тыс. га угодий.

С 1988 г. весь дух охотничьего хозяйства края изменился до неузнаваемости. Наступило десятилетие охотведческой серости и безынициативности. За весь период (а именно в 1996 г.) был проведен единственный краевой семинар по вопросам охотничьего хозяйства. Но инициатором его проведения и основным организатором был комитет по природным ресурсам администрации края (кстати, на использование природных ресурсов края имеющий очень условное влияние).

К 1992 г., в основном по ряду объективных причин, развалились государственные и кооперативные промыслово-охотничьи хозяйства. Более 90 % охотничьих угодий края оказались практически брошенными. Резко увеличилось браконьерство. Газеты запестрели объявлениями о продаже шкур тигров, струи кабарги, медвежьей желчи. В то же время число протоколов, составленных на нарушителей сроков и правил охоты, с 3050 в 1982 г. сократилось до 1386 в 1992 г. и 1046 в 1994 г. Существовавшая п/о «Приморпромохота» оказалась абсолютно несостоятельным органом по наведению порядка в охотничьих угодьях. Возникла острая необходимость по наведению порядка в тайге. Важнейшим мероприятием, способным как-то исправить положение, могли стать ликвидация обезлички и закрепление охотничьих угодий за конкретными хозяевами. В 1992 г. комитет по природным ресурсам краевой администрации разрабатывает Положение об аренде охотничьих угодий на территории Приморского края, которое предусматривает преимущественное право аренды за коллективами местных охотников. Мощное и всевозможное противостояние руководства п/о «Приморпромохота» задержало внедрение данного Положения почти на два года, что не только усилило развал всего охотничьего хозяйства, но и дезорганизовало охотничье население края. В конце 1993 г. п/о «Приморпромохота» было вновь реор-

реплено 11,4 млн га охотничьих угодий, или почти 80 процентов от всех охотничьих угодий края. Если за районными обществами охотников до 1995 г. было закреплено 1,2 млн га охотничьих угодий, то сейчас за общественными охотничьими организациями числится 4,5 млн га. За три года создан целый ряд новых общественных организаций. Причем на данный период наиболее плчевое ведение охотничьего хозяйства имеет место в охотничьих угодьях, закрепленных за искусственно удерживаемыми на плавку кооперативными хозяйствами (2,9 млн га) и резервным фондом (около 3,0 млн га). Удивительно, но плодами от проведенной работы пользуются именно те, кто всячески ей препятствовал. Как же — они вновь главные, кто делит ресурс. Не зря крылатым выражением у охотников стали слова начальника Управления охотничьего хозяйства: «Ресурс хотишь?» Кто делит государственный ресурс, тот непобедим. И самое главное, чтобы с тобой считались и уважали на всех уровнях, не нужны ни творчество, ни организаторская работа по ведению хозяйства, ни глубокие знания. Все это ничемно. Главное — делить и раздавать ресурс. Перестройка сделала две вещи — породила олигархов и создала условия по приватизации всех ресурсов региональными структурами федеральных специально уполномоченных органов.

Состояние приморской науки и количество выданных разрешений на научный отстрел находятся в обратно пропорциональной зависимости. Представлением Приморской природоохранной прокуратуры начальнику управления охотничьего хозяйства по Приморскому краю от 21.02.97 г. № 4н-7-97 указывалось на «систематическое нарушение Управлением охотничьего хозяйства по Приморскому краю порядка выдачи разрешений на охоту в научных, культурных и хозяйственных целях». Государственный комитет по охране окружающей среды Приморского края письмом от 14 апреля 1997 г. № 11/1007 в адрес прокуратуры указал, что выдача таких разрешений наносит ущерб делу охраны животного мира как

с ресурсной, так и с этической стороны. Среди «научных» отстрельщиков нередко можно было встретить как работников прокуратуры, так и депутатов краевой Думы. Возмущенные нашествием армии неуправляемых «научных» отстрельщиков члены правлений Ханкайской и Хорольской общественных организаций охотников в мае 1997 г. обратились к губернатору Приморского края, в прокуратуру края и к начальнику департамента по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов с просьбой навести порядок в проведении «научных» охот. Результат от данных писем оказался очень прозаичным: Ханкайское и Хорольское общества перешли в разряд неблагонадежных, а их председатели на себе прочувствовали «оргвыводы» со стороны Управления охотничьего хозяйства. Попытка администрации края вмешаться в святая святых специально уполномоченного органа также оказалась безуспешной — протест прокуратуры, а следом краевой суд отменили соответствующее постановление губернатора края, посчитав ведомственную инструкцию Главохоты РСФСР 1961 г. более весомой, чем действующий Федеральный закон «О животном мире».

Возможность дележа природного ресурса действует как наркотик. Здесь очень нагляден пример с белогрудым (гималайским) медведем. Не успели его вывести из Красной книги Российской Федерации, как тут же утвердили лимит отстрела и раздали лицензии. Причем это произошло без принятия необходимых краевых нормативных актов, в отсутствие столь необходимых правил охоты на данный вид и при категорическом возражении комитета по природным ресурсам администрации края. Удивительно, но Государственный комитет по охране окружающей среды Приморского края Госкомэкологии России, в лице его председателя, легко согласовал как лимит отстрела, так и проект постановления губернатора края. Но зато есть пресловутая «экологическая экспертиза» — хлебная кар-

точка уже другого специально уполномоченного органа, польза от которой в большинстве случаев лишь тем, кто ее проводит. О не менее доходной карточке другого специально уполномоченного федерального органа — санитарных рубках кедра, ясеня и дуба — вопрос вообще отдельный и вряд ли когда будет решен. Автор статьи был постоянным инициатором вывода ряда видов (в том числе и белогрудого медведя) из Красной книги. Но ведь везде должен быть здравый смысл. Нельзя бросаться из крайности в крайность — от бездумной охраны к неорганизованной бездумной охоте — вред от таких мероприятий практически одинаковый.

Охотничье хозяйство края, как и всей России, переживает нелегкий период. Проблемой проблем существующего плачевного состояния, по нашему убеждению, является отсутствие необходимой нормативно-правовой базы, обеспечивающей оптимальную организацию и самофинансирование охотничьего хозяйства. Касательно организации угодий и закрепления их за охотколлективами мы уже объяснили позицию Управления охотничьего хозяйства по Приморскому краю. Финансовые проблемы охотничьего хозяйства надуманы и большей частью создаются искусственно. Особая роль здесь принадлежит разовым лицензиям на отстрел диких животных. Сказать, что существующая лицензионная система несовершенна, — значит не сказать ничего. Эта система абсурдна, она не только провоцирует браконьерство (даже в застойные годы «расцвета» охотничьего хозяйства на одну лицензию отстреливалось 2—3 животных, а фактический отстрел в 4—5 раз превышал официальный), но и является главной силой, разваливающей охотничье хозяйство.

Выдаваемая Управлением охотничьего хозяйства в 1998 г. лицензия на отстрел изюбря обходится охотнику в 589 рублей. В то время как при нынешнем обнищании населения стали охотиться активней и добывать «мясного» зверя больше прежнего, подавляющая часть

охотников даже сама мысль о приобретении лицензии гонит прочь. Непомерные цены на лицензии (лицензия на отстрел одной особи косули обходится общественной охотничьей организации в 214 рублей, медведя — в 424 рубля; 61 % от стоимости которых составляет плата Управлению за выдачу лицензии) заставляют охотпользователей искажать информацию по численности диких животных в угодьях и дезорганизуют само ведение охотничьего хозяйства. Возвращаясь к слову «браконьер», невольно задаешь вопрос: по чьей вине и у кого воруют местные жители, вынужденные нарушать абсурдные и невыполнимые условия охоты? Кто браконьер?

В сезон охоты 1995/96 г. из выделенного лимита было реализовано 62 % лицензий, из которых лишь около 30 % было официально освоено.

Более того, охотпользователям навязывается еще один вид дани — вы содержите наших инспекторов, а мы якобы будем охранять ваши угодья. А ведь вопрос даже на уровне одного федерального органа решается значительно проще — уберите непомерные сборы, и мы сами будем прекрасно охранять свои угодья.

Положительный опыт деятельности Управления охотничьего хозяйства по Приморскому краю за последние годы наводит на кощунственные мысли: может быть, без этого «Управления» (то есть конторы) охотничьему хозяйству края было бы лучше? Как сто лет назад (когда в Уссурийской тайге численность многих видов диких животных была подорвана китайскими охотниками), станут собираться в настоящие коллективы местные охотники, утвердят свои правила (тем более что неустроенных специалистов сейчас с избытком), сами будут охранять угодья и наказывать виновных. Может, в этом выход?

В. ГАПОНОВ,
кандидат биологических наук,
начальник отдела комитета
по природным ресурсам
администрации Приморского края

ТАК ИЗ-ПОД ОБВАЛА НЕ ВЫБРАТЬСЯ!

Обсудив на правлении краевого общества охотников и рыболовов статью В. Гапонова, направленную в Центральное правление Росохотрыболовсоюза и редакцию журнала «Охота и охотничье хозяйство», считаем необходимым выразить свое мнение и дать оценку фактам, изложенным в статье.

Статья написана тенденциозно, с подтасовкой фактов и искажением реальных событий. Для прояснения истинного положения дел предлагаем вашему вниманию реальную картину по основным позициям, не останавливаясь на мелких фальсификациях и подтасовке цифр.

Уровень ведения охотничьего хозяйства в Приморском крае в 80-е годы действительно был высок. Спортивные и промысловые хозяйства края занимали призовые места в социалистических соревнованиях среди аналогичных структур Советского Союза. Это было обусловлено системой отчисления средств на ведение охотничьего хозяйства от производственной деятельности промхозов и вниманием государства к этому виду деятельности, а также благодаря плодотворной работе руководства и специалистов производственного объединения «Приморпромохота», треста коопзверопромхозов Приморского крайпотребсоюза и При-

морского краевого общества охотников и рыболовов, как спортивных, так и промысловых хозяйств. Автор статьи в 80-е годы был молодым специалистом и мало влиял на политику охотничьего хозяйства Приморья.

Касаясь оценки качества проводимых учетных работ, необходимо отметить, что Госохотучетом России отмечается ежегодное улучшение качества представляемых отчетов о проведении учетных работ.

Снижение численности копытных в середине 80-х годов связано не с введением коэффициента успешности, как указывает В. В. Гапонов, а с обильными снегопадами и неурожаем кормов в охотничьи сезоны 1983—1984 и 1985—1986 годов, которые вызвали массовую гибель копытных, в результате чего и был введен трехлетний запрет охоты на копытных с целью восстановления их численности.

Говоря о снижении количества протоколов на нарушителей правил охоты в 1992—1994 годах (а ведь это не основной показатель ведения охотничьего хозяйства), автор не упоминает о том, что в 1992 году с выходом Закона РСФСР «Об охране окружающей природной среды» ряд функций Главохоты РСФСР передавался созданному в 1988 г. Министерству по охране природы. И только в конце 1993 года был создан Департамент по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов, тогда и появились реальные законодательные рычаги для наведения порядка в охотничьем хозяйстве России. Также автор не упоминает о том, что 1992—1994 годы — это самый разгар экономического, политического и социального кризиса в России, что не могло не отразиться и на реальном уровне доходов жителей деревень и сел Приморья.

Эти же причины вызвали и задержку реорганизации охотничьего хозяйства Приморья, а вовсе не надуманное автором противостояние руководства производственного объединения «Приморпромохота» с комитетом по природным ресурсам администрации края. К тому же любые реорганизации, тем более касающиеся природопользования, нельзя проводить с необдуманной скоростью и поспешностью (результат чего мы можем наблюдать сегодня). Уничтожение «монополистов» охотничьего хозяйства и создание большого количества мелких охотничьих хозяйств с разной юридической ответственностью несколько не улучшили положение дел в охотхозяйственной отрасли в крае, а в ряде случаев ухудшили.

Когда автором статьи было подготовлено Положение об аренде охотничьих угодий на территории Приморского края, в прокуратуру и к администрации края обратились все руководители охотхозяйственной отрасли края. Причем подписанные председателем краевого общества охотников и рыболовов Н. П. Ивановым, директором

треста коопзверопромхозов Ю. Я. Хоменко, председателем Совета ВОО ТОФ А. Н. Кузнецовым, генеральным директором п/о «Приморпромохота» Н. Н. Драчевым письма свидетельствовали об ошибочности такого шага, как переакрепление охотугодий, введение арендной платы и других нововведений, предложенных автором данного Положения, осознавая, что это еще более усугубит состояние охотничьего хозяйства края.

Порядок выдачи разрешений на отстрел охотничьих животных в научных, культурных и хозяйственных целях (необходимо обратить внимание, — культурных и хозяйственных, а не только научных) сложился в Приморском крае еще в период, как пишет автор статьи, «крайкома КПСС с его народным контролем и ОБХСС». Поэтому представление прокуратуры помогло разорвать этот круг и навести порядок. В то же время автор статьи умалчивает о том, что в 1998 году комитет по природным ресурсам администрации края попытался присвоить себе право выдачи этих разрешений. Но решением краевого суда и Верховного суда России это право было оставлено за специально уполномоченным государственным органом, то есть за Управлением охотничьего хозяйства.

Названные в статье Ханкайское и Хорольское районные общества охотников и рыболовов никоим образом не притесняются и не испытывают давления со стороны охотуправления. Напротив, эти общества являются монополистами охотничьих угодий в своих районах. Практически вся территория административных районов закреплена за этими коллективами охотников.

Совместный результат работы специалистов охотничьего хозяйства и ученых — возможность вывода гималайского медведя из Красной книги и открытие на него лицензионной охоты — подвергается автором статьи сомнению только потому, что комитет по природным ресурсам не смог записать это в свой актив.

Говорить о том, что «финансовые проблемы охотничьего хозяйства надуманны и большей частью создаются искусственно», цитируя В. Гапонова, может только человек, который сам денег для охотничьего хозяйства не зарабатывал и чья заработная плата не зависит от состояния дел в охотничьем хозяйстве. Основная причина финансовых трудностей охотничьего хозяйства, и все это знают, — снижение уровня доходов охотников. Основные доходы охотничьих хозяйств — плата за путевки и членские взносы, но их стоимость в настоящее время нельзя заметно увеличивать, потому что основная масса охотников не сможет их оплатить.

Сегодня в крае сложилась ситуация, когда реальную помощь охотпользователям оказывают только специалисты охотуправления, обращение же к специалистам комитета по природным ре-

сурсам, в частности к автору статьи, не вносит ясность, а только сильнее запутывает решение вопросов.

В заключение автор статьи предлагает вновь развалить созданную систему охотпользования в Приморском крае и призывает по существу к анархии охотпользования прошлого века. То есть к дезорганизации деятельности как охотуправления, так и краевого общества охотников и рыболовов, Совета ВОО ТОФ, Уссурийского гарнизонного Совета охотников и других охотпользователей.

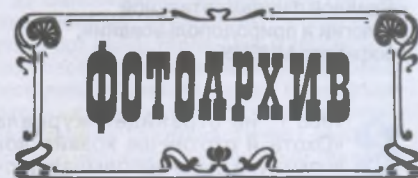
В состав правления краевого общества охотников и рыболовов входят квалифицированные специалисты-охотоведы, работающие в системе Управления охотничьего хозяйства, ДВО РАН, представители крупнейших спортивных общественных объединений охотников и рыболовов, а также рядовые члены общества охотников и рыболовов, что является залогом грамотной и объективной информации состояния охотничьего хозяйства края.

Учитывая изложенное, правление считает, что публикация указанной статьи в журнале «Охота и охотничье хозяйство», как самом профессиональном в России, может иметь только негативные последствия.

В. САМОЙЛОВ,
председатель Правления
Приморского краевого общества
охотников и рыболовов,
И. КОРОБЕЦКИЙ,
секретарь Правления
Приморского краевого общества
охотников и рыболовов

Вскоре после поступления в портфель редакции статьи В. Гапонова «Как выбирать из-под обвала?» мы получили письмо за подписью руководства Правления Приморского краевого общества охотников и рыболовов. Авторы письма выражают серьезную озабоченность возможными негативными последствиями публикации данной статьи и выражают свое несогласие со многими предложениями и утверждениями В. Гапонова. И статья, и письмо еще раз свидетельствуют о том, что в некоторых регионах между обществами охотников, управлениями охотничьего хозяйства и комитетами по природным ресурсам сложились конфликтные отношения, усугубляющие проблемы охотничьего хозяйства и способствующие его дальнейшему разрушению. Публикуя статью В. Гапонова и письмо-возражение на нее, мы надеемся, что в Приморском крае есть достаточно квалифицированных профессионалов (биологов-охотоведов) и трезво мыслящих руководителей, которые сумеют извлечь пользу из любой публикации — все неправильное, деструктивное они не примемлют, а все доброе и разумное используют для пользы дела.

Редакция
Фото А. Севастьянова

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II НА ОХОТЕ

На первом снимке: Николай II в Беловежской пушче (второй слева) в момент обсуждения плана охоты. Справа стоят великие князья Романовы: Владимир Александрович и Николай Николаевич младший, владелец знаменитой в то время на весь мир Першинской охоты. На втором снимке запечатлен момент охотничьего обеда (Николай II слева). На третьем — Николай II на номере (штанде) в Беловеже на охоте загоном.

ВОПРОСЫ—ОТВЕТЫ

Вопрос: Что представляет собой нож «Леший-2»?

Ответ: Для охотников и туристов разработан стреляющий нож «Леший-2» со стволом под патрон калибра 12,5 мм. Но правовых основ для ношения этого ножа охотниками и туристами не имеется, а поэтому в продажу он не поступит до тех пор, пока не будет соответствующим образом изменен Закон об оружии.

Вопрос: Почему стреляная гильза из охотничьего карабина «Тигр» в некоторых случаях получает после выстрела кольцевой выступ у основания дульца?

Ответ: Согласно новым требованиям криминалистических служб для быстрого определения, к какому виду оружия относится найденная стреляная гильза (охотничий карабин или снайперская винтовка), в самозарядном охотничьем карабине «Тигр» патронник имеет кольцевую проточку в районе основания дульца гильзы, которая отпечатывается после выстрела в виде кольцевого выступа у основания дульца стреляной гильзы.

Вопрос: Может ли быть запрещена стальная дробь?

Ответ: Есть сведения, что в проекте правил оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации стальная дробь будет запрещена, как обладающая на малых дистанциях повышенной пробивной способностью, а значит, опасной для принятых на вооружение бронежилетов второго класса.

Подготовил М. Блюм

В. ДЕЖКИН,
доктор биологических наук, заведующий
кафедрой фундаментальной
экологии и природопользования,
профессор МНЭПУ

В 1968 г. на страницах журнала «Охота и охотничье хозяйство» вспыхнула была небольшая дискуссия на эту тему. Известный, пользующийся искренним уважением научного сообщества, профессор Иван Иванович Пузанов (кроме научных трудов, он был известен как автор острой антилысенковской поэмы, что в те

времена очень ценилось) выступил со статьей «Нам нужны национальные парки». Воздав должное заповедникам, он предложил приступить к созданию в СССР этой территориальной формы охраны природы, в том числе и путем постепенного преобразования в парки таких заповедников, как Кроноцкий, Алтайский, «Столбы», Тебердинский, Кавказский, Крымский, Беловежская Пуща. Статья была очень корректной и аккуратной.

Через пять месяцев последовал ответ противников предложения И. И. Пузанова, который почему-то назывался «В защиту заповедников». Его подписали

А. Г. Николаевский и Н. М. Забелина не подметили главную особенность этих природоохранных территорий, которая дает им преимущества или, по крайней мере, сопоставимость с заповедниками. Для доказательства этого обратимся не к сухому документу, а к яркому публицистическому источнику.

Вдумайтесь в следующие слова. Они принадлежат не ученому, а журналисту В. Пескову и взяты из его (в соавторстве с Б. Стрельниковым) книги «Земля за океаном» (1975):

«В отличие от резерватов, национальный парк — это музей под открытым небом. Экспонаты в нем — горы,

НАЗОЙЛИВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

(к концепции заповедного дела)

такие корифеи биологии и заповедной науки, как В. Гептнер, Ю. Исаков, С. Кириков, А. Насимович, А. Формозов, П. Юргенсон, О. Семенов-Тянь-Шанский, начальник отдела заповедного дела Главохоты РСФСР А. Кондратьев. И эта статья была очень спокойной и корректной. Авторы ее соглашались, что национальные парки СССР действительно необходимы. Однако с оговорками: «Национальные парки должны создаваться, но отнюдь не на базе заповедников, а параллельно их сети, причем с самого же начала должны быть приняты меры к регулированию величины и направления потока туристов, к ограничению удобств, предоставляемых туристам (палаточный городок, а не гостиница, столовая, а не ресторан и т. п.), к закрытию, возможно попеременно, части территории для посетителей и т. п.». Обращает на себя внимание приверженность оппонентов заповедному идеалу (вполне объяснимая) и их неадекватное понимание специфики национальных парков (принцип зонирования прямо предполагает закрытость заповедных и режимных участков парков для посетителей).

О. К. Гусев в уже упоминавшейся работе выступил за создание системы национальных парков и в то же время — за допуск туризма (дискутировалась эта проблема) в заповедники, но не во все. «В Положении должно быть указано, в каких заповедниках туризм возможен и желателен, а в каких должен быть категорически запрещен...» — констатировал он (1969, с. 16).

Не вполне точное представление о специфике и задачах национальных парков имели не только почтенные ученые (отсюда, быть может, их сплоченная «оборона»). Симптоматично, что даже авторы отечественных научных монографий о национальных парках

речные долины, озера, пещеры, водопады, каньоны, болота, растительность и животные. Природа в таком заповеднике тщательно охраняется...»

Существует критерий для учреждения парков. «Это должны быть относительно большие пространства земли и воды, существенно превосходящие по качеству и красоте все, что их окружает... Приезжая в парк, человек должен увидеть естественную природу в ярких ее проявлениях. Это место для образования, уединения, удовольствия и вдохновения людей...» (выделено мной. — В. Д.).

Оцените выделенные слова. Проникните в их суть. Встречая их в официальных американских документах, мы принимали их за высокопарную беллетристику и совершали глубочайшую ошибку. В этих словах ключ к пониманию национальных парков. Охрана природы — с этого парк начинается. В любом североамериканском парке есть строго охраняемая заповедная зона. Посчитаем ее синонимом нашего заповедника. Плюс к этому в переводе на употребляемый нами язык: живописные, уникальные уголки природы, чтобы любоваться ими; масса всяческой естественно-научной информации, получаемой и через непосредственное общение с природой, и через квалифицированных гидов, и через печатную и видеопродукцию; возможность уединения в окружении леса, вод, растений, животных; получение искреннего, особого удовольствия от общения с миром природы; высокое вдохновение как итог посещения национального парка, шаг к совершенствованию, к примирению с жизненными невзгодами. Все-таки это значительно больше, чем может дать заповедник...

Это многообразие, на наш взгляд, соответствовало менталитету развивающегося американского общества. И по видимому, было чуждым суровому рос-

Байкал, над бухтой Песчаной

Окончание. Начало см. в № 3-99.

сийскому менталитету 20-х годов, когда начинала создаваться система природоохранных территорий. В наши представления проще укладывались благородные, но прагматичные и ограниченные заповедные задачи: изъять территорию из хозяйственного пользования и наблюдать за естественным течением природных процессов на ней. Можно и в отсутствие людей, потребности которых в общении с уникальной природой в СССР явно недооценивались.

Если бы события развивались в соответствии с концепцией А. П. Семенова-Тян-Шанского, то прежде всего в Советском Союзе были бы созданы в уникальных природных местах обширные национальные парки, несущие и ярко выраженную природоохранную функцию. В дополнение к ним в местах, требующих абсолютной охраны и изучения, возникали бы и заповедники (относительно небольшие, сохраняющие те или иные зональные экологические системы). Все происходило бы логично и последовательно, в интересах охраны природы и удовлетворения информационных, эстетических и моральных потребностей людей. Но этого не случилось. Мы, как и положено россиянам, выбрали собственный путь.

Идея доминанты национальных парков в России приобретает иногда крайние, радикальные формы. Директор заповедника «Вишерский» Р. Идрисов, обостренно относившийся к проблемам охраны природы и погибший от руки браконьера, писал в 1997 г. в «Заповестнике»:

«В целом заповедники — консервативная и изжившая себя форма охраны природы. Наиболее оптимальным и целесообразным видится создание национальных парков, включающих как территории с различными видами пользования, так и территории абсолютной заповедности».

Приведенные рассуждения дают нам возможность внести определенные коррективы в концептуальные основы заповедного дела. Обратимся к вопросам, с которых начинается статья, и традициям российского заповедного дела. Они, действительно, серьезно нарушены. Но «откатываться» назад нельзя, выход — не в трансформации значительной части заповедников в национальные парки и другие категории ООПТ, а в их дифференциации, на чем начинал настаивать О. К. Гусев. Для этого необходимо признать, что заповедоваться могут не только **непреобразованные, девственные экологические системы, но и ценные в природном отношении территории, в какой-то мере измененные человеком (что и на самом деле произошло в России в широких масштабах)**. Они изымаются из уже существующего хозяйственного освоения (смотри пример с «Большой Кокшагой»), восстанавливаются, самостоятельно или с помощью человека, и этот процесс восстановления коренных сообществ и их компонентов и является **одним из объектов изучения**.

Коли таким путем мы частично ух-

дим от обязательства не вмешиваться в природные процессы, происходящие на заповедных территориях, возможно осуществление на некоторых из них мероприятий, наподобие тех, которые проводил Воронежский заповедник. Задним числом мы даем ему (и ему подобным) своеобразную индульгенцию и оправдываем погрешности перед классической заповедной теорией.

Определение природного заповедника, учитывающее приведенные доводы, может выглядеть следующим образом.

Природный заповедник — это экологически ценная территория (акватория), оставляемая в нетронутом (девственном) состоянии и (или) выводим-

ся выделить следующие подкатегории этих ООПТ:

а) Заповедники абсолютные (неприкосновенные, эталонные). Полностью отвечают представлениям о заповедниках классиков отечественного заповедного дела. Функционируют (или создаются) на участках биосферы, не преобразованных (даже частично) деятельностью человека. Территории (акватории) для них оставляются в девственном состоянии. Режим — самый строжайший, «течение процессов» — естественное, недопущение всяких восстановительных, регуляционных, биотехнических (за исключением вынужденных мер по спасению краснокнижных животных) мероприятий.

Ушканьи острова на Байкале. С вершины Большого Ушканьего острова видны три Ушканчика: Долгий, Круглый и Тонкий

мая изо всех видов хозяйственного использования, для сохранения типичных и уникальных экосистем и их компонентов, сопоставления хода процессов на нетронутых и антропогенных территориях (акваториях), изучения динамики трансформации частично преобразованных экологических систем.

Следует отметить, что идея расширения понимания заповедности нашла отражение в некоторых современных работах. Так, В. П. Коржик (1995) предложил «легализацию» ООПТ антропогенного генезиса и их дифференциацию в законодательных документах на «заповедные природные объекты», «заповедные природно-антропогенные объекты», «объекты положительной антропогенной натурализации».

Приведенная выше формула (она, естественно, может обсуждаться и уточняться) требует дифференциации природных заповедников и их режима. С учетом работ О. К. Гусева (1969), Н. Ф. Реймерса и Ф. Р. Штильмарка (1978), С. М. Стойко (1978), К. Д. Зыкова (1981), Ф. Р. Штильмарка (1996) и некоторых других ученых предлагает-

Число и размещение абсолютных заповедников, составляющих функциональное ядро заповедной системы, должны обеспечивать зональный репрезентативный мониторинг за состоянием и динамикой естественных экосистем.

б) Заповедники сукцессионные. Создаются (существуют) на территориях, где значительный удельный вес занимают производные растительные ассоциации. Выполняют и общие природоохранные и ресурсосберегающие функции. В научную программу входит изучение естественных или направленных на ускорение восстановления коренных, типичных сообществ сукцессий. На основании методически обоснованной программы возможно контролируемое вмешательство в ход естественных процессов. Допустимы регуляционные и биотехнические мероприятия, направленные главным образом на защиту или ускорение сукцессионных процессов. Экологический туризм разрешается на участках, не имеющих особо ценных экосистем и их компонентов.

в) **Заповедники резерватные.** Создаются (существуют), кроме выполнения общих природоохранных задач, для охраны и ускоренного восстановления ценных и (или) редких форм растений и животных. Могут совмещаться с сукцессионными. Регуляционные и особенно биотехнические мероприятия не только допустимы, но и желательны. Может практиковаться временное содержание (разведение) целевых видов растений и животных в неволе или в полувольных условиях. Экологический туризм возможен с ограничениями, устраняющими опасность для особо ценных природных объектов.

ченный и специфический характер, определяемый целями данного заповедника. **Повсеместно исключается коммерческая эксплуатация природных ресурсов.**

Регуляционные мероприятия призваны выравнять экологический баланс «неполноценных» заповедных территорий, способствовать сохранению некоторых охраняемых экосистем и их компонентов, регулировать их взаимодействия с окружающими эксплуатационными территориями. Они являются в значительной степени вынужденными (Дежкин, 1986, и др.).

Восстановление биотехнических ме-

гулируемый туризм является чисто формальным, так как он не обосновывается возможностью нанесения туристами реального ущерба ООПТ. Почти всегда можно спланировать туристические маршруты так, чтобы этот ущерб исключить. Для некоторых заповедников экологический туризм может быть источником небольших, но устойчивых доходов, что особенно важно при существующем финансовом кризисе. Обсуждение этой проблемы на специальных форумах обнаруживает значительную поддержку экологического туризма среди руководителей заповедников (Степанецкий, 1998).

Более широкие возможности для регулируемого туризма на ООПТ даст возвращение к идеям И. И. Пузанова (1968), поддержанным О. К. Гусевым (1969), о трансформации части заповедников в национальные парки. Это мероприятие не должно иметь масштабов, предлагаемых Ф. Р. Штильмарком (1996), и охватывать две трети существующих заповедников. Проблема адекватности большинства последних, как уже отмечалось, решается дифференциацией «неполноценных» или грешащих «хозяйственной деятельностью» заповедников в сукцессионные, резерватные и др. Но нельзя закрывать глаза и на то, что некоторые заповедники, в первую очередь «Столбы» и Тебердинский, давно и упорно «просятся» в национальные парки.

Следует подчеркнуть еще раз: предлагаемые меры нельзя оценивать как коренную реформу заповедного дела в России, хотя, вопреки мнению некоторых специалистов (например, Данилина, 1997), в принципе и в будущем таковая необходима. Они направлены в первую очередь на учет сложившихся реальностей и на приспособление к ним без глубокого изменения статуса и режима большинства заповедников. Быть может, самым существенным является предложение о том, **чтобы узаконить существующую практику** обьявления заповедными «недевственных», затронутых воздействием человека территорий. И отразить это в определении заповедника. Но в пределах обновленной концепции полностью сохраняют свою силу исконные российские подходы к абсолютному заповеданию.

Затронутые проблемы, действительно, являются «назойливыми». Но эпоха экономического кризиса — не самое подходящее время для распутывания узлов, завязывавшихся десятилетиями. Для заповедников сейчас главное — восстановление финансового благополучия, выживание в кризисной обстановке, сохранение достигнутого. Поэтому не следует спешить с полной реализацией обновленных концепций. Но обдумывать их всем миром необходимо, чтобы оказаться готовыми к их реализации при наступлении более благополучных времен. На это и нацелена предлагаемая статья.

Фото О. ГУСЕВА

Байкал, Давшинская губа, Баргузинский заповедник

Более глубокий анализ ситуации позволит выявить и иные формы дифференциации природных заповедников, отвечающих их задачам и специфике. Большое внимание, которое уделяется сейчас проблемам биоразнообразия, и недостаточная эффективность ее изучения в массе существующих ООПТ могут, например, привести к созданию (выделению) специальных зональных заповедников, специализирующихся на этой проблеме.

Итак, предлагаемая дифференциация обеспечивает возможность сохранения общего статуса большинства имеющихся природных заповедников, гарантирует существование в этом статусе даже тех охраняемых природных территорий, к которым у нас имеются серьезные претензии с позиций «неприкосновенности». Общим «родовым» признаком всех подкатегорий заповедников является исключение их из современной сферы хозяйственной деятельности, причем в абсолютных — полное, на сохранившихся девственных участках биосферы. Допустимая антропогенная активность в остальных подкатегориях должна иметь ограни-

роприятий в части заповедников представляется вполне объяснимой и обоснованной реакцией на «антибиотехнические крайности». Эти мероприятия были изгнаны из всех заповедников поспешно, под влиянием моды, без должного анализа ситуации. Они необходимы в ряде случаев для сохранения видов животных, попадающих в неблагоприятные ситуации вследствие «неполноценности» заповедных территорий, под влиянием различных природных катастроф. Биотехнические мероприятия в заповедниках — условие гуманизации обстановки для охраняемых там животных (Никольский, 1997; Дежкин, 1998).

Предложение о разрешении экологического туризма в некоторых заповедниках нередко воспринимаются как посягательство на коренные основы заповедного дела. Мы рассматриваем их как восстановление права российского народа на любование родной природой, которого он был искусственно лишен в период создания системы российских ООПТ, отказом от своевременной организации национальных парков. В большинстве случаев запрет на ре-

В. Е. Флинт (крайний справа) с сыном и внуком после удачной охоты

Владимиру Евгеньевичу ФЛИНТУ — 75

Как быстро летит время! Это восклицание преисполнено и обыденности, и мудрости во все времена. Всемирно известному российскому ученому-зоологу Владимиру Евгеньевичу Флинту уже 75 лет, и он, можно сказать, последний из могикан, ученик, наследник и продолжатель дел замечательных отечественных ученых: Г. П. Дементьева, А. Н. Формозова, В. Г. Гептнера, Н. П. Наумова... Как и они, он охотник, защитник природы, натуралист широчайшего кругозора и большой культуры, вдумчивый и доброжелательный учитель, создавший целую школу своих последователей.

Доктор биологических наук, профессор, академик Академии естественных наук России — Владимир Евгеньевич Флинт ныне заведует отделом охраны животного мира Всероссийского научно-исследовательского института охраны природы Госкомэкологии России. Одновременно он является координатором проекта «Охрана и изучение редких видов животных» в Российско-Американском сотрудничестве, региональным советником и членом Бюро МСОП, вице-председателем Комиссии по редким видам МСОП... А началась наука для Владимира Евгеньевича в стенах Московского государственного университета, биологический факультет которого он закончил в 1953 году. Еще будучи студентом, он изучал орнитофауну больших городов, биологию гаги во время экспедиций на Белое море. После окончания МГУ до 1969 года ра-

ботал в Институте эпидемиологии и микробиологии им. Н. Ф. Гамалеи; был младшим научным сотрудником и аспирантом; изучал биологию и структуру популяций мелких млекопитающих и их роль в природных очагах трансмиссивных болезней, природную очаговость зоонозов Крайнего Севера. Его экспедиционными работами были охвачены Казахстан, Туркмения, Приморский край, Тува, Забайкалье, Мурманская область, полуостров Таймыр, низовья Индигирки и остров Врангеля.

С 1969 до 1976 года Владимир Евгеньевич работал старшим научным сотрудником в зоологическом музее МГУ и занимался изучением биологии птиц и проводил этологические исследования в экспедиционных работах преимущественно в районах Крайнего Севера.

После перехода в 1976 г. во Всероссийский научно-исследовательский институт охраны природы Владимир Евгеньевич стал заниматься изучением биологии редких и исчезающих видов позвоночных животных, подготовкой Красной книги СССР и нормативно-правовых документов в области охраны животного мира, разработкой научных основ кадастра животного мира, стратегии охраны редких видов животных, теоретических и прикладных аспектов проблемы сохранения биологического разнообразия. Общеизвестны проводимые под его руководством работы по сохранению стерхов, дроф, по восстановлению городских популяций сапсанов.

Восхищение и удивление вызывает то, что у него хватает времени и на общественную работу. Он вице-президент Меназбирского орнитологического общества, член Международного орнитологического комитета, президент Союза охраны птиц России, почетный член Британского союза орнитологов, президент Европейской секции Международного Фонда охраны природы.

В. Е. Флинту принадлежит более 500 публикаций, в том числе 6 монографий и около 100 научных статей по различным аспектам проблемы сохранения редких видов и биологического разнообразия.

Плодотворная деятельность В. Е. Флинта отмечена орденом Дружбы народов, орденом Золотого ковчега (Нидерланды), медалью Одюбоновского общества (США), наградой ЮНЕП «Глобал 500». Ему присвоено звание Заслуженного эколога Российской Федерации.

Для нас, друзей и почитателей Владимира Евгеньевича, особенно ценно то, что он страстный охотник, автор блестящих статей в нашем журнале, внимательный собеседник и добрый человек высокой культуры.

Мы поздравляем Владимира Евгеньевича со славным 75-летием и надеемся, что он еще долго будет находиться в зените своего творчества.

Редакция

Н. ВЕХОВ,
кандидат биологических наук,
Морская арктическая комплексная
экспедиция (МАКЭ)
Г. ХАХИН,
кандидат биологических наук,
ВНИИ природы Госкомприроды РФ

Атлантический морж (*Odobenus rosmarus* Linnaeus, 1758) — один из характерных представителей фауны морских млекопитающих морей западного сектора Арктики. В XV—XVIII вв. многочисленные стада моржа отмечали все путешественники, начиная с голландских экспедиций Виллема Баренца (1594—1597 гг.), проникавшие на деревянных судах в арктические моря до кромки полярных льдов. Еще 200—300 лет назад ареал моржа в Европе охватывал акватории Белого, Баренцева и Карского морей, вплоть до архипелага Северная Земля. Лежбища атлантического моржа были известны на Шпицбергене, некоторых островах Белого и Баренцева морей.

Проживающие на севере России коренные народы издавна использовали моржа как естественный природный ресурс для своих нужд. Обычно они получали от 160 до 250 кг сала, а от крупного зверя — до 450 кг. Кожей и моржовыми клыками (так называемый «рыбий зуб») активно торговали на ярмарках в Мезени, Архангельске, Пустозерске и в других северных городах. Кожа шла на изготовление вожжей для конной упряжи, ремней для карет и на иные изделия, клыки служили сырьем для косторезных работ, из вытопленного сала получали ворвань, мясо использовали в качестве приманок в песцовые капканы.

В течение последних 300—400 лет моржа бесконтрольно добывали по всей территории ареала. В России у беломорских и архангельских поморов даже существовал особый вид хозяйственной деятельности — моржовый промысел, который с 1600-х до 1800-х гг. был ведущим у северных зверобоев. Вместе со зверобоями из других стран Европы — датчанами, англичанами и норвежцами — они вели варварское истребление моржа на суше и в воде, что привело к резкому сокращению его ареала и численности. Моржовый промысел — варварский и малоэффективный вид охотничье-промысловой деятельности. Достаточно отметить, что во время судовых промыслов на воде 37 % отстрелянных зверей тонуло и лишь 63 % от общего числа забиваемых животных промышленники доставали и могли использовать. Перепромысел и бесконтрольное истребление моржа на лежбищах — основные причины факти-

ческого прекращения с 1800 года русских моржовых промыслов на Груманте (Шпицбергене), куда еще в 90-е гг. XVII в. ежегодно ходили по 230—270 русских промысловых судов с командами промышленников общей численностью до 2260 человек. В период расцвета шпицбергенских промыслов их ежегодная общая добыча составляла от 430 до 2200 особей моржа. Поскольку запасы атлантического моржа на Шпицбергене практически были уничтожены, зверобои переключились на малодоступные до этого новоземельские промыслы, которые еще со времен плаваний Виллема Баренца были богаты морским зверем.

Интенсивная эксплуатация новоземельских запасов началась в XIX в., а с 1870-х гг. здесь появились и норвежские зверобои. Норвежцы особенно жестоко выбивали моржа. В середине 1860-х гг. промышленники из русских поселений Беломорья (Кеми, Калгалакши, Гридино, Шуй, Жизны, Сумско-

СКОЛЬКО МОРЖЕЙ НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ ?

го Посада, Колежмы, Архангельска и других населенных пунктов) добыли на Новой Земле в губах Баренца, Крестовой, Нехватова, в проливе Маточкин Шар до 600 зверей. Норма добычи у поморов на одно судно была от 10 до 50 моржей. У норвежцев норма добычи моржа на одно судно была значительно выше — более сотни голов. Кроме того, норвежские зверобои вели активный промысел вдоль восточных берегов Новой Земли и в акватории Карского моря, удаляясь от берега на многие десятки километров.

У поморов издавна были известны два вида моржовых промыслов: береговой, когда обсохших и сонных животных на лежбищах кололи специально приспособленными для этой цели копиями-спицами, и на воде, при котором с лодок гарпунщик метал в зверя гарпун с длинным линем и поплавком. С середины XIX в. стали применяться ружейный способ добычи животных, который особенно был распространен у норвежцев.

Интенсивный промысел моржа на архипелаге привел к тому, что уже к 1900-м гг. его численность резко упала. По данным ежегодного «Обзора Архангельской губернии», представляемого архангельским губернатором императору, в 1909—1914 гг. всего на берегах и Колгуева охотники-зверобои и колонисты в становищах добывали от

1 до 32 особей моржа. Лишь норвежцы добывали по-прежнему много зверя (по несколько сотен голов), но они промыслили в море — во льдах и у кромки льдов.

К 1920—1930-м гг. ареал моржа у Новой Земли резко сократился. К. К. Чапский в своей известной работе «Морж Карского моря» (1936) отмечает, что в районе архипелага морж концентрируется почти исключительно вдоль северных берегов — от залива Иностранцева (на западе) до мыса Выходного (на востоке), а главные его лежбища находятся на Оранских островах и острове Гемскерк. В ходе промысловых экспедиций того времени моржи на временных залежках, глетчерных льдинах и мелкобитом льду отмечены на всем протяжении этого участка ареала, протянувшегося от берега в сторону Карского моря в ширину до 50 морских миль.

Свидетельства массового забоя моржа — его кости, разбитые и простреленные черепа — до сих пор можно обнаружить вблизи промысловых изб и пунктов на островах Пахтусова, мысе Константина, Больших Оранских островах, мысе Желания, на побережье близ мыса Бисмарка и в других точках, где в 1920—1930-х гг. шел забой этих животных.

Антропогенный пресс на атлантического моржа привел к тому, что к середине XX в. он стал редким видом, его ареал из некогда сплошного превратился в точечный, когда известны лишь локальные популяции в труднодоступных и мало посещаемых человеком местах. Поэтому в целях сохранения вида атлантический морж был отнесен ко II категории как редкий, с сокращающейся численностью вид и включен в Красные книги РСФСР (1983), СССР (1984) и МСОП.

Достоверных сведений о состоянии поголовья атлантического моржа в районе Новой Земли за последние 50—60 лет до сих пор нет. Поэтому в ходе исследований, предпринятых во второй половине августа — первой половине сентября 1998 г. Морской арктической комплексной экспедицией (МАКЭ), специальный раздел был посвящен выявлению лежбищ и временных залежек моржа на суше и льду, поиску животных на воде, оценке их примерной численности вдоль северной оконечности Северного острова архипелага Новая Земля от залива Русская Гавань (баренцевоморская сторона) до бухты Ледяная Гавань (карское побережье). Именно в этом районе на Новой Земле, по устным сообщениям участников различных экспедиций, экипажей судов и сотрудников полярных станций, до настоящего времени сохранялись небольшие залежки моржа. Обследование побережья проводили в пеших маршрутах, а прибрежные акватории — с научного судна «Иван Петров» и моторной баржи (плашкоута). Успешному проведению учетных работ и наблюдениям за животными благоприятствовала очень тихая, безветренная и солнеч-

ная погода, державшаяся в районе исследований с последней декады августа до середины сентября. Удачно были выбраны и сроки учетных работ, поскольку из публикации К. К. Чапского известно, что именно в этот период морж «начинает подтягиваться» к новоземельскому побережью и образовывать по берегам значительные лежбища.

В ходе проведенных исследований морж был обнаружен практически во всех пунктах полевых работ экспедиции — на береговой суше, на льдах и в воде. Были выявлены четыре лежбища моржа: одно — на северо-восточном побережье бухты Володькина (залив Русская Гавань), два — на восточном побережье одного из Больших Оранских островов (общей численностью около 200 голов) и еще одно — на острове Гемскерк (численность моржа здесь составила более 200 особей). На побережье бухты Володькина небольшая группа животных образовала лежбище на галечнике у брошенного причала, среди затопленной техники, железных конструкций и т. д.

Интерес представляют лежбища на песчано-галечниковой косе западного побережья острова, входящего в группу Больших Оранских островов. Дело в том, что первые сведения о количестве скапливающихся моржей на берегу острова относятся к концу XVI в. Примерно столько же зверей, сколько мы насчитали в 1998 г., здесь наблюдали более 400 лет назад (летом 1596 г.) участники голландской экспедиции Виллема Баренца, о чем нам сообщает современный Баренца и главный летописец его легендарных арктических плаваний Геррит Де Фер в своей знаменитой книге «Плавания Баренца». Об этих же лежбищах и их местоположении, о численности животных в 200 голов на острове упоминает К. К. Чапский (1920—1930), когда он принимал участие в судовом промысле морского зверя. Видимо, емкость лежбища на западном побережье острова в группе Больших Оранских островов не изменилась за последние 400 лет.

На протяжении всего периода плавания на судне «Иван Петров» вдоль карского побережья Северного острова Новой Земли, на участке от мыса Флиссингского и до траверса устья реки Ущелье, мы наблюдали 89 зверей на движущихся льдинах. Кроме лежбищ, на которых скапливалось значительное количество животных, были обнаружены и временные залежки — на юго-западном побережье залива Анны на галечнике отмечены три отдыхающих моржа. Моржи в воде были обнаружены: в акватории Русской Гавани — около 20 зверей; в заливе Иностранцева — один и северо-восточнее залива, уже в море, — еще два; в заливе Анны — 4; в заливе Мелком — 20; близ Оранских островов — около 20; в бухте Поспелова, юго-восточнее мыса Желания, — 3 зверя. Еще раньше, во время предыдущих экспедиций на Новую Землю, например в августе 1995 г.,

один из авторов статьи (Н. Вехов) наблюдал до 10 моржей в акватории залива Иванова, а другие участники экспедиции обнаружили залежку нескольких десятков особей на прибрежных камнях близ мыса Спорый Наволок. По нашей оценке, в настоящее время общая численность моржа на севере Северного острова составляет примерно 600—700 голов. Приведенные сведения — первая достоверная информация о состоянии атлантического моржа на севере архипелага Новая Земля с 1930 г.

Сравнивая итоги проведенных МАКЭ исследований с опубликованными материалами К. К. Чапского (1934, 1936 и 1939), можно увидеть, что ареал атлан-

тического моржа на севере архипелага и положение его основных лежбищ не изменились. Ныне скопления животных на суше — лежбища и временные лежки — наблюдаются именно в тех местах, где их промыслили в 1920—1930-х гг. Наибольшие скопления отмечены на Больших Оранских островах и острове Гемскерк. Видимо, в настоящее время, из-за отсутствия в обследованном районе человека (эта территория граничит с Центральным полигоном РФ, куда доступ гражданским лицам запрещен) и в целом из-за охранных мероприятий по спасению вида, идет постепенное восстановление численности этого уникального вида морских млекопитающих.

Группа моржей на лежбище (Большие Оранские острова)

Фото Н. Вехова

Второе лежбище на одном из Больших Оранских островов

Фото Н. Вехова

Небольшое лежбище на галечниковом пляже среди брошенной техники (бухта Воронина, залив Русская Гавань)

Фото Г. Хахина

Н. ВЕРЕЩАГИН

Конец декабря 1936 г. Городок Зака- талы под горами на севере Азербайд- жана. На днях я приехал сюда из Баку, рассчитывая поохотиться в ближних го- рах. Рано утром 26 декабря мы вышли в поход с директором Закаतालского за- пповедника Леонидом Млокосевичем. Городок располагался на высоте около 600 м, и здесь было еще бесснежно.

Директор шел в своих обычных мягких чарыхах — типа индейских мокасин — с подкладкой-стелькой из сена. На пле- чах у него было подобие армяка из ар- мейской шинели. За плечами — стар- енький рюкзак и двуствольный штуцер калибра 10 мм под бердановский четы- рехлинейный патрон. Нашей целью была гора Алибек с метеостанцией на высоте 1850 м, где жил и работал на- блюдатель Михаил Георгиевич Ивкин, наш общий друг. Минувя Закаतालскую крепость и селение Джары, мы вскоре расстались. Я стал подниматься по обычной Алибекской тропе, а Леонид Людвигович у начала крутого подъема стал забирать вправо, восточнее, рас- считывая подняться по Чардахлинско- му ущелью, через селение Чардахло.

У меня в руках было отцовское Пер- де 12-го калибра с двумя десятками карточных зарядов, снаряженных без- дымным «Соколом» по нормам снаря- дки питерского мастера Лярдэре. Это 2,1 г пороха «Сокол» на пистон «Же- вело» и 27 штук волчьей картечи, пересы- панных пшеничными отрубями. На по- рох ложились два хороших войлочных пыжа. Убойную силу оригинальных па- тронов Лярдэре я уже знал. Таким за- рядом два дня тому назад я уложил ко- сулю в Джарском ущелье, стреляя на 133 шага, причем три дробины по туло- вищу прошли насквозь, а одна, четве- ртая, проломив ребро, застряла под ко- жей с противоположной стороны. У меня этих патронов оставалось с деся- ток, им было, ни много ни мало, 20—25 лет (!), и я их крайне берег.

В полосе предгорного орешника я вырезал отличную палку в свой рост и начал неспешно подъем, пользуясь зигзагами служебной Алибекской тропы. Снеговой покров начинался при- мерно с 900 м, и его глубина стала по- степенно нарастать. На ногах у меня были горные ботинки динамовского производства с шестигранными желе- зными гвоздями по всей подошве, и они меня вполне устраивали. При отличных шерстяных носках и обмотках, остав- лявших свободной всю икроножную мышцу, ногам было тепло и удобно. Тропу вскоре начали пересекать несве- жие следы косуль, одиночных кабанов. Меня окружал теперь мощный буково- грабовый лес с редким подлеском из кизила, бузины и малины.

Четкие, свежие следы трех оленух

примерно на высоте 1300 м дали повод свернуть вправо по звериной тропе. У меня не было разрешения на добычу оленя, но я рассчитывал понаблюдать зверей в зимней обстановке. Шагая по тропе, олени не спеша кормились ли- сточками малины, одновременно гадил- ли довольно обильно крупными каты- шами, напоминающими овечьи. Было тепло, но снег не таял. Вот впереди в легкой туманной мгле, шагах в 60 по-

казались две фигурки косуль, шедшие навстречу. Выстрел — и обе косули убежали. На следу отчетливо видно, что они ранены. Одна — с перебитой пере- дней ногой, другая волочит зад. Начи- наю их преследование. Через сотню шагов вижу, что одна лежит шагах в по- лутораста на противоположном скло- не распадка с поднятой головкой, дру- гой не видно. Понимаю, что зверушку нужно дострелить, иначе она, спугну-

НЕУДАЧИ В ГОРАХ

Е. Я. Захаров. Акварель. 1956 г. Восточнокавказские козлы-туры у верхней кромки леса. По наброску Н. К. В. 1936 г.

тая на лежке, может уйти вниз и я потеряю высоту. Достая лярдэровский патрон и, тщательно прицелившись с упором на палку, стреляю. Зверь повел голову и остался на месте. Картечь легла ровным кругом, не более метра диаметром.

В косульке оказалось килограммов 30, и, завалив ее целиком в рюкзак, начинаю крутой подъем. Преследование другого подранка отложил на завтра. До темноты осталось около полутора часов, а мне нужно преодолеть еще около 400 м до верхней опушки леса. Взбираюсь на хребтик склона одного из распадков и перед самой горбинкой, всего в 20—25 шагах, вижу табунку кабанов. Их шесть штук, они сосредоточенно идут куда-то вверх, след в след, натопорщив уши и помахивая хвостиками. Меня они не видят, так как уже миновали угол встречи. Передовая свинья пудов на пять или шесть, остальные пуда по три-четыре. Выцеливаю и стреляю за ухо передовую, хотя с опозданием, и осознаю, что заряд будет скользить по волосу и коже. Свинья разворачивается на 180° и устремляется куда-то вниз. Это значит, что ранена смертельно. Остальные, потеряв вожака, рассыпались полукругом метрах в 50. После выстрела по одной из свинок все они исчезли. Начинаются сумерки, я достаю косульку из рюкзака, потрошу и оставляю на склоне, под группой приметных буков. С трудом продолжаю подъем, снег уже по колено, минуя опушку и вижу огонек станционного домика в 150 м выше по луговому склону. Начинает идти густой снег, и уже в полной темноте добираюсь к станции. На ней только сторож Павел, Ивкин ушел вниз за продуктами, мы разминулись. Нет и Млокосевича. Представляю, что он сейчас, наверное, тоже карабкается вверх. Часа через полтора появляется наш шестидесятилетний немврод. Он явно истомлен, засыпан снегом и с трудом снимает заскорузлые от намерзшего снега чарыхи и рюкзак. Рассказывает, что сильно ранил секача и убил свинью, разделал ее, подвесил части на деревья, взял с собой только голову. Извлекает ее из заскорузлого от крови и снега рюкзака. На подъеме у него, оказывается, стали дико мерзнуть ноги от массивных «кошек». Их, говорит, пришлось снять, что затруднило подъем. Рассматриваю выброшенные из рюкзака остроконечные железяки — кустарные изделия с 10-сантиметровыми остриями. Каждая «кошка» весит по 500 г, как минимум. Плоской поперегиной они крепятся ремнями к середине подошвы и якобы незаменимы на травяных и снежных склонах и крутых каменистых осыпях. Применять их даже летом я решительно не мог, как ни старался, — у меня просто болели подъемы и ступни.

На рассвете я вышел наружу и с огорчением увидел, что финал охоты печален.

Моих следов не видно, все сравнял выпавший 20-сантиметровый снег! Беру рюкзак и без ружья начинаю спуск к моей косуле. Добираюсь до нее, начинаю копать. Зарылся на метр, нащупываю под снегом подмерзшую тушку и в этот момент слышу свистящий шелест. Рыхлая снежная лавинка, скользя по распадку, накрыла меня до подбородка. С огромным усилием выкарабкиваюсь из снежного плена, с грехом пополам извлекаю косульешку. Никаких вчерашних следов происшедшей трагедии не видно и не слышно. Кругом ровный, глубокий снежный саван, по которому на особо крутых участках то тут, то там с шелестом сходят микролавинки. Поиск подранков безнадежен и опасен. С тяжелым рюкзаком еле-еле хватает сил вскарабкаться до станции, где можно отдохнуть, и уж потом добираться по тропе до Закатал.

В августе 1937 г. я вновь был в Закачалах. Мне нужно было добыть скелеты и шкуры дагестанских туров, и я поднялся вновь на Алибек. Михаил Ивкин охотно вызвался сопровождать меня на перевал в Дагестан, к заветному озеру Халахи. Выйдя утром с метеостанции, мы были уже в полдень на перевале и тщательно обшаривали в бинокль ближайшие распадки скал в верховьях Аварского Койсу. Туров не было видно, они, наверное, отдыхали в скалах после утренней жировки на жалких травяных ковриках высокогорья. Здесь было прохладно и на высоте перевала 3600 м дышалось легко и свободно.

Решаем спуститься метров на 300 к берегу озера. Оно, в виде вытянутого по ширине треугольника площадью 5—6 га, лежит среди мрачных бурых скал прочного песчаника и кое-где зеленющих ковриков лапчатки-зиббальдии. Передохнув, хлебнув водицы и умывшись, мы проверили наше оружие. У Михаила Георгиевича — двустольный штуцер 20 калибра под короткий патрон с конической пулей и черным порохом. У меня на этот раз был карабин Маузера 8-мм — вооружение отличное. Продвинулись по борту цирка к западу, минуя россыпь крупных обломков скал. Внезапно навстречу нам выскочили откуда-то два козла-трехлетка. Ивкин, шедший впереди, тотчас уложил одного на месте. Второй бросился бежать между нами по длинному снежнику и как-то странно споткнулся после второго выстрела напарника, но справился и стал уходить наискосок по скальному склону. Спокойно выцелив его на расстоянии примерно в 150 м, я уложил и этого. Оказалось, что вторая пуля Ивкина пробила козлу выйную связку. Теперь нам предстояли препаровка наших трофеев и довольно тяжелая транспортировка их за перевал. Ее мы осуществили в два приема, так как в каждом козле оказалось по 45 кг полезного груза. Оставив на перевале под камнями половину добычи, мы спустились с станции, а остальной груз вытащили с помощью Павла на следующий день.

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Кучеренко С. П. Под пологом уссурийского леса. Хабаровск, 1998. — 1000 экз. 81 с.

В книге, предназначенной для школьников, но интересной для любого читателя, автор делится воспоминаниями о многочисленных встречах с дикими животными уссурийского края. Книга учит молодое поколение относиться к нашим меньшим братьям с любовью и заботой как к равноправным обитателям Земли.

О гончих. М., 1998. — 1000 экз. 163 с.

Сборник содержит труднодоступные читателю материалы: отрывки из воспоминаний В. Кульбицкого «Охота волков за моими собаками и охота с моими собаками на волков»; статьи — Н. Пахомов «На волков с гончими», Г. Кольцов «О голосах гончих»; отрывки из книги Н. Кишенского «Ружейная охота с гончими» и словарь гончатника.

Как правильно дрессировать собаку. Минск: Минская лит., 1998. — 272 с.

Приводятся сведения о выборе, содержании и воспитании щенка, подробно описываются теоретические аспекты и практические приемы выработки у собак навыков общего и специального курса дрессировки. Рассматриваются наиболее часто встречающиеся болезни собак и меры по их профилактике. В приложении дается информация о племенной документации на породистую собаку и памятка о правилах содержания собак.

Булгаков М. В. До Вожги и обратно. М.: «ПТП Эра», 1998. — 352 с.

Заядлый библиофил и охотник, член Союза писателей России, Михаил Васильевич Булгаков издал свою первую книгу. В нее вошли рассказы, которые публиковались в нашем журнале и альманахе «Охотничьи просторы».

Рябцев В. В. Фотографии И. Н. Сирохина. Орел-могилинка — птица байкальских легенд. Иркутск: USAID, ESD, ГРИН, 1998. — 18 с.

Устинов Семен. В лесах у Байкала. Зарисовки эколога. Иркутск: ОАО НПО «Облмашинформ», 1998. — 32 с., ил.

Книга охотоведа, эколога и писателя Семена Устинова — яркое повествование о встречах на таежных тропах с дикими зверями и птицами, обитающими на берегах Байкала.

Семенов Владимир. Отзвуки охотничьей души. Стихи. Санкт-Петербург: ЗАО «Роск», 1998. — 92 с.

Это очередной сборник охотничьих стихов известного петербургского поэта и охотника почти с пятидесятилетним стажем Владимира Семенова. «У настоящего охотника душа поэта» — недаром говорят в народе.

ГДЕ ВЗЯТЬ ПОДСАДНУЮ?

Весенняя охота на селезней уток — одна из самых распространенных, популярных и доступных в России. Правильная охота подразумевает обязательное использование для этих целей подсадных уток. По эффективности и красоте хорошо организованная весенняя охота с подсадной несравнима с другими способами утиных охот. При этом следует помнить, что во многих областях весной на уток разрешено охотиться только с подсадной.

Обычно в охотхозяйствах егеря содержат много подсадных уток, да и охотники, особенно в сельской местности, все чаще не считают обременительным делом разводить и содержать таких птиц. У охотников лесостепей и степей везде, где нет боровой дичи, это единственная возможность для хорошей весенней охоты.

Сегодня остается все меньше таких мест, где дичь водится в изобилии, а весенняя добыча селезней не представляет особого труда для охотника. Поэтому весенняя охота — не только праздник, но и проверка способностей у большинства охотников, а они — избрательный народ и охота с подсадной — одна из наиболее чудесных выдумок наших наблюдательных предков.

Как сделать, чтобы осторожный дикий селезень подлетел к охотнику и сел прямо под выстрел? Это чудо может сотворить только подсадная утка. На ее призыв и летит, забыв обо всем, даже самый подозрительный крякш. В этом и заключена вся хитрость подобной охоты.

Как известно, домашние утки имеют диких предков, но в силу сложных генетических причин время от времени среди их многочисленного поголовья появляются птицы-дикарки, принимающие облик изначальной формы. В деревнях нередко можно увидеть в стайках разнообразных пород уток птиц, очень похожих на диких крякш. Если их хозяин — охотник, он хорошо знает им цену и путем целенаправленного отбора получает наиболее ценное и необходимое для охоты качество — призывный голос утки, заставляющий подлетать к ней дикого селезня. При этом размеры, вес, цвет оперения и другие качества не имеют никакого значения. Главное — голос. По этому признаку и ведут линию отбора домашних подсадных уток. И хотя для непривычного уха все утки кричат на один лад, это не так. Специалисты различают подсадных по манере работы, по экстерьеру и по голосу. Подсадные, взятые из разных мест, работают по-разному, каждая по-своему. Еще можно услышать от знатоков подсадных об утках тульских, воронежских и т. п. Так ли это на самом деле, не столь важно для начинающих «утятников», важно, что каково-либо постоянства у породы подсадных уток нет. Происходит это из-за отно-

Фото А. Дигилевича

сительной малочисленности их поголовья, «случайных» перемещений птиц из разных краев, неконтролируемого смешения и других причин. Поэтому, если даже охотник-любитель или егерь держит немалое поголовье уток — ведут свою линию, на охоте утки работают неодинаково: одни — хуже, другие — лучше. Отличных птиц можно встретить довольно редко. Их качество оценивается числом селезней, добытых на охоте. Это самый надежный критерий!

Чтобы охота с подсадной была интересной, запоминающейся и результативной, нужно знать некоторые ее основы. Лучше начать свои университеты, напросившись поучаствовать в охоте со знатоком, пусть даже в роли зрителя-ученика. После этого будет проще освоить охоту с подсадной самостоятельно, почерпнув на досуге знания из разнообразной литературы.

Самый простой и распространенный, но не лучший способ приобщения

к этой охоте — путевка с обслуживанием. Если повезет: егерь окажется толковым и трезвым, утка будет работать и не подкачает погода, — то вам удастся выполнить норму и взять селезня. Далее можно совершенствовать свой опыт и попытаться охотиться самостоятельно, раздобыв подсадную у знакомых охотников. Это ответственное решение. Теперь вам предстоит самому найти место, подходящее для охоты, построить шалаш, а кроме того, кормить, поить и заботиться о подсадной, собственноручно устраивать ее на охоте в нужном месте, перевозить с охоты и обратно, согревать в непогоду... Если первый опыт не отобьет у вас желания еще раз связаться с подсадной, а, напротив, пробудит желание иметь своих собственных птиц, тогда можно обзавестись крылатыми помощницами.

Если кто-то думает, что хорошую подсадную можно вырастить из дикого утенка кряквы, он будет разочарован, потратив много сил впустую. Не стоит доверяться соблазну, если под видом подсадной вам предложат птицу из инкубированного яйца дикой кряквы и будут уверять, что это как раз то, что требуется. Для охоты подходит только подсадная домашняя утка.

Прежде подсадных уток разводили в ряде охотничьих хозяйств. В ЦНИЛ Главхоты ученые-энтузиасты пытались даже организовать питомник подсадных, отработав до мелочей технологию разведения птиц, но в силу известных перемен в нашей жизни этот проект не был поддержан и не получил развития. В трудной ситуации теперь оказалось все дичеразведение, коснулся этот процесс и подсадных птиц.

Сегодня лучше всего наладить контакт с охотником или егерем, владеющим хорошими подсадными, проверенными на практике, и брать птиц у них, а не надеяться на авось. Даже от хороших уток получить в потомстве рабочих подсадных не всегда удается. Отличную утку вам никогда не продадут, а просто хорошую могут уступить. Предпочтительнее брать не утят, а молодых уток до года. Некоторые охотники держат уток и в городе, но это сложнее, чем договориться с сельским охотником или знакомым егерем, чтобы сообщать растить и держать птиц на природе. Они будут здоровее в естественной обстановке и хлопот доставят куда меньше. Выбор уток надежнее доверить знатоку. Но всем следует помнить, что здоровая птица имеет чистое гладкое перо, не испачканное пометом, блестящий глаз, сухой клюв, лапы матово-воскового блеска, нормально передвигается, хорошо упитана и сложена, непуглива и доверчива к человеку, достаточно агрессивна и активна в реакции на других птиц. Специалисты нередко заглядывают подсадной в открытый клюв и определяют ее способности по наличию темных точек и зубцов на надклювье, по окраске клюва. Но точно сказать, как будет на самом деле работать подсадная, мож-

но только после практического испытания на охоте.

Содержат подсадных уток так же, как и прочую домашнюю птицу, но есть и некоторые особенности: необходимо иметь место для выгула и обязательного купания.

Для использования подсадной на охоте придется сделать специальный браслет из кожи — ногавку, которую надевают на лапу. Несмотря на подрезанные крылья и домашнее происхождение, на охоте утка должна быть на привязи. К ногавке крепят веревку до 2 м, и подсадная будет удерживаться в том месте, где охотник намерен ее посадить. Утки любят воду, но сидеть в ней постоянно не могут. Для отдыха птицы в дно водоема вбивают кол, а площадкой служит вращающийся кружок из дерева, который немного приподнимают, чтобы не отпугивать диких уток. Иногда утка выбирается на ближайшую кочку и отдыхает, тогда вместо кола можно использовать груз, опущенный на дно, а привязь берется в два раза больше, чем глубина водоема. На кол надевают свободное кольцо, за которое карабином цепляют веревку. Карабином удобно цеплять веревку к ногавке. Главное, чтобы веревка не путалась, не перекручивалась и не стесняла движений птицы, позволяя быстро ставить и снимать подсадную на нужном месте. Перевозить и переносить уток на охоту и домой можно только в специальном ящике или в корзине, где ей удобно и спокойно. На дно обязательно кладут свежее сено или солому. В таком доме утке будет всегда тепло, сухо, чисто и мягко. За заботу она отблагодарит вас на охоте. Ящики или корзины имеют крышку и замок, а конструкция должна быть удобной для укладывания и доставания утки. Кормить утку надо перед охотой и после ее окончания. Голодная утка будет кормиться вместо того, чтобы звать селезней.

Охота с подсадной уткой проста, знакома многим не понаслышке, но, несмотря на все тонкости и хитрости, известные знатокам этого дела, залогом успеха является работа пернатой помощницы. Было бы правильно сказать, что она выполняет всю самую сложную часть охоты, а на долю охотника остается наиболее простая — выстрел.

Весной подсадная кряковая утка время от времени начинает оглашать местность настойчивым равномерным кряканьем — «квачкой», заявляя о своем присутствии. Завидя или услышав пролетающего селезня, который издаст характерное металлическое длинное и растянутое «жвяканье», утка тут же дает «осадку» — призывный сигнал, состоящий из серии учащающихся покрякиваний. Именно этот позыв заставляет селезня подлетать к утке. К этому надо добавить, что голос каждой утки бывает высокий или низкий, хриплый или звонкий, громкий или тихий, растянутый или отрывисто короткий и имеет еще целый ряд особенно-

стей, влияющих на добычливость. Помимо голоса, немалое значение имеют такие качества, как нрав утки, сообразительность, непугливость, привлекательность для селезня, умение и желание подманить к себе самца. Вникая во все тонкости этой охоты, нетрудно заметить своеобразие языка охотников с подсадной, мудреную терминологию, особенности атрибутов, необходимых на этой охоте, тщательную и кропотливую подготовку, предшествующую охоте задолго до открытия сезона.

Чтобы охота удалась, мало иметь хороших подсадных, их надо подготовить к открытию сезона. Подготовка подсадной к охоте называется «вызавривание». Работа начинается в самом начале весны с изоляции уток от селезней (если они содержались вместе), правильной обрезки крыльев и продолжается их приучением к частому купанию в корыте, луже. Так после зимы происходит постепенное привыкание птиц к естественным нетепличным условиям. Достаточно упитанную, хорошо оперенную утку можно выносить на природу в места предстоящих охот. Сперва ненадолго, постепенно увеличивая продолжительность по мере наступления весны, потепления и снеготаяния.

Во время этих походов можно посмотреть подходящие участки для сооружения шалашей. Утка освоится на воде и созреет для работы. В ходе весны, вскрытия водоемов, изменения гидрорежима селезни перемещаются по угодьям, а поэтому шалаша следует приготовить в разных уголках и использовать поочередно.

Основным требованием к устройству укрытия для охотника является его неприметность на местности. Шалаш, яма, плотик, бочка не должны выделяться на окружающем фоне. Для этого используйте материалы, которые можно найти в округе: на озере — тростник и камыш, в пойме — кустарник, сено, сухую траву, на лесной опушке — еловые лапы, бурьян. В каждом случае тщательность постройки и достаточные размеры впоследствии могут повлиять на успех охоты. Шалаш не должен быть дырявыми и просвечивать. Для надежности на заднюю стенку с внутренней стороны скрадка можно растянуть кусок брезента, а на крышу дополнительно набросить маскировочную сетку. Бойницы для стрельбы с хорошим обзором при необходимости можно сделать на три стороны, а подсадную сажать на зарю, с учетом вечерней и утренней охоты, продлевая время охоты за счет возможности стрелять в сумерках. В укрытии стоит предусмотреть удобное место для сидения, чтобы не замерзла и не затекли ноги и спина, тогда можно просидеть и утро, и день, и вечер — скучать не придется. Любой скрадок сооружают с учетом возможного внезапного и быстрого подъема или спада воды, чтобы не намочить или не остаться на сухом поле.

Эффективность охоты повышается, если использовать вместе или поочередно не одну, а две или три подсадных. Уток сажают не далее 20 м от засидки в разные стороны. Еще дальше от них можно разместить группы чучел разных видов уток в соответствии с их экологией и учетом местности. Хороший способ привлечь и сбить с толку самых осторожных селезней — бросить несколько чучел у самого шалаша. Растворяя чучела и высаживая подсадных, надо предусмотреть достаточно свободного места для посадки селезней, которые любят садиться на чистую воду и лишь после того спешат подплыть к вашей утке.

Охоту с подсадной уткой в разных местах именуют по-своему, называя ее охотой с круговой, с манной, с кряковой, с кряковой, но все названия отражают какие-то особенности этого способа охоты. Весной не ограничивается использование подсадных, с ними можно отлично поохотиться и осенью, но тогда стрелять можно не только селезней. К вашей подсадной могут подсаживаться самые разные утки, чирки, нырки и даже гуси. Это делает охоту увлекательной и интересной, не говоря уже о добычливости. Для подманивания уток других видов можно использовать манки или при известном таланте делать это с помощью собственного рта и рук.

Стрелять уток на этой охоте можно из любого имеющегося у вас дробовика, используя патроны, заряженные дробью не крупнее № 5. Как правило, стреляют только свежих селезней, но иногда... Основное правило — не горячиться, тщательно выцеливать и плавно нажимать на спуск. Стрелять селезня можно только на безопасном удалении от подсадной, и ни в коем случае нельзя палить, если цель и подсадная птица на одной линии от вас. Лучше упустить одну-две кряквы, чем лишиться своей драгоценной помощницы. Эту недостаю она с лихвой отработает вам на следующей зорьке.

Место для охоты выбирают подальше от стремнины, тогда битую дичь не унесет течением и взять ее можно будет после охоты. А вот подранков добывайте без промедления, не экономя заряды, чтобы не потерять. Иногда приходится использовать на охоте лодку, но удобнее подыскать место, где высадить подсадную, разбросать чучело, собрать битую дичь можно в болотных сапогах.

Высадив подсадную, охотник все время остается начеку, ожидая появления дичи, ориентируясь при этом на голос и поведение птицы. Внимание требуется и для того, чтобы привязанная утка не стала легкой добычей пернатых или четвероногих хищников, а в иных ситуациях — не попала под выстрел не в меру горячих горе-охотников.

Интересная и красивая охота с подсадной уткой заслуживает дальнейшего развития и популяризации.

ОХОТНИЧЬИ СОБАКИ МИРА

Л. ГИБЕТ,
эксперт-кинолог
Всесоюзной категории

Грейхаунд (английская борзая) — национальная порода Англии. Это очень древняя порода, предки которой известны были еще в шестом тысячелетии до нашей эры. Эти собаки очень ценились в Древнем Египте и, по-видимому, были типа борзых слюгги. Из Египта этих собак завезли в Грецию и уж оттуда, приблизительно в VIII в. н. э., они попали на Британские острова. Здесь путем многовековой селекции привезенные борзые превратились в современного грейхаунда. Селекция велась в основном в чистоте, то есть борзые спаривались между собой, и при этом не удалось избежать инбридинга (близкородственное разведение), в результате чего в породе появились отрицательные признаки в виде беднокостности и уменьшения роста. Для выправления их к породе понемногу и осторожно подливали кровь собак других пород, вплоть до скрещивания с бульдогом, что дало укрепление костяка.

Большую роль в создании современного грейхаунда сыграл лорд Орфорд, имевший свой питомник с многочисленным поголовьем собак. Он же создал в 1776 г. один из первых клубов, разводивших грейхаундов. Этот клуб существует и поныне. Грейхаунда считают прародителем или улучшителем многих современных пород борзых. С прилитием крови грейхаунда в Англии выведены: ирландский волкодав, дирхаунд, уиппет, при его участии — доберман и дог.

В России грейхаунд известен с конца XVIII века: российские помещики приобретали английских борзых ради их исключительной резвости. Отчасти их скрещивали с русскими псовыми борзыми, и, вероятнее всего, борзая хортая создана на основе грейхаунда. Особенно много грейхаундов было ввезено в Россию в середине 80-х гг. XX века. В 1995 г. при Военно-охотничьем обществе была создана секция любителей грейхаундов, которая объединила большую часть поголовья этих собак в России.

Грейхаунд — крупная собака (рост кобелей в холке 71—76 см, сук — 68,5—71 см, вес 27—30 кг), спокойная, покла-

дистая в доме и азартная и быстрая на охоте или на бегах. Это подчеркнуто сухая, стройная собака пропорционального сложения, с длинной головой и шеей, рельефной мускулатурой, глубокой и объемистой грудью, выпуклым сводом спины и явно выраженным «подрывом» живота. У собаки мощные задние конечности и гибкие эластичные движения. Голова длинная, сухая, умеренной ширины. Лоб плоский, переход от лба к морде сглажен. Морда длинная, с сильными челюстями. Уши маленькие, тонкие, натянуты назад вдоль шеи. Хвост длинный, низко посаженный, у корня довольно широкий, собака несет его низко опущенным. Шерсть тонкая, короткая, гладко прилегающая. Окрас черный, белый, рыжий, палевый, серый, голубой, тигровый или любой из этих окрасов в сочетании с белым.

Грейхаунд считается королем скорости, он может достигать 60 км в час. Его стремление — бежать за всем, что движется. На своей родине эту собаку использовали на охоте для поимки мелкого зверя, так как злоба у нее невелика, и, например, для охоты на волка она непригодна. Но в начале XIX в. в Англии стали организовывать на специальных кинодромах бега за искусственным зайцем. К началу XX в. этих борзых в Англии и других странах стали использовать почти исключительно в соревнованиях на кинодромах. В России грейхаунды в настоящее время тоже в основном побеждают на кинодромах (или возлежат на диванах). Однако часть энтузиастов в последние годы решила вернуть этих собак обратно к охоте, и с 1995 г. ежегодно стали проводиться их испытания по вольному зверю (зайцу). На этих испытаниях грейхаунды показывают отличные результаты.

Грейхаунда можно содержать и дома, как любимца семьи, он привязчив, ласков, но во взрослом состоянии несколько отрешен. Однако для поддержания хорошей формы грейхаунд нуждается в регулярных интенсивных тренировках. Кроме того, следует учесть, что стремление бежать за любым движущимся объектом вынуждает владельца никогда не спускать собаку с поводка на улице. Разрешить ему побегать можно только за городом.

В поле и особенно в лесу в теплое время года на собаку цепляются различные, иногда очень мелкие (гамазовые) клещи, которые могут оказаться переносчиками опасных заболеваний. К тому же, насосавшись крови и отвалившись в доме, они могут дать жизнь новому поколению кровососов.

Поэтому, вернувшись с собакой после прогулки в дом, ее нужно сразу чрезвычайно тщательно осмотреть, собрать с нее и уничтожить всех еще не присосавшихся клещей.

Выбирая наиболее нежные участки кожи, клещи присасываются в паху, на оголенной части живота, на голове, шее, за ушами...

Чтобы убрать присосавшегося клеща, на него нужно капнуть растительным маслом, выждать несколько минут, чтобы он задохнулся, и только потом, раскачивая его из стороны в сторону, постепенно вытащить пинцетом или петлей из нитки. Оставшуюся ранку следует обработать йодом, зеленкой или спиртом.

Москвич Е. Шумский пишет нам: «В литературе даются разноречивые рекомендации о мытье собак. Как же часто нужно мыть их на самом деле?»

Общее правило заключается в том, чтобы молодых собак в возрасте до года не мыть совсем, а позже их моют всего два раза в год, чтобы не нарушать естественную смазку шерсти. Мыть собак дома бывает необходимо и после того, как они сильно перепачкаются на улице. При этом удобнее всего пользоваться лейкой или душевой сеткой на гибком шланге. Во время мытья нужно следить за тем, чтобы вода или мыло не попадали в глаза и уши. После мытья нужно насухо протереть шерсть и продержать собаку некоторое время дома.

В действительности многие собаки очень любят купаться сами в естественных водоемах. Особенно часто они делают это в жаркую погоду. В плохую погоду каждый раз после возвращения собаки с улицы приходится мыть ей лапы, а иногда и шерсть на животе и кончики ушей у спаниелей. Для этого удобнее пользоваться небольшим тазиком.

Читатель из Томска спрашивает: «Как давать собаке лекарства?»

Таблетки и капсулы заталкивают собаке поглубже в пасть, затем закрывают и сжимают ее до того момента, пока она не сделает глотательное движение.

Порошок засыпают в разрез лакомого кусочка мяса или закатывают его в шарик мясного фарша. Жидкое лекарство вливают через уголок рта. Лекарство любой формы, если оно не обладает резким запахом, можно подмешивать в любимую вашей собакой пищу или в питье.

Г. ЗОТОВА

ЛЮБИМАЯ СОБАКА?

В нашем журнале и в изданиях, близких нам по тематике, было уже много публикаций об островных легавых, и в том числе о шотландских, или черноподпалых, сеттерах, чаще называемых гордонами — по имени их первого заводчика. Разные авторы писали об истории этой породы, требованиях ее стандарта и ее использования на охоте. Нам кажется, что отношение к ней Т. Л. Флинт отличается особенной любовью, мягкостью и вместе с тем точностью оценок. Недаром сейчас семья Флинтов держит уже четвертого (примерно за 25 лет) гордона, вывезенного щенком из Норвегии, в которой охота с этими легавыми особенно популярна.

Татьяна Флинт со своей собакой и трофеями

СЕМЬЯ - ГОРДОН

Беседа нашего корреспондента Р. ДОРМИДОНТОВА с биологом и экспертом-кинологом Татьяной Львовной ФЛИНТ

— Татьяна Львовна, давно ли вы увлекаетесь охотой?

— Очень давно, с начала пятидесятих годов, со студенческой скамьи.

— Ваш отец — Лев Александрович Зенкович был известнейшим зоологом. Вы учились в МГУ. Вы от своего отца переняли страсть к охоте?

— Не знаю. Мне кажется, он не был страстным охотником, но у него было ружье, и в гостях у нас бывали зоологи-охотники. Я любила рассматривать отцовское ружье, мечтала о настоящей охоте. Эти мечты мои поддержал, а позже постоянно помогал осуществлять мой будущий муж. Охотничью атмосферу в доме, конечно, создавал он — потомственный охотник в третьем колене. Мы охотились вместе на тетеревиных и глухаринных токах, на весенней тяге, на зайцев с гончими, на гусятине в дельте Волги и в Казахстане. Но охота с легавой долго не входила в круг наших охот. Хотя собаки были у нас всегда: был жесткошерстный фокс, был курцхаар, была лайка, но ни одна из этих собак не задела души, не оставила желаний держать именно эту породу. Быть может, нам просто не повезло.

Но однажды, на выставке охотничьих собак в Лефортово, мы увидели своих знакомых на ринге гордонов. И это решило все наши сомнения. Эти черные существа с трагическими глазами покорили нас. Вскоре после этого мы завели своего первого гордона. Это было в середине семидесятых годов. Сейчас у нас четвертый гордон, и ни разу нас не посетила мысль о смене породы. Наоборот, я знаю случаи, когда в нашу породу приходили бывшие ирландисты, дратхааристы и даже гончатники.

Сравнивая между собой наших четырех собак, могу сказать, что при всех индивидуальных отличиях в характере, поведении дома они все были очень яркими полевиками, каждый в своем роде.

— Как бы вы охарактеризовали основные породные свойства гордона?

— Гордоны мягкие, интеллигентные, очень работоспособные, очень контактные, как правило, рано и легко принимающиеся за работу. Во взаимоотношениях с владельцем необычайно привязчивы, преданны и нуждаются в тесном и разнообразном общении с человеком. В поле они показывают, как

правило, великолепное чутье, стиль и ход, который сейчас у гордона уже нередко на 8—9 баллов. Очень характерна для него работа в тесном контакте с владельцем. В своей прекрасной книге «Годы. Тропы. Ружье.» Валериян Правдухин очень коротко и метко охарактеризовал гордона: «суровый и талантливый пес».

— Каково сейчас их общее количество в России и почему их меньше, чем других сеттеров?

— Точное количество гордонов довольно сложно определить, так как даже в таких крупных кинологических центрах, как Москва и Петербург, зарегистрированы далеко не все собаки. Но приблизительные подсчеты можно проделать. В Москве и области около 150—160 собак, чуть меньше в Петербурге. Имеются небольшие гнезда в Вятке, Ярославле, Новгороде, Архангельске, Туле, Владивостоке и в других городах, точное количество которых трудно подсчитать, но, скорее всего, эта цифра по России около 400.

Почему их меньше? Трудно сказать. За исключением отдельных редких взлетов, их всегда было меньше. В связи с этим они, как правило, менее из-

вестны, особенно в провинции. Их просто меньше, чем других сеттеров, как, скажем, меньше гладких фоксов, чем жестких, что ни в коей мере не умаляет прекрасных качеств первых.

— На выставочных рингах в последние годы бросается в глаза заметная разнотипность собак. Как вы это объясняете и как к этому относитесь?

— Вопрос этот очень сложный и, я бы сказала, больной. На него трудно ответить достаточно коротко. В самой природе шотландского сеттера заложено противоречие, так как в его происхождении принимали участие разнотипные и даже контрастные породы. Кроме того, разведение шло либо по чисто полевым критериям, либо предпочтение отдавалось экстерьеру. В связи с этим резко менялся желаемый тип. Еще Сабанеев писал, что в создании трех типов сеттеров, отходящих от единого ствола, наибольшую роль сыграл национальный антагонизм, который довел внешний вид этих пород до гротеска. И все это, естественно, объяснялось особенностями национальных охот. В этом смысле больше всего не повезло именно гордону. Его тяжесть и медлительность, которые ему придали шотландцы, очень сильно контрастировали с рациональной сложкой исходного типа сеттера. В некоторых странах, например в США, где существует параллельное разведение гордонов как для выставок, так и для состязаний, собаки просто выглядят как две разных породы. В тех же странах, где разведение ведется только для

охотничьих целей, собаки унифицируются, сложка их делается рациональней, они делаются суше, контактнее, с умеренным шерстным покровом, и эта закономерность очевидна. А ведь у нас в России несколько лет назад бытовало мнение, что уклонение типа в сторону сухости — это конец породе. Это внутреннее подспудное деление породы на типы, и при нашем общем национальном стремлении вывести идеальную по экстерьеру и рабочим качествам собаку, частенько просматривалось на

выставочных рингах. Нередки случаи, когда полевой звезде породы приходилось занимать далеко не первые места на ринге.

Помимо этого разнотипность на рингах гордонов значительно усилилась благодаря введению в породу ввозных кровей из США, Финляндии и Норвегии, и сейчас от некоторых из этих собак на выставках проходят уже второе и третье поколения. На мой взгляд, это в целом очень благотворно для породы, так как открывает широкие возможности для племенной работы. Правда, ринги иногда выглядят несколько странно, а работа эксперта сильно усложняется, зато у каждого из этих типов есть свои фанатические приверженцы.

Основная масса владельцев шотландцев отличается пассивностью и равнодушием ко всем породным мероприятиям: испытаниям, состязаниям, выставкам. Происходит смена самого контингента людей, заводящих гордона. Их часто заводят как красивую собаку, как элемент интерьера или, в лучшем случае, как спутника в туристических походах. Иногда целые пометы уходят в руки любителям красивых собак, и даже невозможно проанализировать удачность племенной комбинации. С гордонами нередко складывались (по вине их владельцев) парадоксальные ситуации, когда, не имея укомплектованной команды на областных состязаниях легавых, именно гордон получал высший индивидуальный балл и первое место.

Сейчас происходит, кроме всего прочего, распыление породы по различным ведомствам и клубам. Для такой сравнительно немногочисленной породы это очень ощутимо. С одной стороны, это неплохо, так как создает отдельные независимые популяции со своими оценками и взглядами на ведение породы. С другой стороны, отсутствие полноценной информации, рас-

пыление собак по отдельным выставкам и, самое главное, по полевым испытаниям, проводимым часто в семейной, почти интимной, обстановке, затрудняет объективную оценку общей ситуации в породе в целом.

Но и жесткое централизованное управление племенной работой не всегда создает благоприятные условия для развития породы. Известны случаи, когда как раз несанкционированные, «контрабандные», или даже случайные вязки приносили успех и даже могли являться узловым моментом в развитии породы.

— Ваша любимая охота с гордоном?

— Я очень люблю охоту на дупеля и бекаса на открытых местах, где хорошо видна работа собаки. Но я ее люблю скорее как заинтересованный зритель. Но больше всего мне по душе осенняя охота на вальдшнепа, тем более, как мне кажется, гордоны не имеют соперников в этой охоте. Недаром гордона называют королем лесной охоты.

Охотники Норвегии гордонов иногда накрывают яркими попонками, чтобы за ними легче было наблюдать среди камней и зарослей

ТЛАША

А. СЕВАСТЬЯНОВ
Фото автора

В детстве мальчишки-ровесники звали Сергея Иванова — Дерсу Узала, потому что все свободное время он пропадал в лесу, на речке или на старых торфяных карьерах вокруг поселка Изоплит, в котором родился и живет сейчас. Тверские места ему хорошо знакомы — охотится с детства.

Конечно, и на этот раз он выбрал удачное место для охоты. Жаль только, фотографировать мешал

мелкий моросящий дождь, который саял так, что я уже хотел отложить съемку и спрятал фотоаппарат в непромокаемый мешок.

Но подсадная Сергея — Глаша, едва он высадил ее на воду, выдала такую руладу, что с разных концов карьеров тут же сорвались селезни. Сергей с ружьем быстро забрался в «шалаш», который был всего лишь наброшенной на куст маскировочной сеткой. А я открыто стоял шагах в двадцати позади шалаша,

торопливо доставая и прикрывая зонтом фотоаппарат.

Селезни шли на посадку, пугались меня и черного зонта, опять подлетали, стараясь опередить друг друга. Один осмелился — сел. Другие опустились поодаль и, шваркая, плыли по тростникам, тоже подбираясь к утке, которая не переставала азартно манить их...

Добыть с такой подсадной па-

ру селезней не было проблемой. И раньше почти не случилось — не выполнить норму отстрела.

Утке уже восемь лет. Сергей говорит, что другая работала еще лучше. Но к ней подобралась норка, и старую подсадную не удалось спасти. Ей было десять лет.

Глаша тем временем забралась на добытых селезней и вела себя так, как будто понимала, что ее фотографируют.

Классические ружья английской фирмы Голланд-Голланд хорошо известны в России еще с 19 века. Ружья дорогие, приобретались в основном состоятельными охотниками. Некоторые высококачественные экземпляры смогли дожить до наших дней, хотя и со следами износа и нередко неумелого обращения и реставрации.

Фирма Голланд-Голланд зарегистрирована в Лондоне в 1835 году известным стрелком Гаррисом Джоном Голландом (Harris John Holland). Будущий основатель мировой известности фирмы Генри Вильям Голланд (Henry William Holland), племянник Г. Д. Голланда, поступил в фирму в 1860 году. Тогда же фирма приобрела помещение на известной всем оружейникам лондонской улице Нью Бонд Стрит (New Bond Street). В 1875 году Г. Д. Голланд отошел от дел, передав управление фирмой Г. В. Голланду, а в 1876 году

дентом компании стал полковник Дж. Е. Д. Голланд.

В середине прошлого века в Англии встречались оружейники по фамилии Голланд, но они не имели никакого отношения к основателям и владельцам фирмы Голланд-Голланд. Упомянем фамилии некоторых мастеров в оригинальной транскрипции: Дэвид Голланд (David Holland) известен в 1841—1870 годах, Эдвард Голланд (Edward Holland) известен в 1855 году, Генри Голланд (Henry Holland) известен в 1868 году. Эти мастера не оставили заметного следа в оружейном деле, но ружья их изготовления изредка могут попасть в руки охотника, и тогда эти сведения помогут при экспертизе подлинности ружья.

19 век оказался благоприятным периодом для развития конструкций охотничьего оружия. Многочисленные оружейники в различных странах, и в пер-

изобретения: в 1908 году легкоосъемный подкладной замок на боковой доске с крепежным винтом и рукояточкой, а в 1922 году механизм «самооткрывания» для ружья с горизонтально спаренными стволами. Мировую известность фирме принесло ружье модели Royal («Роял») с горизонтально спаренными стволами, выпуск которого начался в 1885 году.

Фирма Голланд-Голланд одной из первых уже в 19 веке ввела «примерочное» ружье для подгонки заказного ружья по стрелку. «Примерочное» ружье представляет собой ружье 12 или 16 калибра с одним или двумя спусковыми крючками, вес и баланс которого соответствуют обычному ружью. Ружье выполнено из отдельных элементов, подвижно соединенных между собой и фиксируемых зажимами. Изменение взаимного положения деталей ружья позволяет очень точно определить все

ГОЛЛАНД-ГОЛЛАНД

фирма получила широко известное ныне наименование «Голланд-Голланд» (Holland & Holland) в подтверждение взаимных заслуг дяди и племянника в создании оружейного предприятия. Успешное развитие фирмы под руководством Г. В. Голланда позволило открыть в 1896 году новую фабрику в Лондоне. В 1899 году фирма перерегистрировалась в юридическую форму компании с ограниченной ответственностью под наименованием «Голланд-Голланд, Лтд.» (Holland & Holland, Ltd). В 1930 году Г. В. Голланд уже в преклонном возрасте отошел от дел и прези-

вую очередь в Англии как наиболее промышленно развитой стране, разрабатывали различные механизмы и с успехом патентовали их. С точки зрения развития техники такое обильное патентование не всегда было оправдано, но зато каждый оружейник получал юридическую защиту своего изобретения и мог продавать его.

Основателю фирмы Голланд-Голланд принадлежат многочисленные изобретения, многие из которых можно считать перспективными направлениями в развитии охотничьего оружия. К ним относятся самые знаменитые

РУЖЬЯ

И

ПАТРОНЫ

размеры ружья: длину ложи в пятке, середине и носке, высоту гребня ложи, вертикальный погреб ложи, боковой отвод ложи, питч стволов.

Нумерацию охотничьего оружия Голланд-Голланд можно считать более или менее упорядоченной примерно с 1899 года, когда для ружей «Роял» выделялся свой диапазон номеров для каждого года выпуска. Однако эти номера могли совпадать с ружьями иных моделей, выпущенных в другое время. Поэтому для идентификации недостаточно только номера ружья, хотя бы и достоверного, необходимо отличное зна-

ние особенностей каждой модели. Еще более сложна нумерация оружия, выпущенного в 19 веке. В то время одна модель в течение всего периода выпуска получала различные диапазоны номеров, среди которых могли быть большие пропуски.

Серьезное внимание фирма уделяла юбилейному и выставочному оружию. В 1935 году к столетнему юбилею фирмы выпущено ружье «Роял» в специальном исполнении. Серии выставочных ружей начались с ружья под наименованием Chatsworth («Чатсворд»), подготовленного к стрелковым состязаниям в 1966 году в местечке Чатсворд. В 1968 году выпущена «серия из пяти ружей» калибров 12, 16, 20, .28 и .410 с отделкой золотыми фигурами, укомплектованная шкафом-стойкой, изготовленным из розового дерева. Затем последовал выпуск еще одной «серии из пяти ружей», а также пары ружей, гравированных и ташированных золотом в японском стиле. Эти серии получили наименование Products of Excellence («Превосходные»). В 1971 выпущено ружье в «выставочном» стиле с отделкой золотом. В 1986 году изготовлено ружье «Роял» под наименованием Quail Gun («Перепелиное ружье»), отделанное фигурками перепелов цветного золота. Сверху на каждом стволе золотом таширована нотная запись фирмы постоянно присутствуют заказные ружья в роскошном подарочном оформлении.

Фирма всегда отслеживала новые тенденции в развитии охотничьего оружия, и особенно спортивного. Как известно, именно в спортивное оружие закладываются перспективные идеи. Самой последней разработкой является модель Sporting («Спортивная») 1993 года с вертикально спаренными стволами в охотничьем и стендовом вариантах. Боевая пружина расположена вертикально сзади курка. Весь ударно-спусковой механизм смонтирован на легкосъемном основании. Запирание в этом ружье осуществляется выдвижной рамкой из щитка колдки в выемки в казенном срезе стволов между верхним и нижним стволом. Это запирание совпадает с конструкцией нашего ружья высшего класса МЦ-107.

В России сейчас практически нет охотничьего современного оружия Голланд-Голланд и современные цены сравнить у нас не с чем. Однако это оружие поступало к нам с конца 19 века и при оценке и экспертизе ружей очень важно сравнить цены в России и Англии в начале нашего века. Сравнение со стоимостью ружей на современном вторичном английском рынке позволит получить более или менее объективную картину.

Наиболее дорогое ружье «Модель люкс» (Modele de Luxe) фирма предлагала по цене от 160 фунтов стерлингов как представительское, ружья «Роял» калибров 12, 14, 16, 20 и 28 с легкосъемными подкладными замками на бо-

ковых досках и с механизмом «самооткрывания», смонтированным в цевье, — по цене от 120 фунтов стерлингов, такое же ружье модели «АВ» — от 110 фунтов стерлингов. Ружье простого исполнения с подкладными замками на боковых досках «модель № 2» от 75 фунтов стерлингов, такое же ружье «модель № 3» в пределах 47—57 фунтов стерлингов. Ружье «Парадокс» с подкладными замками на боковых досках с ложей прямой или полупистолетной формы 12 калибра весом 3,3 кг, 16 калибра весом 2,8 кг и 20 калибра, а также более мощное в исполнении Magnum от 135 фунтов стерлингов. В России в то время предлагалось ружье «Роял» в исполнении «АВ», как наиболее дорогое, за 690 рублей.

Нарезное оружие дороже. Двустольный штуцер «Индия» калибра .465 стоил от 135 фунтов стерлингов. Этот штуцер заменил в программе фирмы калибр .450, который знаменит тем, что такой же штуцер был у президента США Т. Рузвельта во время его африканского сафари. Штуцер калибра .375 H&N Magnum весом 4,3 кг стоил от 135 фунтов стерлингов. Штуцер пристрелян таким образом, что для патронов с пулями весом 15,2, 17,5 и 19,4 г нет необходимости менять установку прицела. Штуцер оказался универсальным при охоте и на мелких оленей и на слонов при наличии патронов с различными пулями и зарядами пороха. За эту же цену предлагались штуцера калибра .275 H&N весом 4,3 кг для охоты на тонкокожих животных и калибра .240 Arxh весом 3,6 кг для охоты на средних и мелких животных. Карабины были тогда по более доступным ценам, так, карабины системы Маузер калибров .375 H&N, .275 H&N и .240 Arxh стоили от 36 фунтов стерлингов.

Стоимость охотничьего оружия в десятках и сотнях фунтов стерлингов, хотя и может сейчас нам показаться незначительной, объясняется валютным курсом 1920-х годов и уровнем производства. Еще не было мирового кризиса 1920—1930-х годов, не было разрушительной Второй мировой войны.

На вторичном английском рынке в 1990-х годах ружья Голланд-Голланд оцениваются достаточно высоко, но ниже новых. Нарезное оружие всегда пользовалось большим спросом, и поэтому даже старые штуцера стоят достаточно дорого. Так, пара курковых штуцеров выпуска 1900 года оценивается от 2000 фунтов стерлингов, штуцер, выпущенный в 1896 году, оценивается от 4500 фунтов стерлингов.

На гладкоствольные ружья цены иные. Сейчас на английском рынке не очень высоко оцениваются ружья различных моделей и конструкций выпуска примерно 1895—1905 годов, среди них только отдельные экземпляры достигают уровня 3000 или больше фунтов стерлингов, в основном до 1000 фунтов стерлингов. Более старые выпуски оцениваются еще ниже. Ружья

«Роял» выпуска 1899—1900 годов в отличном состоянии, но нереставрированные, оцениваются от 1800 фунтов стерлингов. Эти ружья наиболее часто встречаются и у нас, однако все они после реставрации, выполненной нашими «умельцами», истинной целью которой обычно было желание скрыть дефекты перед перепродажей. Ружья «Роял» было выпущено больше всех, и поэтому большее количество можно найти в прекрасном состоянии. Ружья этой модели выпуска 1935—1962 годов оцениваются от 5000 фунтов стерлингов. Комплекты из пары совершенно одинаковых ружей с последовательными номерами ценятся значительно выше. Пара ружей выпуска 1929 года или 1946 года оценивается уже от 20 000 фунтов стерлингов. Очень дорого оцениваются ружья, в изготовлении которых принимали участие известные мастера. Так, ружье выпуска 1956 года, отделанное мастером Б. Джованелли (B. Giovanelli), оценено в 19 000 фунтов стерлингов. Цены на ружья других моделей и различных лет выпуска можно назвать «средними» для Голланд-Голланд.

Мировую известность фирме принесли разработанные и выпускаемые ею патроны для нарезного охотничьего оружия различной мощности — от самых слабых для так называемых «грачиных», или птичьих, винтовок до сверхмощных калибра .600 и .700. Патрон калибра .297/.250 низкого давления до 1100 кг/см² с пулей диаметром 6,38 мм и гильзой длиной 20,83 мм для «грачиных» винтовок создан в 1900 году. До этого времени существовал более слабый «грачиный» патрон с маркировкой .295 Rook Rifle, или просто .295.

Для охот на очень крупного зверя в 1898 году введен патрон с фланцем калибра .500/.450 Magnum Nitro-Express. Пуля весом 31,1 г при заряде пороха «кордит» 4,86 г имеет начальную скорость 663 м/с и начальную энергию 698 кгм. Для его замены в 1907 году разработан патрон с фланцем под названием «Индия» калибра .500/.465 Nitro-Express, развивающий давление 2200 кг/см². Пуля диаметром 11,88 мм и весом 31,1 г при заряде пороха «кордит» 4,73 г имеет начальную скорость 655 м/с и начальную энергию 682 кгм. Двойная маркировка вызывает у неосведомленных охотников ошибочное мнение о существовании двух патронов, поэтому укажем более подробные характеристики. Гильза бутылочной формы калибра .500/.465 Nitro-Express имеет следующие размеры: длина общая 82,55 мм, длина широкой части 55,88 мм, длина до шейки 66,04 мм, диаметр у фланца 14,58 мм, диаметр у шейки 13,56 мм, диаметр начала шейки 12,55 мм, диаметр края 12,47 мм, диаметр фланца 16,64 мм, высота фланца 1,02 мм.

С 1904 года началась история самого знаменитого патрона фирмы калибра .375, когда был запатентован патрон с утолщением из металлической ленты у проточки и применен для калибра .400/

.375 Н&Н. В 1912 году выпущены наиболее известные и популярные в настоящее время патроны. Это патрон с утолщением у проточки калибра .375 Н&Н Magnum, который развивает давление 3800 кг/см². Пуля весом 17,5 г при заряде пороха «кордит» 3,95 г имеет начальную скорость 808 м/с и начальную энергию 582 кгм. Для штуцеров имеет патрон с фланцем калибра .375 Н&Н Magnum Nitro-Express. Пуля весом 17,5 г при заряде пороха «кордит» 3,82 г имеет начальную скорость 792 м/с и начальную энергию 561 кгм. Мощный патрон калибра .600 Nitro-Express развивает давление 2200 кг/см². Пуля весом 58,3 г при заряде пороха «кордит» 6,48 г имеет начальную скорость 561 м/с и начальную энергию 1051 кгм. В 1991 году выпущен наиболее мощный патрон фирмы .700 Н&Н Nitro-Express и изготовлен первый штуцер под него.

В 1921 году для охот на среднего зверя создан патрон с фланцем калибра Super .30 Н&Н Magnum. Пуля весом 9,7 г при заряде пороха «кордит» 3,56 г имеет начальную скорость 876 м/с и начальную энергию 381 кгм. В 1925 году выпущен патрон с проточки калибра .300 Н&Н, который развивает давление 3900 кг/см². В качестве базового принят патрон с фланцем калибра Super .30 Н&Н Magnum. Пуля весом 11,7 г при заряде пороха «кордит» 3,56 г имеет начальную скорость 932 м/с и начальную энергию 504 кгм. В этом же ряду средней мощности и патрон калибра .275 Н&Н Magnum. Пуля весом 10,4 г при заряде нитроцеллюлозного пороха 3,37 г имеет начальную скорость 815 м/с и начальную энергию 344 кгм.

Фирма имеет также свои патроны самого малого калибра, который применяется для ответственных охот на мелкого зверя, где требуется точный выстрел на дальнюю дистанцию. Таким оказался патрон с фланцем калибра .240 Н&Н Magnum, выпущенный в 1922 году. Пуля весом 6,48 г при заряде нитроцеллюлозного пороха 2,49 г имеет начальную скорость 846 м/с и начальную энергию 237 кгм. В 1923 году создан патрон с проточки калибра .240 Н&Н Apex. Пуля весом 6,48 г при заряде нитроцеллюлозного пороха 2,62 г имеет начальную скорость 884 м/с и начальную энергию 258 кгм. В 1955 году выпущен самый мощный в этой группе патрон с утолщением у проточки калибра .244 Н&Н Magnum, развивающий давление 3750 кг/см².

Сейчас фирма Голланд-Голланд превратилась в многоотраслевую компанию, выпускающую охотничьи ружья, штуцера и карабины, охотничьи аксессуары, снаряжение и одежду, вкладывающую средства в парфюмерную промышленность. Все эти предметы объединяет только одна черта — это изделия высшего качества: и охотничье оружие Голланд-Голланд, и духи «Шанель».

Е. КОПЕЙКО

Повышение живучести ИЖ-27

А. АЗАРОВ

Неоднократно на охоте приходилось видеть ружья модели ИЖ-27, у которых уже образовался значительный зазор между казенным срезом стволов и щитком коробки. Происходит это при интенсивной эксплуатации и при применении усиленных зарядов. Зазор увеличивается более быстро, если ружье изначально было собрано некачественно, что относится к ружьям, изготовленным в 1992—1994 гг. Скорее всего, площадь соприкосновения оси шарнира к поверхности крюка (к цилиндрическому вырезу) была менее 75 %. Площадь соприкосновения может быть проверена визуально по отпечатку краски или копоти. При отдаче этот вырез препятствует продольному перемещению стволов вперед. Если детали ружья собраны с зазо-

рами, силы инерции действуют с ударом, что расшатывает ружье. Так как центр массы стволов не совпадает с осью вращения ружья, то возникает момент сил, который стремится открыть ружье. Запорный механизм компенсирует этот момент сил. Сила же инерции стволов старается сдвинуть стволы вперед. Это усилие воспринимается у рядовых ружей соединением оси шарнира с полуцилиндрическим вырезом переднего крюка, вследствие чего постепенно между казенным срезом стволов и щитком коробки образуется зазор. Отсюда понятно стремление оружейников увеличить площадь контакта, то есть введение дополнительной опорной поверхности. На рядовых ружьях ИЖ-27, к сожалению, эта опора не устанавливается (видимо, чтобы не повышать себестоимость ружья). На спортивных ружьях ИЖ-39, ИЖ-27 «Магнум» и некоторых штучных ружьях в перемычке коробки уже устанавливается опорный вкладыш. Живучесть ружья при этом повышается вдвое. Вкладыш устанавливается такой толщины, чтобы к нему плотно прилегла передняя поверхность заднего крюка.

Как известно, для быстрой и меткой стрельбы желательно иметь привычное прикладистое ружье. Ведь у каждого ружья свои параметры, поэтому беспричинно менять ружья не рекомендуется. Отсюда понятно стремление владельца повисить живучесть своего лю-

ПОМПОВЫЙ КАРАБИН

«САФАРИ»

В 1996 году на машиностроительном заводе «Молот» в Вятских Полянах был разработан магазинный помповый карабин с коробчатым отъемным магазином емкостью на 3,5 или 10 патронов под патрон 7,62x51М. Этот карабин разработан на основе уже установленных на производство помповых ружей серии «Бекас» и поэтому сохранил конструкцию механизмов и некоторых деталей гладкоствольных ружей. Основное отличие заключается в том, что карабин «Сафари» не имеет трубчатого подствольного магазина. Кроме того, ствольная коробка карабина изготовлена из стали, а не из легкого сплава, как это сделано в гладкоствольных ружьях «Бекас». Усилие от подвижного цевья к затворному механизму при его движении назад передается двумя тягами, а затвор при этом сжимает боевую пружину, взводит курок, извлекает стреляную гильзу из патронника. При движении цевья вперед с помощью

этих же двух тяг затворный механизм подает очередной канал ствола. Запирание осуществляется поворотом шатуна затвора, выступ которого заходит в паз на хвостовике казенной части ствола. Теперь остается нажать на спусковой крючок и курок выйдет из зацепления с шепталом и за счет боевой пружины бьет по ударнику, который разбивает капсюль патрона. Имеющийся блокирующий рычаг исключает возможность произвести выстрел при незапертом стволе. В ударно-спусковом механизме предусмотрен переключатель курка, а флажковый предохранитель располагается справа в задней части ствольной коробки. Карабин имеет открытый прицел, целик которого можно установить для стрельбы на дальности 100, 200 и 300 м. Допускается возможность установки оптического прицела. Вес карабина 3,7 кг, а длина ствола 550 мм.

М. БЛЮМ

бимого ружья. Но браться за такую работу можно только при уверенном владении слесарными навыками, зная особенности отладки, доводки и ремонта ружей. Важно также при разборке не испортить внешний вид ружья. Необходимо иметь и специальный инструмент. Для вывинчивания винтов необходимо так подобрать отвертку, чтобы их перья точно соответствовали шлицам головок винтов. Не всякий винт легко откручивается; для облегчения зачатки в резьбовую часть надо закапать керосин. Коробка в тисках зажимается через медные прокладки. Бывает, что для отворачивания некоторых винтов приходится применять отвертку с воротком, чтобы можно было приложить большее усилие, не сорвав шлиц головки винта.

Для разборки ружья следует отвернуть шурупы и снять затыльник приклада, а затем предохранительную спусковую скобу. После этого вывернуть стяжной винт приклада и отсоединить приклад. Затем соединить коробку со стволами, присоединив цевье, после чего переломить ружье, взведя курки. Вставив в отверстие на каждом стержне боевой пружины по гвоздику диаметром 1—1,5 мм, спустить курки и снять толкатели боевых пружин. У ИЖ-27М-1С снять пружину спуска. Потом снять детали предохранителя (вынув штифт пассатижами) для доступа к винту перемычки и вывинтить нижний

винт личины с задним хвостовым винтом перемычки. Снять перемычку. Отделить личину легкими ударами молотка по медному стержню, вставленному в отверстие для предохранительной скобы (предварительно нажав на защелку запорной планки).

Для установки опорного вкладыша зажать коробку в тисках через медные прокладки. Разметить на перемычке коробки паз под «ласточкин хвост» длиной примерно 17—20 мм и глубиной 2—2,5 мм (определить по пластилиновому слепку). Выпилить трехгранным напильником паз, подправить при необходимости надфилем по форме «ласточкиного хвоста». Здесь надо строго следить, чтобы углы паза не получились заоваленными. Напильник должен ходить строго перпендикулярно перемычке коробки. По пластилиновому отпечатку-слепку (после закрывания ружья) определить примерную толщину опорного вкладыша. В тисках выпиливаем из стали вкладыш необходимой конфигурации, верхняя плоскость которого должна быть заподлицо с верхней плоскостью перемычки коробки, а нижняя — с плоскостью личины. Затем запрессовываем его в паз легкими ударами медного молоточка.

Сначала по краске, а затем по колоту от спички подгоняем опорный вкладыш под переднюю поверхность заднего крюка (эту поверхность тоже предварительно нужно заполировать).

Проверку по копоту надо проводить многократно после каждого закрывания стволов. Металл снимать понемногу алмазным надфилем и бархатной шкуркой. Степень подгонки определять по положению рычага запирания. Рычаг запирания сначала не будет доходить до центральной оси ружья.

Установкой такого вкладыша в перемычке коробки значительно разгружаем шарнирное соединение и повышаем технический ресурс ружья. Первоначальный недоход рычага запирания и наличие угла между осью ружья и осью рычага будут говорить о резерве запирания. Этот резерв обеспечит плотность запирания и многолетнее использование ружья без шата и зазора между казенным срезом стволов и щитком коробки.

Перед сборкой ружья надо очистить все пазы, вырезы и отверстия в коробке от грязи и ржавчины, протереть все детали и смазать их жидким маслом. У ружья ИЖ-43 (не имеющего, к сожалению, верхнего элемента запирания) также можно повысить живучесть. Опорный вкладыш там надо ставить на переднюю поверхность заднего крюка (в нижней его части), так, чтобы контакт этого опорного вкладыша пришелся с коробкой под запорной планкой. Закрепить этот вкладыш проще всего кернением (без нагрева крюка).

Убрать шат можно заменой оси шарнира увеличенного диаметра.

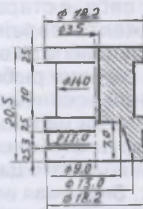
МОЯ ПУЛЯ

Е. ЛУКИНСКИЙ, почетный член общества охотников

Опубликованная в 12-м номере за прошлый год статья Ю. Мастерских о пуле Полева побудила меня еще раз написать вам. Не берусь судить, хороша эта пуля или плоха, — кто с ней охотился, тот знает лучше. Я хочу написать вам о своей пуле, которая уже несколько лет успешно применяется мной и моими знакомыми при отстреле копытных.

Пуля очень проста в изготовлении, не требует дополнительных компонентов, таких, как пластмассовый контейнер или войлочных хвостовик, хотя при необходимости закрепить его на ней очень легко. За счет трех ведущих поясков она и так надежно фиксируется в канале ствола. При своей утяжеленной головной части пуля устойчива в полете, полностью исключает кувыркание. Имеет высокую точность попадания и, что самое главное на облавной охоте, не дает рикошета. Вес пули всего 33,5 г, что позволяет применять ее в более легких ружьях типа ТОЗ-34, без особого вреда для чоккового сужения. Конструкция пули дает возможность ей легко деформироваться при прохождении по каналу ствола, не теряя при этом своих бал-

листических свойств. По останавливающим действиям пуля зарекомендовала себя только с положительной стороны. При попадании в жизненно важные органы зверь практически всегда остается на месте. Возможно, нехитрая конструкция этой пули заинтересует охотников. Контрольный отстрел пуль проводился при температуре воздуха минус 8 °С на расстоянии 35 м из ружья МЦ-21-12. Диаметр канала ствола у дульного среза 17,3 мм. Все пули не вышли из круга диаметром 120 мм. Пробитые отверстия четкой округлой формы. Применялся порох марки «Сокол», вес 2,4 г. Капсюль «Жевело»-Н, один картонный и два войлочных пыжа, один из которых осаленный. Гильза пластмассовая.

Чертеж пули

Пулелейка для изготовления пули

«О ТОМ, ЧТО НРАВИТСЯ ВСЕМ...»

Игорь АЛЁХИН

Беря на себя смелость утверждать, что написанное под этим заголовком будет небезразлично всем интересующимся охотничьей литературой, я рискую быть непонятым немногими. Тему-то выбрал «беспроигрышную», «благодарную» — рассказы об интересных случаях из охотничьей жизни. Но как всякий человек, чувствующий неловкость при игре на свете, желаю заметить, что все случаи взяты из моей собственной жизни, ни одним словом не приукрашены, не искажены — ни в угоду самолюбию, ни из желания вызвать какой-то особенный интерес к своей фигуре, одиноко пересекающей по диагонали пустынное поле охотничьей литературы Великой Кубанской равнины.

Естественно, почти любой мужчина, проводящий свои выходные осенью и зимой в резиновых сапогах и в условиях, максимально приближенных к природе, может припомнить несколько интересных, неординарных случаев, о которых с удовольствием рассказал бы понимающим друзьям, еще и еще раз переживая происшедшее когда-то...

За почти тридцать лет охоты были такие случаи и у меня. Ничего дико невероятного, правда, со мной не случилось, но все же некоторые эпизоды заслуживают, мне кажется, того, чтобы о них рассказать.

Один из них произошел в прошлом сезоне в середине сентября, и если случай этот положить в основу короткого рассказа, то я назвал бы его «Жизненная сила».

Погожим днем я приехал поохотиться на один из лиманов Азовских плавней. Знакомый рыбак, живший на берегу, обрадовался моему визиту: он означал для него прекращение на несколько дней рыбной диеты, хотя мои намеки устроить рыбный день для меня

обычно оставались непонятыми. Рыба, особенно в последние годы, становилась все более капризной и малочисленной, путаясь в сетях исключительно в те дни, когда я на охоту приехать не мог и находился от этого места в полтора километрах. Плыть на вечорку после тряской езды мне не хотелось, но, вняв стенаниям Ивана Андреевича, уверявшего, что только утиный шулом может спасти его желудок, измученный карасиной ухой и жареным судаком, я с обреченным видом стащил с багажника лодку, бросил ее на воду канала, опоясывающего лиман четырехкилометровой дугой, и швырнул в нее патронташ и ружье.

— Оцэ як проплывеш пэрвий поворот — там будуть ти... як вони... таки з лыстыямы широкимы... кувшинки, мать их... — напутствовал меня непоколебимо веривший в мои стрелковые способности рыбак. — Так зараз дывысь. Вони из камышей будуть вылетать. Хоть пару — на юшку... А я пока сплаваю — подывлось, може, шо у мэрэжки (сэточки я-таки брось тут з краю) попадется. Хотя погода... — безнадежно закончил он и вяло махнул рукой, — шо такое творится...

Я поплыл на лодке вдоль берега канала, густо заросшего камышом и кустарником, протягивающие над водой ветки которого задевали изредка за лодку. В воде толстой шубой плавала растительность, и моя легкая алюминка, заметно гася скорость, шуршала днищем о ее ковер. Плывая лицом вперед, толкая весла от себя, я старался лавировать между желто-зеленым пятен, стряхивая цепляющиеся за весла шапки водорослей. Мелкие рыбешки сновали в прозрачной осенней воде, удирая от лодки, иногда неподалеку возникали водовороты от более крупных представителей водяного царства.

Вот и поворот. Знакомая верба склонилась гибкие пряди ветвей к самой воде, под ними плавают узкие серебристые

листья. Я выпустил из рук резиновые рукоятки весел, и их лопасти прижало к бортам лодки нежно зажурчавшей водой. Достал из чехла и зарядил ружье, положив его стволами вперед. Вновь взялся за весла, направляя нос лодки между зелеными подносов листьев кувшинок с уходящими в таинственную глубину лианами стеблей. Одинокая лысуха маячила далеко впереди по каналу. Казалось, кроме этой единственной водяной курицы, вокруг нет ничего живого...

Слева в камыше раздался всплеск, негромкое шарканье, и четыре кричковых селезня один за другим с интервалом в полсекунды поднялись из зарайка метра в десять впереди лодки. Они полетели поперек моего куста, поперек канала, и это было их ошибкой. Если бы они пошли влево, над заросшим камышом берегом, скорее всего, я не стал бы стрелять, потому что в таких местах не то чтобы найти сбиту дичь, а и причалить к берегу проблема из-за густых зарослей. Легче проплыть дальше и попытаться поднять других птиц... Но эти полетели вправо.

Я резко согнулся в поясице, схватив лежавшее передо мной ружье, и в меру торопливым дублетом сбил второго и третьего селезня. Они грохнулись в воду с шумом и плеском, как умеют падать чисто битые кричковые. То, что они были биты чисто, сомнений не вызывало — обе птицы недвижимо застыли на воде. Один селезень вертикально выставил крыло, и оно лишь слегка подрагивало от ветерка, слабыми дуновениями рябившего местами гладь канальной воды, а другой холмиком покачивался неподалеку.

Удовлетворение от выстрелов было полным, и не успела последняя волна, вызванная падением птиц, миновать темно-зеленые борта моей лодки, как я, разломив ружье и выщелкнув дымящиеся гильзы, положил снова свое ТОЗ-34 в нос лодки и достал из карма-

на куртки сигареты. Спешить было некуда, заказ на утиный шулюм выполнен без особого труда и перерасхода боеприпасов. Оставалось насладиться «безакцизной» сигаретой, подобрать селезней и вернуться «на базу». И тут я услышал позади себя всплеск. Быстро обернулся и увидел метрах в трех в камышах крякового селезня, — очевидно, только что вынырнувшего. Схватил в спешке незаряженное ружье и выдернул из патронташа скользкий патрон, уронив сигарету. Отныряться может селезень, как пить дать, бывало уже! Но птица явно прощадась с жизнью, голова ее начинала заваливаться, на клюве — капля крови. Но откуда этот селезень? Мой подранок? Так быть не может — мои биты наповал, какие могут быть подранки с десяти-пятнадцати метров? Оглянулся — ну, конечно, мои селезни как упали, так и лежат недвижимо: один крыло выставил парусом, другой плавает буйком... Значит, чей-то, подранок-то! С другой стороны, здесь с прошлой недели никто наверняка не охотился — а кровь на клюве у птицы свежая... Ну, черт его знает, мало ли что бывает... Селезня-то забрать надо. Итого на два выстрела три красавца-крыжня — неплохо. Может, я одним выстрелом зацепил еще одного? Тоже маловероятно — близко было, заметил бы... Да ладно! Подгреб я, поднял птицу с воды. Селезень тяжелый, матерый, не похож на бедствующего горемыку-подранка. Дернулся и затих в руках — добывать не пришлось. Нет, ну явно мой — только, как я его подстрелил, непонятно...

Развернул лодку, подплыл к первому крыжню, взял его за торчавшее из воды крыло, потянул... А крыжня-то и нету — одно крыло! Оно торчало, зацепившись за притопленный куширь... Все стало ясно. Схватил того селезня, что лежал в лодке и которого я считал «третьим», глянул — нет у него одного крыла, а я сразу не заметил... Выходит, после того, как сноп дробы, словно ножом, отсек птице крыло, да еще, очевидно, боковой дробинкой ей повредило внутренние органы (отсюда кровь на клюве), она после падения проплыла под водой около пятнадцати-двадцати метров, прорынув под моей лодкой. Какая же жизненная сила помещалась в этом селезне, если вдуматься!..

На обратном пути я все думал об этом селезне и никак не мог понять, что в этом случае уместнее всего: жалеть убитую птицу или восхищаться ее жизненной силой? Быть жалостливо-сентиментальным или уважительно жестоким? Выходило, что лучше всего просто удивляться...

Когда я вышел на берег, знакомый рыбак, стоя в сносимой течением лодке, уже поджидал меня. Он ловко удерживал свою тяжелую деревянную посудину шестом.

— Ну, як успехи? — сощурился он и добавил: — Стреляя я, чув, два раза. Рыбы нэма, там, може, хоть уточка на вэчор будэ, Андрэенчу?

— А як же! — в тон ему улыбнулся я. — Нас двое, и качок тоже двое.

Мне совершенно не хотелось варить шулюм из моего геройского селезня, но и швырять его в чужую лодку казалось мне кощунством. Поэтому я взял за шею другого, двукрылого, и, размахнувшись, с каким-то злорадством запулил его мимо плоскодонки рыбака.

— Вот зараза! — лицемерно воскликнул я. — Промазал...

Иван Андреевич быстро, но несуетливо заработал шестом, не дав проплыть сносимому течением крыжню и десяти метров, и ловко подхватил его рукой.

— Та ниче, ниче! — весело крикнул он. — Главное — там нэ промазав. Завтра я тоби другэ мисто покажу, про то ще никому нэ казав. Там их...

Второй случай интересен тем, что в нем имели место два удачных для меня совпадения, в результате которых я не только не остался без добычи на охоте, но и полностью использовал представившиеся шансы.

С утренней охоты на лимане я вывез единственного серого гуся, правда, огромного и тяжелого, «як свийский», выражаясь местным языком, что в переводе на среднерусский означает «как домашний». Впереди у меня было полтора дня, погода в октябре выдалась на редкость жаркая, поэтому гуся я надлежащим образом обработал и повесил на веревке в тени огромного тополя. Подготовка к вечерней охоте заключалась в том, что я, прихватив брезентовый плащ, растянулся на толстом слое опавшей листвы в этой же самой тени. Но, провалявшись без сна часов до двух, решил отплыть. На воде, да с ружьем все интереснее, чем отгонять злых осенних мух, изнывая от жары. Пока до места доплывешь (а это километра три), чего только можешь не встретить и увидеть. Рыбу в прозрачной воде, птицу в синем небе, в камышах и на заросших водными травами пlesaх. Услышишь треск под копытами кабаньего табунка на перешейке между лиманами... Все еще живет летней жизнью: и гады на солнцепеках, и комары в роях, и лягушки на прогретых отмелях. Но шука резче бьет плотву у кромки камыша, стремительнее и звонче ходят над плавнями перелинявшие утиные стаи, длиннее цепочки крикливых гусей в поднебесье... Все-таки осень! Пусть жаркая днем, липкая от паутины, пыльная на сухих проселках, но — осень! И значит, ты можешь сесть в свою легкую стремительную лодку, положить впереди себя на скользящий плащ свое верное ружье со взведенными курками и плыть вдоль изломанной тростниковой линии навстречу своему охотничьему счастью. Так сделал и я и примерно через час неспешной, с остановками гребли приблизился к месту своей охоты.

Большой лиман здесь суживался, мелел, затягивался куширем, заканчи-

ваясь нешироким, обрамленным с трех сторон камышами заливищем, имевшим название Вершины. Когда десять лет назад я впервые попал на этот лиман, в Вершине стояли, выставив из мелкой воды бесцельные мертвые стволы, сухие деревья. Это были тополя, и, значит, когда-то Вершины не было и в помине, и кто-то посадил эти деревья. Теперь они все упали в воду, почернели и рассыпались, года три уже перестав царапать днище проплывающей над ними моей лодки.

Перед самой Вершиной на лиманной глади росли пучки зеленого рогоза, создавая идеальное укрытие для охотника — надо было только выбрать куст погуше, аккуратно протиснуть корпус лодки между гибких полуметровых стеблей и ты оказывался в прекрасном скрадке. Слева и справа из недалеких краек камыша время от времени выплывали не слишком осторожные лысухи, пролетывали утки разных пород, и нередко дикие гуси заранее предупреждали о своем приближении гортанным криком. Это было хорошее, добычливое место, кроме всего еще и очень «надежное», где практически всегда можно было рассчитывать на успешную охоту.

В четвертом часу я добрался до зарослей рогоза перед Вершиной. В мелкой, прогретой солнцем и ярко блиставшей в его лучах воде заливища стояли и бродили сотни две белых цапель, множество лысук и уток плавали и ныряли между ними. Еще дальше, в самом конце Вершины, крупными серыми пятнами, словно трафареты, медленно, едва заметно для глаза перемещались по водной глади несколько гусей. Все это птичье царство издавало разноголосый шум, так ласкающий слух охотника, и мое присутствие попросту не замечало. Привязав борта лодки к пучкам рогоза и устроившись на сиденье поудобнее, я в двенадцатикратный бинокль с интересом стал наблюдать за птицами. Белоснежные цапли принимали причудливые позы, которые так и хочется назвать «токовыми», но был конец октября, и я назову их «тренировочными».

До начала вечернего перелета времени было еще предостаточно. Тот факт, что на меня могут налететь ранние, «шалыные» гуси или утки, меня особенно не тревожил, учитывая мою уверенность в хорошей вечерней зорьке. Успеется! До ночи набстреляем! В то недалекое время так обильно и случалось, случается и теперь.

Солнце было еще высоко, очень ощутимо пригревало. Гуси в Вершине заготали, шумно снялись и улетели. Цапли тоже потихоньку, бесшумно взмахивая ослепительно белыми крыльями, стали покидать плесо. От долгого сидения у меня занемела спина, и, чтобы размяться, я, откинувшись на спину, прилег в лодке, а потом взял ружье, стал совершать вскидки, имитируя прицеливание в птицу, налетавшую под разными углами — встречную, поперечную и так далее, — и закончил

«выстрелом» по высокоугонной, якобы налетевшей сзади. «Выстрелил» и не успел опустить ружье, как буквально на концах стволов, на мушке, увидел пару гусей! Они прошли надо мной метрах в тридцати и, минув лодку, представляли собой как раз «высокоугонную» цель, в стрельбе по которой я только что «тренировался». К счастью для меня, мое верное ИЖ-12, с которым я в те годы производил прорехи в налетавших гусиных табунках, было заряжено «тремя нолями». Правда, первый, самый лучший для стрельбы момент я пропустил — настолько неожиданным и, главное, нереальным показалось появление больших птиц именно в той точке наверху, в которой я только что пытался их представить. Гуси налетели сзади, молча, и я их обязательно прозевал бы, если бы не рассказанные обстоятельства.

Справившись с ошеломлением, я мгновенно выбросил мушку впереди стремительно удалявшихся птиц и выстрелил два раза. Удара дроби я не услышал, но, как часто бывает в подобных случаях, почувствовал, что попал, хотя гуси продолжали полет. Я следил за ними со смешанным чувством досады и надежды. Над Вершиной один гусь со снижением пошел на разворот, и я потерял его из виду на фоне камышовых зарослей. Второй, крича, сделал несколько кругов над тем местом. Надо плыть! Надо попытаться найти подранка, хотя шансов, я понимал, у меня было немного. До камышей, куда, как мне казалось, опустилась птица, было метров четыреста, и если гусь дотянул до зарослей, искать его практически безнадежно... Но я поплыл. Уж больно заманчиво было положить в лодку увесистого серого задолго до вечерней зорьки, которая будет ли еще удачна?

Пока оттягивал лодку и выбирался из рогоза, в воздухе над недалеким заливишком уже никого не было: второй гусь, очевидно, улетел. Добравшись до конца лимана, я неспешно поплыл вдоль тростников, оглядывая их кромку, пытаясь заглянуть и в глубь зарослей. Примерно посередине «дуги» по носу лодки залопотали крылья и огромный гусь полетел над водой в двадцати метрах. К подобному я был готов и уверенным выстрелом сбил его на зеркало лимана. После ружейного удара, разогнавшего вокруг всю птичью живность, я, убедившись, что гусь недвижим, внимательно осматрел, не подплывая близко, место его взлета — мало ли что... Но больше ничего не заметил. Подплыл к своей добыче, забросил в лодку и, спеша на свое прежнее место, энергично взялся за весла. Сделал сильный гребок — и почувствовал, что одно весло сломалось! Оглядел его: да, алюминиевая трубка треснула в месте приваренного к ней хомута, к которому крепится уключина. Ну что ж... Неприятно, но бывает. Теперь надо думать, что предпринять, потому что грести на моей дюральке распашными веслами — сплошное удовольствие, а

делать то же самое одним веслом — истинное мучение. Да три километра, да хотя и при несильном, но встречном ветерке... Пока я сидел в лодке и прикидывал свои возможности по ремонту весла, ветерком этим мою посудину снесло к камышам, примерно к тому месту, откуда взлетел гусь. Здесь возле уреза воды был небольшой, свободный от камыша кусочек сухого берега. Когда лодка коснулась его с легким толчком, я поднял голову, оторвавшись от раздумий, и машинально огляделся. Взгляд мой уперся в гуся, спокойно лежавшего на расстоянии вытянутой руки от борта, возле кромки воды. Он был мертв. От удивления я даже перевел взгляд на лежавшего у меня в лодке первого гуся, — он, естественно, был на месте...

Весло в тот вечер я починил, вырезав из ветки утонувшего тополя «чопик» и соединив им трубки, и благополучно вернулся «на базу», правда, так и ничего больше не добыв. Но и добычи, а главное, приятных воспоминаний было достаточно.

Еще один случай произошел на заячьей охоте. Он отнюдь не относится к разряду удивительных, а, скорее, его можно назвать курьезным. Такие разнообразят нашу жизнь, делая ее веселее.

В один из довольно ветреных ноябрьских дней, которые не редкость на Кубанской равнине, мы с приятелем бродили по полям и лесополосам в поисках главного ингредиента для вкуснейшего блюда, которое в перечне кулинарных рецептов, кушаний, приготовляемых из дичи, носит название «заяц, тушенный в сметане». Но в тот раз зайцы, наверное, не догадывались о наших вожделениях и не показывались нам на глаза. До обеда в своих поисках мы придерживались еще какой-то логики, но, когда это не принесло никакого результата, стали в своих действиях похожи на карателей, использующих тактику если не выжженной земли, то вытоптанной. То есть топали вперед без всякой системы по принципу: «если заяц не лежит там, где он обязан, значит, он залег... где угодно». В этом случае я применяю лично мной изобретенный способ охоты. Для его осуществления необходимо единственное условие — надо, чтобы в компании с вами был молодой, а главное, неопытный охотник, и чем он менее опытный, тем лучше. В этом случае, уверовав в безнадежность осмысленного поиска зайца, я с тяжелым вздохом объявляю о наличии в данном районе особь хитрых, современных, «атомных», нетипичных русаков, повадки которых нормальный охотник с огромным опытом понять не в состоянии, и предлагаю малоопытному участнику эпопеи угадывать места предполагаемых лежек, снимая таким образом с себя ответственность за дальнейшее проведение операции. Тем самым я не только спасаю свой авторитет опытного зайчат-

ника, но зачастую и добиваюсь успеха.

Но в тот день не помогало и это. К трем часам дня, ощущая трансформаторный гул в ногах и горечь от безрезультатной ходьбы, мы вышли к большому пятну бурьяна на углу убранного соевого поля. Участок этот заболотился, поэтому не пахался и зарос, потом вода высохла, а бурьян остался. Он был высотой по пояс, но осенние ветры достаточно для сносного обзора его прорешили. Почему бы и не лежать здесь косо? Очень даже может быть... Недалеко от зарослей в поле стояла брошенная сенокосилка. На нее мы с приятелем присели перекурить. Чтобы как-то подбодрить напарника, я стал рассказывать вспомнившуюся историю — как один мой знакомый два раза сдул плетил по сухим листьям от кукурузного початка, шевелимым ветром и показавшись ему заячьими ушами. «Комик! — закончил я короткое повествование. — Неужели ж не видно, заяц то или нет? А сомневаешься — шугани ты его, сразу понятно будет — и бей! Но мужик-то старенький был, в очках, ну и... Смех и горе!»

И мы вошли в это бурьянное пятно. Сильный ветер гнул к земле бадылки, играл облысевшими космами трав. Я вдруг остро почувствовал, что вот сейчас вскочит заяц, и даже взял ружье в обе руки на изготовку. Русак поднялся слева, метрах в пятнадцати, и пошел по ветру, пересекая мой путь, мелькая серо-черным окрасом сквозь бурьян. Я ударил «двойкой» из нижнего ствола, а потом, когда, к моему отчаянию, мелькание не прекратилось, выстрелил из верхнего «двумя нолями». Заяц исчез. Ломая коленями сухие стебли, я бросился к такому долгожданному и трудному в этот день «зайцу, тушенному в сметане». Но его не было! Вместо него на вытоптанной тракторными колесами прогалине в бурьяне висела скомканная газета «Труд», зацепившись за крайний кустик, — одна веточка попала в отверстие, проделанное дробинкой... Надо же было этой газете лежать до поры в траве, пока очередной порыв ветра не помчал ее прямо передо мной. А напряжение целого дня ожидания преобразило скачущую газету в быстрого русака. Единственно, что вызвало у меня «чувство глубокого удовлетворения», это многочисленные прострелы от обоих выстрелов в «центральной газете». Значит, по крайней мере стрелять мы не разучились...

Приятель, замерший поодаль в выжидательной позе, ничего не мог понять. Если заяц взят — почему я не снимаю, как обычно, ружейный погон и не подвязываю добычу? Ежели нет — почему ни жестом, ни криком не объясняю причину промаха? Треща сухим травяным валежником, он подошел. Но понял все не сразу. Когда же до него дошло, с интересом глянув на меня, он пробормотал: «И не старенький, и не в очках»...

Рисунки Б. Игнатьева

Фото Л. ФИЛАТОВА

«Фотоконкурс «Охота и природа, 1998»

Итоги фотоконкурса «ОХОТА И ПРИРОДА, 1998»

Дорогие читатели, завершился наш очередной фотоконкурс, на который 40 авторов из разных регионов России прислали нам 356 слайдов, цветных и черно-белых фотографий. Жюри фотоконкурса рассмотрело присланные работы и решило:

две первых премии (по 1000 рублей) присудить:

А. САВЧЕНКО за серии фотоочерков «Месяц с медведжатами», «Итоги суровой зимы», «Свиристели», «Таежная цивилизация» и др.

А. КОЛБАСОВУ за фотоочерки «Пришельцы из космоса», «Я от огорода в лес бегу» и др.;

три вторых премии присудить (по 500 рублей):

А. САВЕЛЬЕВУ за фотоочерк «Тувинский бобр»

В. МУКАНОВУ за фотоочерк «Пейзажи Северного Урала»

Л. ФИЛАТОВУ за фото «Охота с дратхааром»;

четыре третьих премии присудить (по 300 рублей):

В. ПОДДУБНОМУ за фотоочерк «Охота со спаниелем»

В. ЕРОХИНУ за фотографии на тему «Птицы нашей Родины»

А. ДОБРЮЛОВУ за фотографии «Лисенок»

С. КОНЬКОВУ за фотоочерк «Охота на Кубани»

Мы благодарны всем приславшим свои фотоработы и в том числе тем, кто не прошел конкурс. Рано или поздно многие фотографии могут быть использованы к подходящим по тематике публикациям.

Об условиях фотоконкурса 1999 года см. журнал № 1, 99 г.

К 100-летию со дня рождения
Великого русского писателя
Владимира Владимировича НАБОКОВА
(1899—1977)

«Огромный, зрелый, сложный современный писатель был передо мной, огромный русский писатель, как феникс, родился из огня и пепла революции и изгнания. Наше существование отныне получало смысл. Все мое поколение было оправдано».

Н. Берберова

«...Набоков — поэт прирожденный, и сказывается это даже в поисках. Некоторые стихи его прекрасны в полном значении слова, и достаточно было бы одного такого стихотворения, как «Поэты» или «Отвяжись, я тебя умоляю...», чтобы сомнения насчет этого бесследно исчезли. Как все хорошо в них! Как удивительно хороши эти «фосфорные рифмы» с «последним чуть зримым сияньем России» на них! Здесь мастерство неотделимо от чувства, одно с другим слилось».

Г. Адамович

В. Набоков

БЕССМЕРТНОЕ СЧАСТЬЕ НАШЕ...

Родина

Бессмертное счастье наше
Россией зовется в веках.
Мы края не видели краше,
А были во многих краях.

Но где бы стезя ни бежала,
Нам русская снилась земля,
Изгнание, где твое жало,
Чужбина, где сила твоя?

Мы знаем молитвы такие,
Что сердцу легко по ночам;
И гордые музы России
Незримо сопутствуют нам.

Спасибо дремучему шуму
Лесов на равнинах родных,
За ими внушенную думу,
За каждую песню о них.

Наш дом на чужбине случайной,
Где мирен изгнанника сон,
Как ветром, как морем, как тайной,
Россией всегда окружен.

Моя весна

Все загудело, все проснулось,
Так стало шумно и светло!
В лазури облако блеснуло,
Как лебединое крыло.

И лоснится, и пахнет пряно
Стволов березовых кора,
И вся в подснежниках поляна,
И роща солнечно-пестра.

Вот серые, сырые сучья,
Вот блестящие свернутых листов...
Как спутываются созвучья
Гремящих птичьих голосов!

И, многозвучный, пьяный, вольный,
Гуляет ветер, сам не свой.
И ухнет звон колокольный
Над темно-синиею рекой!

Ах, припади к земле дрожащей,
Губами крепко припади,
К ее взволнованно звенящей,
Благоухающей груди!

И над тобою пролетая,
Божественно озарена,
Пусть остановится родная,
Неизъяснимая весна!

К России

Отвяжись, я тебя умоляю!
Вечер страшен, гул жизни затих.
Я бепомощен. Я умираю
От слепых наплываний твоих.

Тот, кто вольно отчизну покинул,
Волен выть на вершинах о ней,
Но теперь я спустился в долину,
И теперь приближаться не смей.

Навсегда я готов затаиться
И без имени жить. Я готов,
Чтоб с тобой и во снах не сходиться,
Отказаться от всяческих снов;

Обескровить себя, искалечить,
Не касаться любимейших книг,
Променять на любое наречье
Все, что есть у меня, — мой язык.

Но зато, о Россия, сквозь слезы,
Сквозь траву двух несмежных могил,
Сквозь дрожащие пятна березы,
Сквозь все то, чем я смолоду жил,

Дорогими слепыми глазами
Не смотри на меня, пожалей,
Не ищи в этой угольной яме,
Не нащупывая жизни моей!

Ибо годы прошли и столетья,
И за горе, за муку, за стыд, —
Поздно, поздно! — никто не ответит,
И душа никому не простит.

России

Не предаюсь пустому гневу,
Не проклинаю, не молю;
Как изменившую мне деву,
Отчизну прежнюю люблю.

Но как я одинок, Россия!
Как далеко ты отошла!
А были дни ведь и другие:
Ты сострадательной была.

Какою нежностью щемящей,
Какою страстью молодой
Звенел в светло-зеленой чаще
Смех приближающийся твой!

Я целовал фиалки мая, —
Глаза невинные твои, —
И лепестки, все понимая,
Чуть искрились росой любви...

И потому, моя Россия,
Не смею гневаться, грустить...
Я говорю: глаза такие
У грешницы не могут быть!

Родина

Как весною мой север призывен!
О, мятежная свежесть его!
Золотой, распеваящий ливень,
А потом — торжество... торжество...

Облака восклицают невнятно.
Вся черемуха в звонких шмелях.
Тают бледно-лиловые пятна
На березовых светлых стволах.

Над шумливой рекою, — тяжелой
От лазури влекомых небес, —
Раскачнулся и замер веселый,
Но еще не уверенный лес.

В глубине изумрудной есть место,
Где мне пальцы трава леденит,
Где, как в сумерках храма невеста,
Первый ландыш, сияя, стоит...

Неподвижен, задумчиво-дивен
Ослепительный, тонкий цветок...
Как весною мой север призывен!
Как весною мой север далек!

Дождь пролетел

Дождь пролетел и сгорел на лету.
Иду по румяной дорожке.
Иволги свищут, рябины в цвету,
Белеют на ивах сережки.

Воздух живителен, влажен, душист.
Как жимолость благоухает!
Кончиком вниз наклоняется лист
И с кончика жемчуг роняет.

Сонет

Весенний лес мне чудится... Постою,
Прислушайся... На свой язык певучий
Переведу я тысячи созвучий,
Что плещут там, под зеленью святой.

И ты поймешь, и слух прозрачный твой
Все различит: и солнца смех летучий,
И в небе вздох блестящей легкой тучи,
И песню пчел над шепчущей травой.

И ты войдешь тропинкою пятнистой
Туда, в мой лес, и нежный и тенистый,
Где сердце есть у каждого листка,
Туда, где нет ни жалоб, ни желаний,
Где азбуке душистой ветерка
Учился я у ландыша и лани.

Россия

Пльви, бессонница, пльви,
вспоминаешь...
Я дивно одинок. Ни звука, ни луча...
Ночь за оконницей безмолвна,
как изгнание,
Черна, как совесть палача.

Мой рай уже давно и срублен,
и распродан...
Я рос таинственно в таинственном
краю,

Но Бог у юного, небрежного народа
Россию выхолил мою.

Рабу стыдливую, поющую про зори
Свои дрожащие, увел он в темноту
И в ужасе ее, терзанных и позоре
Познал восторга полноту.

Он груди вырвал ей, глаза святые
выжег,
И что ей пользы в том, что в тишь ее
равнин
Польется ныне смрад от угольных
изрыжек
Европой пущенных машин?

Напрасно ткут они, напрасно жнут
и веют,
Развозят по Руси и сукна, и зерно:
Она давно мертва, и тленом ветры
веют,
И все, что пело, сожжено.

Он душу в ней убил. Хватил с размаху
об пол
Младенца теплого. Вдавил пятою
в грязь
Живые лепестки и, скорчившись,
захлопал
В ладоши, мерзостно смеясь.

Он душу в ней убил — все то, что
распевало,
Тянулось к синеве, плясало по лесам,
Все то, что при луне над водами
всплывало,
Все, что прочувствовал я сам.

Все это умерло. Христу ли, Немезиде
Молиться нам теперь? Дождемся ли
чудес?
Кто скажет наконец лукавому: изыди?
Кого послушается бес?

Все это умерло, и все же вдохновенье
Волнуется во мне, сгораю, но пою.
Родная, мертвая, я чаю воскресенья
И жизнь грядущую твою!

Вадим Борисович Чернышев

3 апреля писателю Вадиму Борисовичу Чернышеву исполнилось 70 лет, и уже 30 лет герои его рассказов и повестей живут на страницах нашего журнала.

Одну часть своей жизни Вадим Чернышев посвятил прозаическому труду кораблестроителя, другую — художественной прозе и работе писательской. И все прожитые годы отдал поэтической стороне жизни — охоте.

Далеко не все мужчины наделены охотничьей страстью, совсем редко судьба награждает кого-то литературным даром, но только в исключительных случаях совпадает то и другое. Вадим Чернышев — из числа таких счастливчиков. Вдобавок ему выпало родиться на Волге, в срединной России, совсем рядом с ее сердцем.

Отец и дед служили ветеринарными врачами, так что живность постоянно окружала будущего писателя. И конечно лошади, много лошадей, бессчетные табуны.

...Ночное. Остывающая от летнего зноя волжская степь, хмельной простор, бесконечная вселенная с мерцанием загадочных звезд. Кто знает, может быть, именно тогда перед мальчиком пролетел на белом коне покровитель русских охотников Святой Трифон с ясным соколом на вытянутой руке, поманил в дивную страну с названием Охота.

Каждого появившегося на свет человека ждут в жизни два пути, одолеть которые ему придется непременно. Один — житейский, открытый для всех, другой — внутренний, потаенный. Особенность писательского бытия в том, что и сокровенное становится явным. Проза Вадима Чернышева явила нам человека с чистыми помыслами, чуткого к неправедной лжи. Иначе и быть не могло, ибо традиции нашей охотничьей литературы были заложены и поддерживались людьми искренними и глубоко духовными.

Первые публикации Вадима Борисови-

документальный очерк

Вадим ЧЕРНЫШЕВ

Январь выдался таким же тусклым и мгlistым, как декабрь. Сутемки года... Ничто не рассеяло их — ни минувший солнцеворот, ни Рождество, ни Новый год. Очнувшись душой, люди встретили Светлый Праздник, отметили приход очередного года и снова погрузились в будни, более, чем обычно, раздраженные тем, что приходится затемно вставать, сидеть на работе при электричестве, болезненно мешавшимся со светом подслеповатого дня, и потемну возвращаться домой, шурясь от мертвенной дрожи неона витрин. Люди связывали свою раздражительность с неурядицами жизни — но не только это тяготило их души. Утратившие связь с природой и не избавившиеся, однако, от ее власти, живущие в сузившемся пространстве между низким мутным небом и промерзлой землей, люди с томлением ждали перемен, осуществления каких-то надежд, суеверно загаданных в новогоднюю ночь. Каких? У каждого свои, вероятно, были на этот счет мысли, только вряд ли они связывались с погодой — нынче стало уни-
зительным сознавать свою зависи-

мость от ее прихотей и капризов. А новость откуда-то пришедшее с Атлантики, как сообщалось в метеосводках, вялое ненастье, отодвинув привычные рождественские и крещенские морозы, все так же цепко держало землю, все так же сонливо было в утренние поздние часы, порой слетал ленивый снежок, с мокрым шипеньем месили снеговую кашу колеса машин, и тягучий долгий рассвет переходил в ранние скучливые сумерки...

Но вот наконец-то поднялось небо, исчезла заполнявшая его муть, открылись спящие бездонной синевой колдцы меж белых кучевых, как в июле, облаков, хлынули из них потоки радостного света, и стало очевидным, что все это время затянутая хмарью Земля незримо вершила свою извечную, неподвластную воле людей работу, с каждым оборотом вокруг Солнца подворачивая его лучам свое покрытое снегами северное полушарие. Оказалось, что более чем на час прирос день, и по тому, как изменился сам солнечный свет, ставший совсем иным, чем при осеннем убывании дня, люди впервые

в новом году ощутили, что дело пошло к весне. И пусть до нее было далеко, еще предстояло пережить февральские душные вьюги и хрусткие утренники марта, ее робкое дыхание уже чувствовалось в распахнувшемся небе.

Михаил Михайлович Пришвин когда-то очень верно выделил во времени пробуждения природы Весну Света, Неодетую Весну, Весну Воды, Зеленую Весну... Большой город по-своему переживает переход от зимних холодов к лету, но Весна Света приходит в него так же, как в лесу: для всех одно солнце и те же небеса. Бойко и задорно начинают пилить синицы, шумно базарят в кустах воробьи, на свои старые, под шапками снега гнезда наведываются вороны, что-то поправляют в них, расстрепанным зимними ветрами, ломают каменными носами новые ветки. И вот уже «вся комната янтарным блеском озарена», не так тяжело вставать по утрам, и не таким мрачным представляется окружающее.

С особым чувством встречает Весну Света охотник. По скудным ее признакам городской охотник угадывает по-

ча пришлось на годы, когда еще жили и работали Е. Н. Пермитин, И. С. Соколов-Микитов, Н. П. Смирнов, А. В. Перегудов — классики охотничьего жанра в охотничьей литературе. А с Иваном Сергеевичем Соколовым-Микитовым Чернышева связывала многолетняя дружба — еще один подарок судьбы.

Литература — материя многоцветная и тонкая, к душе причастная, но вращается она вокруг всего двух полюсов — добра и зла. У писателя Вадима Чернышева есть надежный компас, всегда указующий верное направление. Компас ему вручила сама русская литература. Подумать только, его литературный учитель и друг родился при Александре III! Еще не было великих писателей Чехова, Бунина, Куприна, а дед Соколова-Микитова вполне мог оказаться очевидцем войны с Наполеоном. Мысль об относительности времени приходит в голову, когда при встрече пожимаешь крепкую руку Вадима Борисовича, а он, в свою очередь, помнит теплое рукопожатие Соколова-Микитова.

70 лет — это много, если речь идет о физической сущности человека, но ничтожная величина в нравственном исчис-

лении. Наш юбиляр в свои 70 даст фору не только ровесникам, а в творчестве всегда шел только вперед. Проза Вадима Чернышева лишена литературных выкрутасов и внятна для любого российского читателя, но все-таки стоит наособицу и почти не имеет последователей. За обманчивой доступностью стиля и слога кроется не приобретенное извне, но глубинное чувство родного языка, помноженное на литературное мастерство. Золотой ключик, открывающий сердца русских охотников, писатель ни у кого не заимствовал, он с ним родился, и его книги адресованы тем, кто любит Россию.

Вадим Чернышев снискал уважение охотников не только художественными произведениями. Читателям «Охоты» запомнились его статьи об этике охоты, сущности и истоках охотничьей страсти. Эти статьи — плод многолетнего опыта и долгих раздумий, своеобразный моральный устав для каждого культурного охотника. Писатель с честью продолжал дело О. В. Волкова и А. А. Ливеровского, главных радетелей и защитников охоты.

Совсем недавно Вадим Борисович подготовил серию блестящих очерков «На

большаке охотничьей литературы: XX век». Простая и одновременно замечательная идея, тем более ценная, что воплощена она писателем, который сам широко шагает по литературному тракту вослед своим славным предшественникам.

Как вы думаете, с чего начинался прошлым летом день писателя Чернышева? Ничем не угадаете. Писатель Чернышев брал в руки топор и рубил пристройку к своему домику в тверской деревушке. «Для гостей», — улыбается в густую бороду Вадим Борисович. Ну что ж, было время — корабли строил, сладит и хороминку. Возьми все мужики в руки топоры, давно бы уже обустроились и жили в дружной России.

Сколько-то лет назад тогда еще в благополучном Советском Союзе поэту Николаю Рубцову невдалеке от своего смертного часа вдруг открылась бездна, у края которой окажется горячо любимая им Родина: «Россия, Русь! Храни себя, храни!» Следуя этому завету и велению собственного сердца, Вадим Борисович Чернышев хранит свою Россию. Нашу Россию. Дай ему Бог душевных сил и многих лет.

ступь весны там, где в оглохших от снежной нависи лесах вершат свадьбы волки, целыми днями бродят возбужденные любовным томлением в залитых солнцем полях лисы, а над ними в парной игре козыряют, падают на крыло, роняя колокольню-гортанные клики, и снова забираются в студеную синеву, поскрипывая мерзлыми маховыми перьями, вороны... И мечты охотника, обгоняя время, уносятся в апрель, когда Неодетая Весна сменяется Весной Воды, откроется охота на тяге, с подсадной и на токах. Но это так не скоро, надо набраться терпения и ждать. Еще будет до того Черная Весна, на долю которой выпадает самая революционная, мятежная, черновая работа по ломке зимы. Но и в этой ненастной и сырой, грязной весенней поре есть своя притягательная прелесть, зовущая покинуть дом и участвовать в разрушении зимы.

На земле властвует ветер, он гудит в вышине, гонит, комкает и мнет облака, выжимает из них дождь-снегоед, сдувает на затрушенном соломой дворе кур, заломив их хвосты на сторону. На размякших дорогах, еще недавно гремевших ледяными черепками, глуповатые просовы, ни на санях, ни на колесах: распутица. Напрягаясь, горбясь хребтиной, лошадь в мохрах линной шерсти тянет розвальни с белыми, намытыми полозьями. Ветер мотает ветлы на плотине пруда, свистит в их мокрых ветвях, рябит воду синих, с ледяным дном луж, он упруго шарит за пазухой, треплет волосы на лбу и наполняет грудь радостной тревогой, ожиданием скорых перемен. Лед на всплывшем, переполнившимся пруду отошел

Знаменитая павловская избушка на берегу Бакалды

Фото О. Гусева

от берегов, навалился на плотину. Рыжий от навоза зминок, напрямую проложенный по льду, сдвинулся и не совпадает с дорогой на берегу, уходящей в полую воду. Здесь, на пруду, сильнее чувствуется напряжение весны, назревшее, готовое прорвать, снести остатки зимы.

В степи, на обнажившейся пашне, не вытащить ног — надо идти по гребню межевой канавы, еще забитой ноздреватым снегом, по вытаявшему, дрожащему на ветру прошлогоднему бурьянку.

В лесу — заметно тише, шипит в мокрой хвое сосен верховой ветер, в блюдах обтаявших приствоил подрагивает от его упавших на землю порывов вода, на осевшем снегу, усыпанном древесным мусором, чудовищно огромные, расплывшиеся — не накроешь шапкой — старые, обледенелые заячьи следы.

И вот, как разрешение томительного ожидания, видишь на обратном пути: поднят затвор плотины. Издали слышен шум устремившейся в слив, падающей с высоты воды. Толстым

выгнутым зеленоватым стеклом она переваливается через порог, кипит и бесится внизу на осклизлом дощатом настиле лотка. Отламывающиеся от поля льдины крошатся на пороге голубыми игольчатыми кристаллами, переваливаются через него и тяжело хрястаются о настил. В воде мелькают вывернувшиеся откуда-то с глубины черные палки, корневища лилий и шматки тины, от воды затхло пахнет задохнувшимся нутром. Идет очищение... Можно долго стоять, опершись на перила моста, смотреть на движенье воды, и вдруг начинает казаться, что она остановилась, а сам мост трогается с места, летит над прудом. Смотришь на поток получившей свободу воды, и светлее становится на душе, словно переступил какой-то рубеж... Какой?

Когда-то виденное возвращается теперь с первыми признаками весны и скрашивает — или усложняет? — жизнь.

...Я шел наведать Олега Васильевича и знал, каким вопросом он встретит меня, каков будет у нас разговор. Парил подсыхавший асфальт тротуаров, с грохотом обрывался в водосточных трубах подталый лед. Сизари, раздув зобы, гурчали и крутились возле голубок. Летела с крыш, вспыхивая на солнце, капель. Трудно ли догадаться, чем сейчас живет старый охотник?

— Ну, как вы думаете, — чертит? — встретил он меня в прихожей.

Стеснительно радуясь, подошел давний знакомец Рекс, доверчиво втиснул меж колен атласную голову.

— Ох, Олег Васильевич, лучше не вспоминать: сразу пульс, как у загнанного зайца!

И нам обоим, вероятно, почудилось, как в гостиную, где мы расположились, вошел красавец-петух: раскрыв веером хвост, вскинув бородатую голову, он ступал между сосен, чертил приспущенными крыльями зернистый снег, испятнанный опавшей кухтой...

Так бывало каждый год. Как только солнышко чуть повернет к весне, Олег Васильевич задолго до открытия охоты начинал загадывать, куда бы отправиться на этот раз. Он звонил, приглашал зайти, и мы, подзадоривая друг друга, сами, как петухи-глухари в предчувствии тока, «чертили» распушенными в мечтах «крыльями», рисуя себе знакомые картины вожаделенной весенней охоты. Только далеко не всегда, к сожалению, доводилось нашим мечтам сбыться: непросто подчинять обстоятельства и претворять планы, когда человек на девятом десятке лет... Восставали, выставляли заслон врачи, и Олег Васильевич, чтобы не волновать домашних, скрепя сердце смирялся; бывало и так, что приходилось сдавать заранее взятые билеты. Приходилось ограничиваться подмосковной тягой. Но и здесь было неплохо, отрешившись от городских дел, постоять с ружьем, ощутить его приятную тяжесть, полюбоваться кружевом ветвей, сквозящих «на зареве темнеющих

небес», послушать птиц, проводить вместе с ними еще один апрельский день и дожидаться, наконец, «гуттаперчевого» хорканья вальдшнепа...

Случалось, правда, что вечер был порчен близким соседством цивилизации: выбравшись как-то в сторону Внукова, мы принуждены были наблюдать не столько птиц, сколько самолеты, заходившие в этот день на посадку как раз над нашим местом тяги. Запластав крыльями небо, оглушая ревом турбин, окрашивая белостольный березняк зловеще-мелфистольскими красными отблесками электронной отмашки, над головами проплывали громадные лайнеры. До тяги ли тут? Да и как стрелять редкого вальдшнепа, робко летя-

Павел Михайлович — крепкий парень и отличный охотник

Фото О. Гусева

щего в подбрюшье фюзеляжей, похожих на брюхастых рыбин, чрево которых, как икрой, тесно набито пассажирами. Разве это охота? И мы замыслили попасть в милые сердцу, родные Олегу Васильевичу тверские края, в «мое» Заонежье...

— Хорошие вести, — с интригующей интонацией объявил мне по телефону Олег Васильевич. — Получил от Михаила Павловича письмо. Приглашает к себе на Чепцу, это за Вяткой. Места там замечательные, разлив... Я там бывал, в его избушке. Как вы?

— Да ведь как, — замылся я. — Не знаю... Удобно ли... Не будет ли тесно...

— Ну, я это сразу обговорил, меня ведь теперь так далеко одного не пускают... Так что пусть вас это не смущает...

Что больше тянет: изведенное полюбвишее или новое, вызывающее лю-

бопытство и желание познакомиться с ним? Весна, разлив... Ожидаемое новое напрашивается на сравнение с тем, что раньше видел. Я-то давно знал, какое это удовольствие — шлепать по мелкой, залившей луга воде, видеть простор лучащегося под солнцем водополя, птичьи стаи в небе, повисшие в струйчатом мареве разлива дальние перелески, чувствовать, как медово веет от желтых пухонок тальника с опьяневшими в них шмелями... А как там, на незнакомой Чепце? Олег Васильевич рассказывает, сблизняется, а в памяти все равно упрямо встает свое...

Итак, решено: едем в неблизкие вятские палестины. Поколебавшись, подавшие в себе упрек в нескромности, взяли двухместное купе. Наши рюкзаки и зачехленные ружья, выдавшие виды куртки не «монтируются» с чистенькими салфетками и чехлами мягких диванов, с шелковыми занавесками, зеркалами и настольной лампой под абажуром, обещающей вечерний уют. Никогда не ездил на охоту с таким комфортом! Стараясь скрыть любопытство, на нас косится аккуратная проводница.

Ничто так не располагает к неспешному разговору, как долгая дорога. Мы вдвоем, нашему откровению никто не мешает. Я знаю, что Олег Васильевич закончил работу над большим романом, знаю — в общем — о чем этот роман, расспрашиваю и слушаю его рассказ о безоблачном, не сулившем невзгод поместном детстве в родовитой семье, унаследовавшей славу первооткрывателя Антарктиды адмирала Лазарева, о мальчишеской охоте под руководством егеря Никиты, о юношеских помыслах высокого служения Отечеству, воспитанных отцом, одним из директоров знаменитого Русско-Балтийского завода, строившего не только корабли, но и первые в мире тяжелые аэропланы-бомбардировщики «Илья Муромец», о революции, поломавшей его планы поступления в университет... Своими рассказами я вызываю подробности долгодетней лагерной эпопеи Олега Васильевича, начавшейся с того, что ему, молодому переводчику греческой миссии в Москве, дали пять лет лишь за отказ стать тайным осведомителем ГПУ... Чудом избежавший массового расстрела в переполненных зеками Соловках, он не раз потом бывал на краю гибели, перенес жесточайшую дистрофию, каторжный лесоповал, замороженный карцер, куда его, полураздетого, поместили за строптивость. За первой «пятеркой» последовали еще пять лет, и еще, и еще...

Проводница, облачившись в крахмальный передник, принесла чай, мы извлекли «подорожники», напомнившие о домашней предусмотрительной заботе, — неторопливо чаевничали в мягком полусвете настольной лампы, и то, что я слышал о мытарствах «СОЭ» («социально опасного элемента»), о жизни зеков в мерзлых бараках, о допросах ошалевших следователей, по-

своему несчастных людей с искорканными душами, ставших послушными шестеренками в адской машине государственного насилия, казалось кошмаром, навалившимся в душной ночи. Двадцать восемь лет! Когда я появился на свет в год великого перелома русского крестьянства, Олег Васильевич был уже в заключении, и более четверти века мы видели сменявшие друг друга годы по разные стороны колючей проволоки. Но кое-что выпало увидеть и мне, когда июньской ночью треклятого тридцать седьмого года, перевернув все вверх дном в доме и не обнаружив какой-либо «контры», энкавдэшники все равно забрали деда, который так и не вернулся... Я смотрел на сухую, костистую кисть руки Олега Васильевича, помещивавшую ложечкой чай, слушал его и думал: пусть в болотных сапогах, в походной куртке, но именно так, в удобном, покойном купе должен теперь после всего пережитого ехать на охоту этот восьмидесятипятилетний человек...

После Кирова-Вятки едем дальше электричкой. Из обсохшей, принарядившейся к Маю Москвы мы снова вернулись в апрель: на северных склонах еще лежит снег, раскисшие дороги, лужи. Слева по ходу — море воды, затопившей деревья и кусты, огороды путевых будок. На разезде нас встретил, по просьбе Михаила Павловича, его знакомый, пригнавший к откосу полотно алюминиевую лодку с подвесным мотором.

Вот она, долгожданная Весна Воды! Насколько хватает глаз — разлив реки, русла которой не угадать, торчат из воды стволы ветел и тальник с застрявшим в нем плавучим сором, круглое сорочье гнездо в ветках оказалось над самым урезом. «Казанка» ловко огибает деревья, лавирует среди кустов, с ходу проскакивает реденкувую щетинку краснотала с белыми пуховками.

— В самую большую воду угадали! — перекрывая шум мотора, кричит наш кормчий. — Прошлый год такой не было!

Кое-где попадает мел: пенный «петух», взбитый «вихрем» за кормой, поднимает донную муть, черные замкистые листья ветел. Широко расходятся волны, взлизывая стволы деревьев, раскисшая затопленные кусты. Олег Васильевич пытается что-то сказать, но его негромкий «комнатный» голос тонет в трескотне «вихря», он безнадежно машет рукой, тычет ею в небо: там, свечой взмыв из тальников, закладывает вираж пара шилохвостей, утка и селезень с белой манишкой и тонким шильцем длинного хвоста. Задрав бороду, Олег Васильевич близоруко щурится небесам, из-под усов не сходит полуулыбка: простор поймы, запахи живой воды, свежий ветер скорости, взлетевшие утки — все это веселит, радует душу, и она полнится предвкушением охотничьего счастья.

Хвойная стена сосен, белые стволы толстых берез — это уже, вероятно,

матерой берег. Так и есть: открывается избушка с низким окошком, вздернутые на приплеск лодки, дымок от костра, две собаки, бегущие встречать, люди в высоких сапогах, с отвернутыми верхами...

— Принимай гостей, Палыч! Погляди, тех ли привез?

Поляна в окружении сосен, кострище, черный над огнем чайник, поленища, рукомойник в стороне с умывальными принадлежностями, стопка мытых тарелок на длинном столе под навесом — с толком и любовью обустроенный походный быт. На стене избушки с теневой стороны — «натюрморт», заставивший екнуть охотничье сердце: связка красавцев-селезней, результат нынешней утренней зорьки. Наши хозяева только что пережили то, что так давно, с зимы, загадывалось нами...

Все свободное место в избушке, оставшееся от камелька и небольшого перед окном столика, занимают нары: видно, что в какие-то времена здесь бывает гостей немало. Но сейчас хозяева одни: Михаил Павлович, высокий, голубоглазый, с шотландской седою бородой, окаймляющей загорелое, обветренное худощавое лицо, похожий на шкипера зверобойной шхуны, и сын его Павел — с темными чумачками усами, крепкий парень, отличный, как вскоре выяснилось, стрелок и охотник, унаследовавший не только страсть, но и фамильное дело, — тоже охотовед, скрытая, молчаливая гордость и радость, как показалось, отца. У обоих уверенные, рациональные движения, без лишних слов они дополняют друг друга в привычной бивачной жизни.

— Распорядок у нас таков, — говорит Михаил Павлович. — На утреннюю зорьку разьеждаемся по скрадкам затемно, до первого разлета селезней, днем маленько передохнем, а вечером — на тягу... Павел вот собирается на свой заветный глухариный ток, но это далеко, и снега в лесу — выше колена... Вы знаете, Олег Васильевич, когда-то там бывали. Годится?

Еще бы! Ток пока под вопросом, Олегу Васильевичу это тяжеловато. И не хочется на два дня расставаться с разливом, до закрытия охоты не так уж много времени. Легко и радостно вживаемся мы в установившийся лесной быт.

Охота — не только сам выстрел. Знакомство с округой, выбор места, устройство шалаша — все это тоже охота, занятие не менее увлекательное. Надо подготовить предстоящую зорьку. Павел повез Олега Васильевича показать пригтовленный для него скрадок. Если понравится — завтра ему придется добираться туда впотьмах одному. А я отправился в другую сторону — познакомиться с поймой, присмотреть местечко для охоты с подсадной. Какое это удовольствие — отгребаясь кормовым веселкой, тихо плыть по разливой, насыщенной его простором, красивой залитых полой водой, отразившихся в ней деревьев, высоким небом

с неровным клином крикливых гусей... Ради одного этого стоило вырваться из надоевшего за долгую зиму города.

Место выбрано. Я представил себя селезнем, оценил его глазом, насколько привлекателен сверху облюбованный мною заливчик с обольстительницей-крикухой, — и укрепился в своем выборе. Всякое обустройство, создание хоть какого-то уюта всегда в радости. С таким чувством я и ладил свой шалашик, то и дело залезая в него и примеряясь, удобно ли в нем, хорошо ли просматривается плесико, намеченное как «посадожная площадка» для соблазненных уажеров-селезней. Загадал удачу — и повернул к стану, запоминая дорогу, чтобы найти ее в темноте.

Вечером, как договорились, — тяга. Неудачно стрелял по двум — последний протянул уже в темноте, когда в осиннике смутно обозначилась фигура Михаила Павловича, пообещавшего на пути к избушке «снять» меня с «номера». Не сдержавшись, отдулетил и по этому.

— Ну, как? Взяти? — подошел Михаил Павлович.

— В белый свет, как в копеечку. Отвык, видно...

— Промазали? Все же лучше, чем сбить да не найти. Значит, дальше поведет, если первый блин комом... Поидемте, Олег Васильевич с Павлом уже ушли.

Совсем стемнело. Раскисшая дорога угадывалась по окрайкам снега, уцелевшего в ельнике.

— Да, лучше уж промазать, чем потерять, — раздумчиво повторил Михаил Павлович, занятый, вероятно, какими-то своими мыслями. — Был тут Формозов Александр Николаевич, пошли с ним на тягу... (Формозов? Я с детских лет знаю это имя, в восьмилетнем возрасте мне подарили его «Спутник слепопыта», изданный «Детгизом», ставший моей настольной книгой. Очень люблю я и превосходные его иллюстрации в книге, сделанные пером.)

Так вот, — продолжал Михаил Павлович. — Слышу, стреляет, топчется в березках, ищет. «Подбили?» — кричу. «Бит чисто, — отвечает, — падал тряпкой, и — нет... Куда делся?» Подошел и я с фонариком, искали, искали — нет. Утром взяла Дальку, пришла с собакой — нету... Вижу, расстроено он смертельно, неудобно ему, наверное, как бы не заподозрили, что выдуман этот вальдшнеп. Так и уехал. Мне бы догадаться, подкинуть своего, чтобы не переживал. Ну, думаю, буду в Москве, позвоню ему, скажу, что потом нашел. Бывает, знаете, что при падении где-нибудь в ветках зависнет. Ищешь на земле, а он наверху застрял... Позвонить не удалось — не стало вскоре Александра Николаевича...

Еще вчера была Москва — а такой далекой и давней кажется! Столько впечатлений за сутки с небольшим... Из всех забот осталась одна: не проспай бы завтра. А точнее — уже сегодня: как

ни старались пораньше лечь, все равно после обсуждения тяги и чаепития угомонились за полночь.

Пойма спит. Спят гуси на сухих недоступных гривках, с домовитым каганьем протянувшие поздно вечером над лесом. Спит лес, застыла вода, отразившая звезды, спит недвижный воздух. И все-таки не покидает ощущение, что десятки глаз и ушей следят из темноты, как я, тихо полпелески в веселом, направляю к своей заводинке. Оставив в стороне плоскодонку, бреду осторожно, не поднимая брызг, к начавшему светлеть плесику, высаживаю крикуху, забираюсь в кромешную тьму скрадка, выкладывая на ощупь, чтобы был под рукой, патронаш. Я готов, дело за тобой, Катя. (Все подсадные — Кати, они сами выговаривают свое имя.) Утка испугалась после путешествия в корзинке-садке, перетряхнула перышки, прислушалась. Тишина — то какая! Только играет в предрассветном поднебесье баранчик-бекас, да где-то на разливе взголосила гнусаво чирушка. Как-то будет работать моя помощница, которую определил мне Михаил Павлович? Крикуха бормотнула, будто пробую голос, и во всеуслышание объявила округе:

— Ка-атя, вот она я, Ка-атя, здесь, на заводинке...

Ну, молодец, умница! Твое зазывное кряканье как самая сладкая музыка!

Рассвело, первый луч солнца засветил свечи елей, глянцево заблестели под ним стволы берез. И тут послышалось силпое, пропитое жвяканье гуляки, которого мы с Катей ждали. Селезень просвистел крыльями над скрадком, легко плеснул где-то за кочками и стал звать к себе. Утка было направилась туда, но шнурок не пустил ее, она подрыгала лапкой в плотной ногавке и привычно смирилась. Что ж, хочешь не хочешь, надо идти самому...

Он появился из-за кочек, и видно стало, как от гребков его лапок перед грудью поднимается легкий бурунчик, как мокро блещет на солнце его кирпично-красная грудь, отделенная белым шейником от ярко-зеленого плюша головы. Заметив его, Катя выдала такую «осадку», что гость не выдержал, подлетел и тут же плюхнулся, выставив моркового цвета лапы...

Вскоре после меня на стан вернулся и Олег Васильевич. Силуэт легкого челна с приподнятым носом и сидящим на корме седобородым охотником оживил с детства знакомую, ставшую классической, картину разлива с остроносой лодкой и бородастым гребцом — только вместо зайцев светлели на переднем сиденье брюшками битые селезни...

Мы обедаем не за «артельным» столом под навесом — нам хватает малого стола у южной стены, обращенной к разливу. Приятно пригревает полуденное солнышко, лучится и сверкает под ним бескрайнее половодье. Перед неотропливым, с рассказами и разговорами обедом Михаил Павлович предлагает, для полного «благоприятствования

души», по стопочке. Это дает повод Олегу Васильевичу, который не признает ничего, кроме белого виноградного, добродушно поязвить:

— Ишь, как вы это зелье ласково обзываете: «во-одочка...»

У нас есть сосед. В полукилометре на берегу разлива по вечерам меж сосен проглядывает костерок: там в полевом вагончике живет знакомый Михаила Павловича. Нас не наведывает: ему, вероятно, нравится быть одному, отдохнуть от города. Это понятно, и нам не хочется ему мешать.

Вечером на тяге мы разошлись, расставились по опушкам перелесков, замыкавших наклонное поле изумрудной озими, похожее на театральную сцену, обрамленную, будто кулисами декораций, рядками мелочей. Спустился время в дальнем углу поля — «сцены» появился человек, наш сосед. Он тихо проследовал краем и растворился в деревьях. Вальдшнеп не тянул. Стало быстро и сильно холодать. В небе происходили какие-то изменения: там шумно работал ветер, рвал и уносил аспидно-серые клочья облаков, его порывы стали достигать земли, ерошить и крутить подсохшую прошлогоднюю листву.

И тут на поле появилось еще одно действующее лицо: хорошо заметный на яркой зелени озимых ковылял невылинявший, белый, как ком снега, заяц. Забавно было наблюдать, как белячок, не подозревавший близости людей, спокойно занимался своими делами: пасся, привставал на задних лапах и снова шел вверх по отлогому косогору, смеши вскидывая зад. Он направлялся в тот угол, где исчез человек. Раздался выстрел, и белячок пропал из виду. Стало ясно, что, если бы и тянули вальдшнепы, оставаться было ни к чему. Не сговариваясь, мы с разных сторон потянулись к дороге. Говорить о том, что произошло на поле, не хотелось.

Мы с Михаилом Павловичем приотстали и шли по разным обочинам дороги. Однажды, когда он, возвратясь с зорьки, умывался, я увидел на его руке рубцы шрамов. Ранение?

— Было дело, — ответил он уклончиво. Замолчал, но, почувствовав, что я, затаив паузу, жду продолжения, отрывисто и кратко стал говорить: — Несмотря на призывный возраст — мне было двадцать два, на сложную фронттовую обстановку, мне дали закончить институт (он эвакуировался в Самарканд) и направили в Ташкент, в пулеметное училище, а оттуда — на передовую...

Младший лейтенант, получивший под свое командование пулеметный взвод, попал в самые жаркие бои лета сорок третьего года. В одной из отбитых деревень он лицом к лицу столкнулся с немцем. Встреча была неожиданной для обоих. Жизнь решали доли секунды: кто раньше? Реакция охотника вырнула: Михаил Павлович выстрелил, не целясь, — немец упал, корчась в агонии... А вскоре он сам получил сразу

три ранения — в руку, в грудь и в ногу, его прошла очередь. Долгое лечение, угроза ампутации ноги, на которой настаивали врачи, костыли и, наконец, возвращение к любимому делу... Через три года после окончания войны он уже кандидат наук. Охотовед не только по диплому, по образованию, а по призванию, Михаил Павлович и здесь, на любительской охоте, прежде всего ученый.

— Запрет весенней охоты, о котором поговаривают дилетанты, — это глупость, биологическое невежество, — сказал он как-то, когда я затронул эту тему. — Весенняя охота — это изъятие излишнего количества самцов-полигамов, не участвующих в воспитании потомства. И не только не участвующих, но зачастую приносящих вред будущему потомству. Сейчас утки в основном уже оплодотворены, садятся парить кладку. Вы никогда не видели, как утка сходит с гнезда, чтобы покормиться и попить? И вряд ли увидите, потому что она соскальзывает с него, как мышка, убедившись, что за ней никто не следит. А когда ее обнаружит селезень, еще не утративший любовного пыла, с шумом гонит с гнезда, чтобы удовлетворить свою страсть, вся округа наблюдает этот переполох, и в первую очередь — вороны. Кладка, обнаруженная вороной, обречена. А повторно загнестись удается далеко не каждой пострадавшей утке...

Мне, технарю-инженеру, необыкновенно интересны такие суждения. Особенно услышанные не в казенной лекционной аудитории, а вот так, в живой «лаборатории» самой природы. Такое врезается надолго. Ведь охота — это всегда познание, без которого она подобна стрельбе по тарелочкам. Отличие лишь в том, что мишень — живая... До сих пор помню, как мой наставник по охоте с гончими, Коля, Николай Аркадьевич, потерявший на фронте левую руку, став после войны заочником лесохозяйственного института, по дороге с охоты домой рассказывал мне, школьнику, как образуются морозобины, что такое корневая губка и суховершинность, как проводятся опыты по скрещиванию сосны и кедра. Отломив на сохлой сосне кусок отставшей коры, сдунув с нее буровую муку, он показывал в лабиринте ходов, проделанных короедом, личиночные и маточные ходы, гнездовую камеру...

Вернувшись с неудачной тяги, попили чайку. Поздний час, но Михаил Павлович отправился к вагончику, ему не давало покоя увиденное на озимом поле. Неизвестно, как и о чем говорил он с соседом, но кoster по вечерам больше не появлялся.

Ночью ударил мороз. Потому-то, наверное, и не было тяги. В челнах замерзла набежавшая вода, схватило льдом речку Роговку, впадающую в разлив Чепцы возле избушки. Большая вода осталась живой, но на заводинке у скрадка, чтобы высадить утку, пришлось разбивать прозрачный, как стекло, ледок.

Пойма молчала. Как все-таки все взаимосвязано в природе, как все мы зависим от погоды...

Подолгу молчала и Катя. Изредка роняя свое утиное сопрано, слушала эхо в оцепенелом лесу и снова нехотя подавала голос, будто вопрошала, есть ли кто-то живой на примолкшем разливе.

И все-таки он прилетел, желанный гость. Сделал пару кругов над замерзшим заливчиком, высмотрел, сбочив голову, Катю в ее полынью, но сел далеко, на чистой воде за кромкой льда. То ли лед помешал или попался «грамотей», получивший горький урок ухаживания за подсадными утками. Он долго пререкался с Катей, кто должен первым подойти, а у меня уже давно застыли в резине ноги. Эх, зря я не ударил его влет, он так низко проходил над скрадом! Решил выглянуть, чтобы достать его дробью покрупнее, но он оказался дальше, чем я рассчитывал, и мой выстрел, широко раскатившийся по лесу, лишь послужил сигналом к окончанию зорьки.

— Пошел бы я с вами, да что-то тяжеловато стало, боюсь вас связать...

— «Что-то», — улыбнулся Михаил Павлович. — «А кой тебе годик?» — и Седьмой миновал...» Мы, Олег Васильевич, лучше с вами по выводам с собачками в августе сходим. Как у вас Рекс-то, в силе?

— Рекс засиделся... Если бы «седьмой», — в тон шутке ответил Олег Васильевич. — Девятый располовинил, беда!

Из солидарности с Олегом Васильевичем я тоже остался. В этот вечер хорошо пели дрозды. Как из раскрытой русской печи, откуда-то стало растекаться тепло — настоящее, прочное, парное, от которого начинают урчать лягушки, заполняя студнистой икрой мелкие колдобины, лезут из прогретой воды ножи камыша, наливаются на глазах почки черемухи и бузины. Размягченные дружной, веселой тягой, удачными выстрелами, не сразу легли спать, поговорили в темноте. У нас в моем детстве почти два года жил при-

лович. — Может повлиять даже состав почв: не будет хватать каких-то микроэлементов в растительности, и популяция переселенцев начнет хиреть, сойдет на нет... Вон, была авантюрная попытка акклиматизировать глухаря в борах Черногоземья — мало того что там другие ягодники, нет ни клюквы, ни брусники, надо убедиться, что состав насекомых подойдет, ведь птенцы-пуховики сначала питаются не ягодой, ни, тем более, хвоей, а насекомыми...

Не только горе — сближает людей и общая радость. Я лежал в плотной темноте натопленной избушки, думал о необыкновенных, так непохожих одна на другую судьбах Олега Васильевича и Михаила Павловича, соединившихся здесь, на разливе, в общей радости весенней охоты. В общей, но и своей, особенной, потому что в ней сказывается прожитое...

Не обязательно побывать на войне, чтобы представить, что пальба из дальнобойных орудий, посылающих кому-то далеко смерть, вовсе не то, что выстрел в человека, у которого видишь его лицо, выражение глаз. Не подготовленный к такому действию ни жизненным укладом, ни душевными помыслами, Михаил Павлович был вынужден выстрелить в человека, с которым при иных обстоятельствах мог бы, не испытывая к нему никакой личной неприязни, мирно беседовать о том, чем и как различается быт их стран, их язык, обычаи... То, что он опередил с выстрелом, было актом справедливости, потому что не он, молодой охотвед, ставший взводным, а немец, зараженный сатанинским духом своего фюрера, пришел в его страну с оружием как убийца. Но, как бы то ни было, все равно вся дальнейшая жизнь Михаила Павловича, которую он, прошедший человечьей бойню, посвятил обогащению природы и умножению числа прекрасных диких животных, проходила под знаком пережитого, под знаком черного зрачка нацеленного ствола и перенесенных страданий от ран.

С проявлением такой же сатанинской воли правителей, подвластные которой люди, забыв о Божьем предназначении человека, мучили и убивали своих же, ни в чем не повинных соотечественников, столкнулся и Олег Васильевич. Широко образованный, в совершенстве знавший три основных европейских языка, он вместо того, чтобы отдаться творческому труду и сделать полезное Отечеству, был принужден всю свою волю в течение двадцати восьми лет направлять на то, чтобы выдержать противостояние насилию, выжить и свидетельствовать от имени тех, кто превратился в «лагерную пыль», невиданный произвол власти. Он выдержал и совершил свой подвиг жизни, в восьмидесятилетнем возрасте написав потрясающей силы роман, ставший известным всему миру.

Здесь, на охоте, весеннем празднике жизни, оба они избегали говорить о своем прошлом, но оно стояло рядом,

Олег Васильевич Волков (справа) и Михаил Павлович Павлов обсуждают маршрут предстоящей охоты

Фото В. Держина

Дома еще никого не было. Поколот, чтобы согреться, дрова, распалил костер, повесил чайник. Вскоре подгрести остальные, продрогшие, но более удачливые, оживленные, — у каждого, хоть и не много, что-то было.

В полдень Павел стал собираться на свой дальний ток.

— Холодно, — заметил Олег Васильевич. — Петь-то будут?

— Будут, куда они денутся, — бодро заверил Павел. — В мороз, по насту, даже лучше: идешь, как по полу! А мороз — он не надолго: комарики мак толкут, идет тепло. Вот увидите!

рученный волчонок, и я с пристрастием прочитал недавно монографию Михаила Павловича «Волк», такую обстоятельную, написать которую мог только специалист-биолог и опытный охотник-волчатник, но я почти ничего не знал о его многолетней работе по акклиматизации диких промысловых животных: нутрии, ондатры, енотовидной собаки...

— Расселение животных в новые для них места — дело очень непростое, можно потерпеть неудачу по самой неожиданной причине, — лежа на нарах, вполголоса говорил Михаил Пав-

его незримое присутствие придавало нашему лесному житью особенно глубокой, философской, трогательной смыслом, и хотелось сделать что-то такое, чтобы наш быт стал еще более предупредительным, ласковым и безоблачным.

Каждый год, наверное, выпадают дни, когда солнце, как подгулявший, под хмельком ямщик, вдруг спохватится, гикнет лихо, хлопнет кнутом, щедро обольет землю непривычно жарким теплом, и весна, в нерешительности топтавшаяся на месте, пускается вскачь, стремительно летит врпипляс над землей, торопливо сгоняя остатки снега, вспарывая почки деревьев, зажигая на бегу глаза первых цветочков-подснежников. Пришел и к нам такой денек. Пока я сидел в скрадке, был занят незадачливыми женихами Кати, все округ чудесно изменилось. Пойма, еще вчера казавшаяся застыло-молчаливой, оживала на глазах: небо наполнилось дребезжанием бойких бекасов, в залитом лесу наперебой барабанили дятлы, где-то томно ворковал голубь-витязень, волнами накатывалось, мешаясь с урчаньем лягушек, бульканье тетеревов. От движения лодки источившийся ледок в тени берегов отламывался с легким звоном, растворялся в воде. Как булжыжник, булжынулся засидевшийся на сваленной осине бобр. С отпотевших, подмороженных ветвей полетели капли — лес сверкал капелью, вспыхивавшей в потоках солнца. Далеко видные в голом лесу, вылетели бабочки-лимонницы и крапивицы, а высоко в небе, позванивая крыльями, пересвистываясь, разноголосно перекликаясь, шли одна за другой стаи северных нырков.

Удачливой была и зорька. Зарко работала, захлебистыми осадками зазывала ухажеров Катя, охотно отзывались селезни, особенно чирки, — потеряв опаску, одурев от страсти и невзирая на то, что утка другой породы, они без облета плюхались на глесико.

Олег Васильевич и Михаил Павлович уже вернулись, хозяйничали у костра, чистили ружья. Усталый и счастливый, вскоре пришел и Павел, повесил рядом с нашей разномастной добычей свой царственный трофей — тяжелого, с бронзово-зеленой грудью, краснобрювого петуха.

Становилось жарко. Округа оглушала ликованием птиц. В мощном полифоническом оркестре весны Михаил Павлович, как опытный дирижер, улавливал отдельные голоса-инструменты, называл их, будто переводил с мало знакомого нам языка:

— Это кулик-черныш... Слышите, как звонко выговаривает? Это фифи... Улит, большой улит... Пеночка-весничка...

Просторная пойма с ее омутами, рыбами, бобрами и птицами, лес, небо с легкими облачками, наша поляна в окружении сосен — все предстало одним сложным существом, вздрогнувшим и начавшим набирать скорость в своем стремлении к теплу, к свету, —

Весна Воды стала перерастать в Зеленую Весну.

— Как они рады! — улыбнулся Олег Васильевич, глядя на гонящихся впуск собак. — Вот что значит хорошая погода.

— Все мы зависим от погоды, все под одним солнцем живем, — рассудительно заметил Михаил Павлович. — Солнцепоклонники...

Какое же это в самом деле счастье: жить в коренной, срединной России с ее четырьмя временами года, отзываться душой смене времен, радоваться первой пороше, входить на лыжах в заснеженный лес, встречать весну с ее половодьем, любоваться пышным разноотравьем июльских лугов, полниться светлой грустью в печально притихших лесах, роняющих «багрный свой убор»!

— Никан не угадает наше охотничье начальство с открытием весеннего сезона: весна была поздняя, самая пора охоты только наступила, — посетовал Михаил Павлович, — утка загнездилась, селезень по-сумасшедшему медлит, а десятого уже закрытие... Впрочем, девятого я все равно буду в городе, Праздник Победы надо встречать с людьми.

Мне вспомнился самый первый День Победы, когда я был еще подростком, всеобщее ликование, роднившее незнакомых людей, слезы радости и горя, вспомнил, как проходят встречи увешанных фронтовыми наградами ветеранов в московском Парке Культуры, у Большого театра, — этот Праздник, завоеванный ценой невероятных усилий и потерь всего народа, надо, конечно же, встречать с людьми, чтобы чувствовать себя причастным к судьбе великого народа, способного противостоять сатанинской мерзости.

Михаил Павлович Павлов со своими помощниками — дратваром и Катькой — подсадной уткой

Фото О. Гусева

Уважаемая редакция! Никогда раньше не писал в газеты и журналы и не жаловался, но то, что произошло 11 октября 1998 г. в лесах Бейского района Хакасской Республики, вынудило меня сесть за письмо.

В этот день я выехал в лес на мотоцикле к одному из наших работников. При мне не было ничего, связывающего меня с охотой. Через 35 километров, перекрыв мне дорогу, остановился УАЗ «Нива» с государственным номером 7566 КЭЧ. Из машины вышли четыре человека. Один из них был в форме госохотинспекции без нагрудного знака. С криком «Кто ты такой?» двое накинулись на меня. Ответная моя реакция была естественно: «А вы кто такие?» В ответ мне сказали, что я пьян, бомж и бич. В конце концов мужчина в форме показал свое удостоверение начальника оперативной службы Адыбаша В. И. А далее все произошло как в боевике. Мне ставят подсеку, и я падаю. Прижав меня к земле, стали обыскивать, я стал сопротивляться. В результате моя рука была разбита в кровь. Потом стали угрожать, что увезут меня в город. На это я дал согласие.

Вывернув все мои карманы и ничего не найдя, записали с моих слов, где работаю (Саяногорский лесхоз, инженер охраны и защиты леса, 12 лет). Еще немного покуражась, заявили, что в понедельник меня уволят. За какие провинности, я так и не понял. Потом сели в машину и уехали. Я же остался в недоумении: что это такое было?

Если это государственный инспектор, то его поведение и метод работы просто дискредитируют работников не только республиканской охотинспекции, но и российской. Если это банда, то почему с ней находится государственный человек, причем во главе? Я прекрасно понимаю, что в случае разбирательства мне веры не будет, поскольку у меня никаких свидетелей, а их четверо.

Сам я работаю государственным инспектором уже долгое время, видел разных государственных инспекторов, но подобного хамства и цинизма ни разу не встречал даже со стороны нарушителей. Никаким работникам государственной службы не дозволено унижать человеческое достоинство. Поэтому считаю, что таким работникам, как Адыбаш В. И., не место в органах государственной инспекции.

В. АЛЕКСАНДРОВ
Саяногорск, Хакасия

Уважаемая редакция! Обращается к вам охотник, пенсионер с 35-летним стажем охоты. Без малого десять лет я работал егерем Бабулинского охотничьего хозяйства.

В ЗАЩИТУ ПРАВ И СВОБОД ОХОТНИКА

В начале октября 1998 г. я поставил на волка три петли. Егерь Управления охотничьего хозяйства мои петли снял и составил на меня протокол о нарушении правил охоты, п. 21,б. Привожу дословно этот пункт правил охоты по Волгоградской области: запрещено использование сетей, вентерей, петель при любительской и спортивной охоте на медведя и диких копытных животных (кроме кабарги). Волк здесь вообще не упоминается.

Пункт 73 настоящих правил разрешает должностным лицам уничтожение волков, серой вороны, бродячих собак и кошек всеми способами, в том числе и петлями.

Я считаю, что как пенсионер могу пользоваться определенными льготами, а вместо этого меня лишили охоты сроком на три года (Постановление № 28 от 2 ноября 1998 г.). Я с этим не согласен, но оспаривать это решение в суде не стал. Мне ездить по судам возраст не позволяет.

В 1997 г. охотник Быстреков поймал волка при помощи петли, а Казунин взял таким образом двух волков, тогда его наградили спортивной лицензией на лося. В ноябре этого года охотник Лобов также отловил петлей волка, об этом знают и егерь и охотовед района.

Почему же меня наказали за петли? Они были поставлены на краю болота, где охотники с собаками не ходят, тем более там не пасут скот.

Возможно, дело в том, что несколько лет назад я вскрыл незаконный отстрел медведя егерем Казуниным на территории Бабушкинского охотничьего хозяйства. Наказания серьезного он тогда не получил, своих не очень-то наказывают, зато к моей персоне отнеслись «внимательно». Через несколько лет взвырало самолобу!

Н. ЛОВЫЧИН
Вологодская обл.

Здравствуйте, уважаемая редакция! Я, Синдеев Павел Михайлович, инвалид ВОВ 2-й группы, проживаю в Удмуртии. Решил обратиться к вам в редакцию. Дело в том, что у нас налоговая инспекция решила отменить льготы на получение путевок и право охоты ветеранам и инвалидам войны. Нам заявили, что хватит, мол, жить на льготах, нынче это слишком большая роскошь. Тем самым игнорируется постановление Центрального Совета и Съезда Росохотрыболовсоюза.

Я охотник с 1949 года, много было сделано по охране и восстановлению охотничьей фауны. Сам я работал общественным охотинспектором, пользовался большим уважением сре-

ди охотников и коллектива правления. Сейчас, когда здоровье мое пошатнулось, от меня, конечно, мало пользы. Сейчас у меня просто нет возможности платить членские взносы для сохранения звания охотника, за путевки, чтобы хоть иногда просто подышать свежим таежным воздухом, вспомнить ушедшие молодые годы, помечтать о трофеях.

Чем же так не угодили инвалиды и ветераны Великой Отечественной нынешним удмуртским демократам? Выходит, Советская власть дала нам льготы, а демократическая только отнять и норовит — все до последнего?

До слез обидно, как издеваются над нами — стариками, жалобы никто не принимает, да и жаловаться некому.

П. СИНДЕЕВ
г. Сарапул, Удмуртия

Здравствуйте, уважаемая редакция! Хочу, чтобы вы обязательно напечатали эту мою заметку.

В феврале 1977 года собрались мы на личном транспорте поехать поохотиться на север Тюменской области. Взяли с собой все необходимые спальники, лыжи, удочки, ружья и т. п. Приехали в пос. Леуши Октябрьского района. Путевок на боровую не достали, решили порыбачить. Остановились вечером у знакомого. А около 23 часов наша машина была ограблена, похищены многие вещи, в том числе мое ружье ИЖ-94 «Тайга». Я в панике, перестал спать ночами. Подал заявление в милицию, ни на что, правда, не надеясь.

Но, к моему удивлению, милиция задержала группу воров. Мое оружие мне вернули. 23 сентября 1997 года состоялся суд, перед которым предстали трое. Перекупщик пошел как свидетель (не странно ли?!). Моих свидетелей на суд не пригласили. Судья Куприянова назначила ворами наказание по 2—3 года условно! Между тем в Уголовном кодексе РФ от 1 января 1997 г. в статье 222, ч. 2, про «условно» ничего не говорится. Получается, что можно красть нарезное оружие и ничего за это не будет? Если, конечно, его не применишь. А если бы из моего ружья кого-нибудь убили? Мне бы быстренько пришили статью 224 — небрежное хранение. Хотя это были полевые условия.

И, что интересно, в отношении похищенных личных вещей — судья заявила, что они для меня не имеют материальной ценности, а значит, и моральный ущерб мне не причинен. Ружье же пригодно для использования.

Как же так? А мои бессонные ночи, измученные нервы, возня с судом — это что, не моральный ущерб? Я уже не

говорю о том, что ложа и цевье были все исцарапаны. Ведь я это ружье только-только купил, в долги залез... Почему наш «гуманный суд» не берет это во внимание?

Все написанное могу подтвердить документами.

ФОМИН
пос. Октябрьский Тюменской обл.

Фото А. Севастьянова

НА ЛИСТВЯНКАХ

ЗАГОТОВИТЕЛИ

«ГУСИ У НАС ЛЕТЯТ В МАЕ»

Уважаемая редакция! Подписываюсь на наш журнал я с 1960 года. Более 20 лет отработал охотником и промысловиком в системе Главохоты.

В нашем охотничьем хозяйстве все перемены оказались только к худшему. Ну, например, если раньше промысловиков в угоду я нас доставляли вертолетами и самолетами и к Новому году они уже прилетали домой, то нынче они находятся в тайге безвыездно всю зиму, а то и дольше — от воды до воды. Кто сумел приобрести трактор или вездеход, а кто уходит в тайгу пешком за сотни верст.

Среднеканское отделение ГПХ «Юбилейный» Магаданского охотуправления, созданное в 1967 году и до 1992 года успешно существовавшее, постепенно погибло экономически. В этом предприятии я отработал 20 лет. В настоящий момент штатные охотники уволены и, разобрав свои охотугоды и имущественные паи, стали арендаторами, или, как говорят, «предпринимателями без права образования юридического лица». Все долгие зимние месяцы тяжелой и опасной работы эти люди предоставлены самим себе и Богу. С ними нет регулярной радиосвязи, никто не отвечает за технику безопасности, за их жизнь и здоровье. Если из леса приходит радиogramма с просьбой вывезти больного, то у местной власти даже в этих случаях не всегда находятся средства на оплату полетов санавиации.

Особенно все это тяжело на фоне того, что заготовками никто уже не занимается. Госпромхоз остался существовать только на бумаге. В прошлом году вышли Правила охоты на территории Магаданской области, где написано, что охотник является собственником добытой продукции и вправе самостоятельно ею распоряжаться. Но это не дало промысловикам никакой выгоды. Я и многие другие охотники считаем, что это ошибочное решение. Государство лишилось валюты, а добычки пушнины от такой воли только обнищали.

Появление многочисленных скупщиков сбilo цены. Как писала «Охота и охотничье хозяйство», право вывоза за рубеж заимели несколько фирм. Их непрофессиональная деятельность также снизила цены на мировом рынке. Прикиньте сами, если за последние несколько лет цены в Магаданской области на все и вся возросли в 10—20 раз, то на шкурки калымского соболя только в 2—3 раза. Белку, горностая никто не берет. Мясо копытных и рыба реализуются, но вывезти их из тайги очень трудно и дорого.

Я считаю, что необходимо вернуться к монополии государства на заготовки пушно-мехового сырья. Будет меньше посредников, меньше обмана, охотники больше заработают, а государство получит валюту. Госпромхозы можно не возрождать, они все равно не выживут, лучше создать сеть пушфакторий, как это было раньше, до госпромхозов, в задачу которых входил бы только сбор пушно-мехового сырья. Хорошо при этом организовать встречную продажу боеприпасов, капканов, горючего, снегоходов, лодочных моторов, запчастей в счет сданной пушнины.

Для этого понадобятся деньги. Но, только так, я думаю, может вновь заработать когда-то хорошо отлаженный механизм.

Р. ТАГИРОВ
пос. Сеймчан
Магаданской обл.

Уважаемая редакция! Охотиться я начал с 12 лет (во время войны). А бросил два года назад: зрение ослабло, боюсь вместо зайца чью-нибудь корову подстрелить.

С 1948 года пишу стихи, в профессионалы, правда, не вышел, но продолжаю сочинять помаленьку. А недавно попробовал себя в жанре частушек. Есть и про охоту.

*Для охоты взял Кузьмич
Кобеля за тыщу.
Сам теперь не ищет дичь...
Кобеля все ищет.*

*Не напрасно наш Федот
Бродит вдоль поселка:
Если зайца не найдет,
Шваркнет в поросенка.*

*Вася зайчика тропил,
Бах! — и все готово.
А потом неделю пил —
Поминал косога.*

*На косога Алексий
Выходил в субботу.
Только кто из них косяй,
Не понять с налету.*

АН. КАЛЕНТЬЕВ
пос. Новоселово
Красноярский кр.

Здравствуйте, уважаемая редакция! Мне 14 лет. Отец берет меня на охоту с шести. И более 20 лет он выписывает журнал «Охота и охотничье хозяйство».

Мне очень нравится весенняя охота на гусей. Каждый год жду ее с нетерпением и тщательно к ней готовлюсь. Гуси у нас летят в мае месяце — иногда с 15 мая, иногда с 20-го. В 9 лет я добыл своего первого гуся. Посылаю вам фотографию с надеждой на ее публикацию.

Желаю добра и успехов любимому изданию.

А. ПАВЛЕНКО
Ямало-Ненецкий а. о.

Уважаемая редакция! В журнале № 11-98 г. было напечатано мое письмо и фотография с сигнальными охотничьими рогами, а также предложение помощи в приобретении моих изделий. Не имея опыта в таких делах, я попал впросак. Рассчитывал, что придут из ближних областей и все. Приехали, все раскупили, а дальше пошли письма с заявками.

Теперь прошу вашей помощи, уважаемая редакция! Напечатайте следующее мое письмо, а не то дитя, порожденное мною, меня же и придавит.

Дорогие друзья! Многие прислали мне заявки на охотничьи рога. Представьте себе, за 12 дней пришло 70 заявок, из них только 16 с конвертами на обратный адрес. Где мне взять денег, чтобы всем ответить? Уже семь месяцев нам не платят зарплату. Все, что прислал с конвертами, получают заказы, остальные — позже.

Теперь постараюсь ответить на самые распространенные ваши вопросы. Из чего я делаю рога? Латунь, медь. Далеко ли слышен рог? К охотничьему рогу требование старинное — две версты (3 км), но наш егерь,

живущий в 6 км от поселка, может определить мой выход на охоту с точностью до минуты. Некоторые слышат его за 8—9 км — это зависит от погоды, крепкости губ и силы легких. Некоторые спрашивают о технологии изготовления рогов. Об этом надо писать брошюру.

О цене. Многие, назначая цену, ориентируются на курс доллара. Я ориентируюсь на курс цены на банку пороха «Сокол». Стоимость рога № 1, 2, 3 — две банки «Сокола», мне как раз на сезон. Банка пороха у нас сегодня стоит 95—97 рублей. Итого получается около 200 рублей. Дорого? Для сравнения, железное ведро в нашем магазине стоит 50—60 рублей. Я ведро могу сделать за одну смену и продать его за 40 рублей. Чтобы сделать рог, мне потребуется восемь мес.

А вот рог № 4 ниже 400 рублей не отдам, очень уж он трудоемок.

Часто встречаются вопросы о качестве изготовления. Рога пропарны латуной, пояска для колец — тоже. Декоративные витые кольца — иногда оловянным припоем. В Витебской области в июле сгорел сарай. Сгорело все, что там было, и лишь приобретенный у меня рог слегка покоробило в растрбуе, да отпаялся мундштук. Хозяин привозил мне его поправить.

Тех, кто еще не прислал мне свои заказы, прошу не спешить и обратиться через годик. Тех, кто, узнав цену, передумал, прошу письменно снять заказ. Или же подтвердить, указав номер рога.

Уважаемая редакция! Будьте добры, опубликуйте письмо побыстрее, люди ведь надеются, ждут...

В. СЕРГЕЕВ
Смоленская обл.

Почему-то я не встречал в охотничьей литературе сведений об охоте по глухарю на листовниках, или, как говорят на Урале, «на листовниках». Может быть, потому, что листовница растет не везде, а может, эта охота не применяется в других местах. Хотя листовница в России — самое распространенное дерево, растет она больше в северных и восточных районах, а в средней полосе России ее нет.

Сама по себе эта охота довольно непродолжительна: две-три недели в середине сентября. Но я не знаю ни одного здешнего охотника, который не знал бы об этом способе охоты, и потому фраза «Глухарь вышел на листовники» действует на охотников просто магически, ничуть не меньше, чем сообщение о «выходе» глухаря на покос, дорогу или

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

галечник. И каждый, отправляясь на охоту, обязательно заглянет на ближайший листвяник, проверит, нет ли там глухарей.

Основана эта охота на особенностях глухаря «щипать» хвою лиственницы после того, как ее прихватит первыми утренними заморозками. Видимо, после этого она становится особенно вкусной.

Классически эта охота выглядит так. В местах, где водятся глухари, осматривают землю под лиственницами на предмет нахождения посорок (или, как у нас говорят, увидеть «поеть») в виде оципаных веток и глухариного помета, свидетельствующего о том, что глухарь здесь кормился или даже ночевал. Потом нужно прийти под эту лиственницу затемно, затаиться и ждать прилета глухаря. Сидеть надо тихо, так как некоторые глухари прилетают вечером и ночуют на этих лиственницах.

Мне рассказывали некоторые охотники, что, придя затемно и прождав все утро зря, они уходили, вспугивая при этом сидящих на дереве глухарей.

Лиственниц у нас довольно много, причём на зарастающих липой и осиной вырубках оставлено много старых лиственниц. Липа, осина и береза с точки зрения леспромхоза считаются сорными деревьями, в то время как хвойный лес — это деловая древесина. Поэтому меня сначала удивляли эти лиственницы, оставленные посреди вырубков, и я naïвно полагал, что это «семенники». Ситуацию мне прояснил один лесоруб. Все было на редкость просто: на сосну и лиственницу имелись одинаковые расценки для вальщиков леса. А поскольку у лиственницы более плотная древесина, то и пилить ее было невыгодно, вот лесорубы и не трогали эти деревья.

Первые на листвяник меня сводил мой друг Сергей Ребнев. Он предупредил, чтобы по дороге я не стрелял по рябчикам и тетеревам. И не зря — с вырубка, в пределах выстрела, мы вспугнули тетерева, а на ручье, в самом листвянике, видели рябчиков. Заходя с дороги в лес, Сергей велел мне идти за ним след в след, ступать осторожно (благо под ногами был мох), не хрустя ветками, и не разговаривать, а изыскавшись знаками. И не зря. Всего мы вспугнули четырех глухарей, двух из которых и взяли. По первому мы вообще не успели выстрелить, он слетел с дерева неожиданно для нас, хотя и в пределах выстрела.

По следующему стреляли вдвоем, дуплетами, но, видимо, очень горячились, потому что пропуделяли. Немного успокоившись, двинулись дальше. По-моему, третий глухарь вообще нас видел, но почему-то не улетел, и

нам удалось перебить ему крыло. Однако на земле он и не подумал сдаваться. Мы гонялись за ним по ручью, пока наконец не прижали в кустах. Только после этого удалось взять его в руки. Кстати, бегущий по земле глухарь топает, по-моему, громче охотника. Я никогда бы не подумал, что двое взрослых мужчин с таким трудом могут ловить раненого глухаря. Но, видимо, чтобы мы в этом никогда уж больше не сомневались, следующего глухаря пришлось ловить точно так же.

В угодьях, где лиственниц много, охотиться с подхода значительно сложнее, потому что никогда заранее не знаешь, с какого дерева слетит глухарь. Осматривать же все деревья в лиственничном лесу довольно утомительно. Поэтому редко стоящие лиственницы или группа лиственниц посреди других деревьев дают больше шансов на удачную охоту.

Простая и добычливая на первый взгляд охота на самом деле не всегда является таковой. По затратам энергии и времени она довольно объемна (лиственниц у нас много — попробуй найди, где кормятся глухари). Но процесс поиска, выслеживания дичи и ожидание выстрела скрашивают все невзгоды.

В. АНТРОПОВ
Свердловская обл.

Еще в 60-х годах мы с другом детства и партнером по охоте Алексеем Черныевым собрались на открытие августовской охоты на водоплавающую, взяли отпуск и на его давно не новеньком «Москвиче» поехали из г. Красноярск в восточном направлении по Сибирскому тракту к станции Заозерной. Около этой станции была система озер, обильно населенных водоплавающей дичью, где можно было от души поохотиться.

Однажды, проходя по берегу этого озера вдоль кромки леса, я вышел на живописную поляну, посреди которой стоял домик лесника. Двора домик не имел, только посадки овощей были огорожены от скота. Но ни скота, ни людей, ни собаки не было видно. Тишина стояла такая, что звенело в ушах. Чувствовалось во всем наступление осени, но солнышко грело щедро. Погода походила на «бабье лето». От тишины, от сказочного вида пристроившегося на опушке хвойного леса домика, ухоженного и явно жилого, и в то же время из-за отсутствия кого-либо мне стало чуточку жутковато.

И вдруг боковым зрением я заметил какое-то движение в огороде и инстинктивно вскинул ружье. Стал присматриваться, но ничего не было видно. Потом на

маковой гряде встал пригнутый к земле стебель без маковой головки, а по соседнему стеблю взбирался какой-то зверек, быстро-быстро перебирая лапками. Когда зверек поднялся почти до маковой головки, стебель мака стал сгибаться и зверек вместе с маковой головкой опустился на землю. Через несколько секунд стебель встал, но уже без головки. После короткой паузы зверек вновь взбирался по стеблю, и процедура повторялась. Срезав три-четыре головки, зверек исчез из поля зрения. Но куда? И тут я увидел его бегущим по верхней жерди огорода. Это был бурундучок. Шеки его раздулись от набитого мака, как у хомяка. Зверек пробежал по жерди в двух метрах, не обратив на меня никакого внимания. Бежал он в сторону леса. А навстречу ему по той же верхней жерди бежал к маковой гряде другой бурундучок. Добежал, спрыгнул на землю, забрался на маковый стебель, уронил маковую головку, отгрыз ее... Потом вторую, третью... И вот он уже бежит тем же маршрутом в лес. А навстречу ему следующие. Да их здесь целая шайка! Одновременно в разных местах я увидел сразу трех бурундуков. Один с раздутыми щеками бежал в лес, другой ронял маковую головку и отгрызал ее, а третий бежал по огороду из леса... Шла активная заготовка мака.

Я попытался спугнуть бурундуков. Они видели меня, но не реагировали, упорно и ловко занимая своим делом. Такой час зимы кормит! На гряде пятая часть маковых головок уже отсутствовала, главным образом в средней части, где головки были крупнее. И тут я обиделся на этих наглых воришек, в отсутствие хозяев разворовывающих мак и не обращающих внимания на мои крики и размахивания руками. Подняв ружье, я выстрелил. А бурундучок, не обратив внимания на

мой выстрел, уже взбирался на следующий стебель.

В азарте и от возбуждения я явно делал что-то не то и, пока не появились хозяева гряды, чтобы намылить мне шею, заторопился уносить подальше ноги от избушки и этих наркоманов.

Такой заготовки мака бурундуками ранее мне видеть не доводилось, да и в последующем тоже.

А. М. БИКТИЯРОВ
г. Н. Новгород

Уважаемая редакция! Я, Лопушков Виктор Андреевич, 1934 года рождения, член общества с 1952 года, журнал наш выписываю с 1959 года. Все номера журналов за эти годы у меня сохранены. Я очень люблю свой журнал и буду его выписывать столько, сколько буду жить. И хочу вас попросить, чтобы вы передали мою благодарность Тульскому Оружейному заводу.

В 1978 году я приобрел штучное ружье ТОЗ-34Е и вот уже двадцать лет охочусь с ним по крупному зверю и по пернатой дичи, и никогда, нигде это ружье меня не подвело. Много приходилось охотиться на волков в зимнюю стужу, ружье работало безотказно. И до сих пор оно мне верно служит.

Я пришел к заключению, что ни одно заграничное ружье нашему ТОЗ-34 и в подметки не годится. Оно по крайней мере не уступит ни по прочности, ни по качеству боя. Были у меня зарубежные ружья, через год у них появлялся шат между стволами и ствольной коробкой, а на сильном морозе ломалась боевая пружина, да и качество боя не то. Я горжусь своим тульским ружьем. Спасибо его изготовителям!

Мое ружье ТОЗ-34Е выпуска 1978 года под заводским номером 4685, на внутренней части цевья стоит фамилия «Сорокин».

В. ЛОПУШКОВ
Волгоградский р-н

Дорогие друзья!

Начинается подписка на журнал
«ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО»
на второе полугодие 1999 года

В розницу журнал не поступает,
стать обладателем журнала можно,
только подписавшись на него!
Помните: подписываясь на
«Охоту и охотничье хозяйство»,
вы служите делу укрепления
всего охотничьего хозяйства страны

Наш индекс по каталогу Роспечати 70673

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ПОЗОРНЫЙ ПРОМАХ

На открытие охоты на зайца по чернотропу отправились мы в престижное охотничье хозяйство километров за 150 от Москвы по Горьковскому шоссе. Путевки туда с великим трудом достал наш предводитель, которому в правлении сообщили, что зайца много и гончие в полном порядке. Утром, когда мы встали и вышли во двор базы, нас ждал егерь с двумя смычками гончих. Утро было отличное, и мы надеялись на успех, тем более что ночью прошел небольшой дождик и условия для работы собак были самые благоприятные. Этот день решили посвятить белякам — так посоветовал егерь. Дошли до места, и егерь отпустил гончих со створок. Они ушли в полаз, а мы цепочкой полезли по чаще, покрикивая и обшаривая подходящие для лежки зайца места. Собак мы больше не видели и не слышали, хотя несколько часов старательно трудились. Нам все стало ясно и больше выбивать из ног глухоту не хотелось. Решили перекусить и отправляться на базу.

Как только мы расположились на опушке и разложили еду, из кустов метрах в 50 от нас появились гончаки и, подняв носы, четко потянули на запаха наших припасов «Вот чутье-то какое — видите?» — гордо произнес егерь. Мы согласились, что чутье прекрасное, но не на зайцев, а на колбасу. И еще добавили несколько могучих русских слов в своем мнении о егере и его собаках. Вечером за ужином провели охотничий совет и решили побродить по окрестным полям цепочкой и попытаться поднять русаков методом самотопа. И получились! Двое взяли по русаку, один какую-то шалую лисицу, выскочившую из овражка, а мне подвернулся беляк, резво метнувшийся из куста на краю озими... Выстрел остановил его стремительный бег по зеленому полю. В общем, это был день охотничьей удачи. Но надо было двигаться к базе, складываться и ехать домой.

Я шел немного впереди — не люблю тащиться сзади, тем более на охоте. И тут сбкоу что-то мелькнуло: я повернул голову и замер... Из-за куста ржавого бурьяна выпрыгнул здоровый русак и сел, шевеля ушами. До него было метров 20. Ружье медленно, вместе с погоном, съехало с плеча... Деваться зайцу было некуда — и в следующее мгновение грянул выстрел, заверяю, вполне прицельный. Ушастый подпрыгнул, повернулся и покатил по полю, мелькая светлыми штанами... Стволы закрыли уши, а палец нажал на спусковой крючок. Русак наддал еще, мелькая в невысокой траве, и исчез. Подошли приятели — они все видели. Мы образовали густую цепь и прошли два раза — туда и обратно — по пути удиравшего русака, тщательно осматривая все подозрительные места, и ничего не нашли. Я даже хотел сбегать на базу за гончими, но потом вспомнил их, ненадасканных и необученных, и раздумал. До базы я шел позади приятелей, нарушая свой принцип, — честно, мне было жалко упущенного верного зайца и себя тоже. Так промазать — срамота! Я осмотрел ружье, покачал стволы и обнаружил небольшой люфт в горизонтальной плоскости — старая ижевка стала сдавать. Я давно мечтал приобрести новое ружье, поэтому дома трагическим голосом рассказал жене и теще, как мазал по русаку, показал люфт стволов, и в результате семейный совет выделил средства, и я в ГУМе приобрел «Зауэр» четыре кольца — ремонтный 12-го калибра. Отличное оружие, с ним охотился и радовался, а сейчас им владеет сын. Вот такие приятные последствия повлек за собой этот позорнейший промах по сидячему зайцу.

Л. ЮРАШЕВ

СИМВОЛЫ ГОДА — ЗАЯЦ, КРОЛИК И КОТ

Наступивший 1999 год — канун Двухтысячелетия — пройдет под знаком Зайца (в ряде восточных стран Кролика и Кота), который официально вступает в свои права 16 февраля, приняв эстафету от желтого Тигра.

На Востоке имеются легенды, объясняющие смысл этих символов. Вот одна из японских историй.

Однажды под Новый год Будда созвал всех животных мира. Он пообещал, что каждый, кто придет к нему выразить уважение, будет наделен подарками и его именем будет назван год. Пришли только двенадцать животных в следующем порядке: мышь, буйвол, тигр, кролик, дракон, змея, лошадь, овца, обезьяна, петух, собака и кабан. Получив во «владение» год, животное передало ему свои типичные черты. По японским поверьям, люди, рожденные в соответствующий год 12-летнего цикла, наделены и характерными чертами этого животного. В зависимости от того, в каком году родился человек, можно определить его характер, узнать слабые и сильные стороны, предвидеть будущее.

В предстоящий год Зайца «именинниками» станут люди, родившиеся в 1903...15...27...39...51...63...75, 1987 годах, и, конечно, те, кто еще родится в 1999 году.

В Монголии Заяц символизирует слабость и пугливость, однако у народов Юго-Восточной и Восточной Азии он — символ счастья и смиренности. Таким же символом в Корее и Японии служит Кролик, во Вьетнаме — Кошка.

Люди, родившиеся под знаком Зайца, счастливы, хорошие собеседники, талантливы и честолюбивы, скромны, одержимы, добродетельны, обладают прекрасным вкусом. Любят общество, и общество любит их. Они везучи. Не прочь немного посплетничать, но делают это тонко и тактично. Плохие слова говорят редко. Очень привязаны к тем, кого они любят, предпочитают друзей

НА ПРИВАЛЕ

по выбору. Они спокойны, невозмутимы, не так быстро выходят из равновесия. Особенно удачливы в деловой сфере, обладают яркой индивидуальностью и талантом. Однако меланхоличны, склонны к расстройству и слезам. Педантичны и хорошо эрудированы. Им везет в азартной игре. Они несколько консервативны, не предпринимают ничего, не взвесив все «за» и «против».

В браке хорошо уживаются с людьми, родившимися под знаком Овцы и Собаки. Не всегда удачны браки под знаком Дракона, Мыши или Петуха.

Отметим, что в год Зайца в разное время родились ученый Эйнштейн, наши поэты Василий Жуковский и Константин Симонов, английский писатель В. Скотт.

Нынче японцы, китайцы, монголы, корейцы, вьетнамцы сами относятся к установкам своих древних календарей как к старым добрым традициям предков, которые приносят веселое разнообразие в их повседневную жизнь. И неудивительно. Многие годы они пользуются... европейским, то есть осовремененным григорианским календарем. Вместе с тем традиции предков не забывают.

А. САФОНОВ

ВОТ ТАК ФИЛИН!

Однажды я сам оказался объектом охоты. Скорее почувствовал, а потом услышал приближение какой-то опасности сверху. Резко пригнул голову и снизу взглянул на чуть освещенное догорающими лучами солнца небо. Громадный филин пикировал на мою камуфляжную шапку, чем уж она ему приглянулась, не знаю. Но если бы его огромные когти впились в нее, предполагая, что это суслик или тушканчик, то часть моего скальпа, несомненно, оказалась бы его добычей. У меня давнее знакомство с этим ночным обитателем.

Когда-то на утиной охоте я отстрелял вечерку и решил на ночь не снимать подсадные резиновые чучела. Каково же было мое удивление, когда, приехав утром на лодке на свой островок, я насчитал только 7 штук вместо 20. Взять их было некому, на водоеме мы были одни с отцом, до ближайшего жилища около 10 километров: за все мое пятнадцатилетнее время охоты у нас никогда ничего не пропадало. Часа через три, постреляв, я решил проверить ближайший берег. 12 штук уток, с привязанными к ним грузилами, аккуратно сложенные в почти ровном кругу диаметром около 10 метров, ждали моего появления. Одну утку я так и не нашел: видно, думая, что она настоящая, филин утащил ее подальше в надежде плотно пообедать.

Ч. БЕЛОВ

Рисунок В. Симонова

КУХНЯ ОХОТНИКА

На всех континентах, включая Антарктиду, есть охотники и охота, а значит, и охотничья кулинария. Диапазон блюд огромен: от довольно примитивных, хотя и смачных, кусков дичины, слегка обжаренных на угольях или приготовленных в горячем песке и золе, до прихотливых, затейливых блюд европейских и восточных гастрономов. На всех континентах встречаются зайцы и дикие или одичавшие кролики — излюбленный объект охоты. Каждый народ, естественно, готовит их по-своему.

Давайте ознакомимся с чужеземным опытом, тем более что год 1999 — это год Зайца (Кролика) согласно восточному календарю.

Начнем с блюда каменного века:

Зяц, приготовленный по-новогвинейски

Надо взять целого зайца или хороший кусок, посолить, поперчить и по желанию приправить специями; мясо завернуть в листья бананов. Очаг, на котором жарят мясо, находится на земле. Надо вырыть небольшую ямку, выстлать ее листьями, на дно положить камни, раскаленные на костре, на них — мясо, обвязанное листьями. Сверху слой листьев и все засыпать землей. Блюдо будет готово часа через три. Готовое мясо подавать с орехами, посыпанными красным молотым перцем.

Мясо зайца легко заменить мясом дикого кабана. Были бы бананы!

А вот славянское блюдо с тюркским «налетом»:

Яхния из дичи (Болгария)

750 г мяса дичи (заяц, олень, косуля), 250 г белой фасоли, 4—6 стручков перца, 2 луковичи, 1 долька чеснока, жир или шпик для жаренья, мука, зеленый лук или петрушка, соль, перец.

Крупную белую фасоль замочить, чтобы она размялась, затем отварить до готовности. Стручки перца слегка разогреть в духовке, очистить от кожицы и семян, нарезать полосками. Мясо нарезать крупными кусками, обжарить на жире или с мелко нарубленными кусками шпика вместе с луком и чесноком, затем добавить немного муки, предварительно обжарив ее до коричневого цвета, добавить воду или бульон. Прибавить стручки болгарского перца, соль и молотый черный перец. Тушить мясо до готовности. Когда мясо будет совсем мягким, добавить отброшенную на дуршлаг фасоль, много зеленого лука, петрушки.

Яхния (Венгрия)

Продукты на 1 порцию: 150 г зайчатины, 20 г (неполная суповая ложка) жира (топленого сала), 50 г репчатого лука (небольшая головка), 5 г (1/2 чайной ложки) сладкого красного перца, 5 г (чайная ложка) муки, 30 г (1/2 кофейной чашки) сметаны, соль.

Извлеките зайца из маринада, вымойте. Порежьте на порции вместе с ливером (легкое, сердце, печенька). Залейте холодной водой. Вначале поджарьте лук, затем мясо. Пока мясо тушится, добавьте красный перец. После того как мясо выпустит сок, добавьте жир. Залейте мясо бульоном или водой и варите до мягкости. Размешайте сметану с мукой. Добавьте сметану в яхнию и ждите, пока мясо упарится до готовности. Подавать с макаронами или вареным рисом.

Подготовил А. Чегодаев

НА ПРИВАЛЕ

ФЛИНТ В., КРИВЕНКО В. Водоплавающие птицы Евразии	1
ДОРМИДОНТОВ Р. Репортаж с растревоженного стока	3
ДИГИЛЕВИЧ А. На глухарей	5
ГАПОНОВ В. Как выбираться из-под обвала?	6
САМОЙЛОВ В., КОРОБЕЦКИЙ И. Так из-под обвала не выбраться!	7
ДЕЖКИН В. Назойливые проблемы	10
ФЛИНТ В. Е. — 75	13
ВЕХОВ Н., ХАХИН Г. Сколько моржей на Новой Земле?	14
ВЕРЕЩАГИН Н. Неудачи в горах	16
БЛОХИН А. Где взять подсадную?	18
ФЛИНТ Т., ДОРМИДОНТОВ Р. Любимая собака? Сеттер-гордон (Интервью)	21
СЕВАСТЬЯНОВ А. Глаша	24
КОПЕЙКО Е. Ружья и патроны Голланд-Голланд	26
АЗАРОВ А. Повышение живучести ИЖ-27	28
БЛЮМ М. Помповый карабин «Сафари»	28
ЛУКИНСКИЙ Е. Моя пуля	29
АЛЕХИН И. «О том, что нравится всем...»	30
НАБОКОВ В. Стихи	34
ЧЕРНЫШЕВ В. Пойма	36
В защиту прав и свобод охотника	42
Письма читателей	44
На привале	46
Шишкин В. Чистики	48

Во втором номере нашего журнала за 1999 год прошла досадная опечатка. На странице 13 в статье «На волка загном» В. Галишникована дана ошибочная навеска пороха «Сокол» под картечь. Под картечь следует насыпать не более 2,3 г пороха «Сокол» при указании на пороховой банке максимальной навески в 2,5 г.

На первой странице обложки:

«Жил и охотился в Полесье... Никто даже себе и представить не может, что такое охота на глухарей перед рассветом!»

А. И. Куприн

К фотоочерку А. Дигилевича «На глухарей»

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибэт, В. В. Дёжкин, Р. В. Дормидонтов, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Е. Флинт, В. Б. Чернышев, Ю. П. Язан

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Бажнов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Э. С. Корчагина

Сдано в набор 03.02.99 г. Подписано к печати 09.03.99 г. Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,04. Тир. 33 экз. Заказ 250.

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская ул., 18. Тел. 207-24-05, 207-20-91.

Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат
Государственного комитета
Российской Федерации по печати
142300, г. Чехов Московской области
Тел. (272) 71-336 Факс (272) 62-536

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452.

Чистиковые птицы, или просто чистики, — своеобразная группа морских преимущественно колониально гнездящихся птиц, главные участники знаменитых северных птичьих базаров. В систематическом плане подотряд чистиковых вместе с подотрядами чайковых и куликов объединен в отряд ржанкообразных. По типу жизненной формы чистики на удивление похожи на географически и систематически удаленных от них пингвинов (бескрылая гагарка по-латыни называлась пингвином). Вытянутое тело, массивная голова, отставленные назад ноги с плавающей перепонкой между передними пальцами, узкие, относительно короткие крылья «северных пингвинов» сделали их прекрасными пловцами и ныряльщиками (на глубину 100 м могут погружаться кайры), но неуклюжими пешеходами. С суши чистики связаны, как правило, лишь в сезон гнездования. Подотряд объединяет 22 вида, 19 из них гнездятся у нас, 1 — залетный. Большая часть видов обитает на Дальнем Востоке. Во время кочевков и миграций держатся в открытом море, у кромки льдов, могут перемещаться и к югу (до Калифорнии, Сев. Африки), изредка встречаясь на внутренних водоемах. Вес тела от 80 г (конюга-крошка) до 1, 2 кг (кайры). Оперение густое, иногда с пестринами. В брачный сезон у ряда видов появляются на голове кожные и роговые выросты, удлиненные перья, клюв приобретает яркую окраску. Разнообразие форм клюва (узкий, уплощенный, вздутый) определяется во многом пищевой специализацией: от рыбоядности до планктофагии.

Незабываемое впечатление оставляют многотысячные (до 1 млн) шумные колонии кайр, где на 1 кв. м скального выступа можно насчитать до 40 птиц. Тысячные гнездовые скопления образуют некоторые другие виды чистиковых (конюги, тупики, топорки). Одиночными парами селятся длиноклювый пыжик, причем его гнезда расположены на деревьях. Кайры не строят гнезд, откладывая яйца прямо на камни. Яйца грушевидной формы, что отчасти не позволяет им скатываться с карнизов. Ряд видов роют в грунте настоящие гнездовые норы (тупик, топорок, старик). В кладке обычно 1 яйцо (у старика — 2, собственно у чистика бывает и 3). Инкубация у разных видов продолжается от 4 до 6 недель. Все три типа развития птенцов (выводковый, птенцовый, полувыводковый) имеются в семействе чистиковых. Много яиц и птенцов гибнут от пернатых и четвероногих хищников. Рекордная продолжительность жизни чистиков 20—25 лет. С древнейших времен наибольший урон чистиковым наносил человек, используя мясо, жир, шкурки, яйца. Вечным упреком человеческой недалечности, хищническому отношению к природе стала судьба бескрылой гагарки, самой крупной (до 8 кг) колониально гнездящейся чистиковой птицы. К середине XIX века этот вид был истреблен. И если еще как-то можно оправдать продолжающийся до сих пор промысел чистиков у аборигенов Севера, то сбор яиц этих прекрасных птиц, для охраны которых созданы специальные заповедники (например, Магаданский, Дальневосточный, Камдалакшский), выглядит сейчас недостойным анахронизмом, заслуживающим осуждения. Гибнут чистики в рыбацких сетях, в разливах нефти, от бескормицы. Три вида: хохластый старик, длиноклювый и короткоклювый пыжики занесены в Красную книгу России. Грамотные охотники могут многое сделать для охраны гнездовых колоний чистиковых — индикаторов обильных рыбных запасов, необходимых компонентов северных приморских экосистем. Мы надеемся, что публикация новых страниц нашего Атласа, посвященных отдельным видам чистиковых, будет способствовать этому.

В. ШИШКИН

Рисунок В. Шишкина

Тонкоклювая кайра

Большая конюга

Ипатка

Чистик

Старик

КЕРАМИКА

художник В. СИМОНОВ

